

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова»**

На правах рукописи

СУХОНИНА НИНА АНАТОЛЬЕВНА

**РОССИЙСКИЙ МЕДИАДИСКУРС ОСВЕЩЕНИЯ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА: СТРАТЕГИИ И ЭФФЕКТЫ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата политических наук

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Научный руководитель:

доктор политических наук, профессор

Головин Юрий Алексеевич

Ярославль 2025

Оглавление

Введение	3
1. Теоретико-методологические основы исследования медиадискурса освещения событий в онлайн-СМИ	19
1.1. Особенности интерпретации феноменов дискурса и медиадискурса в политических процессах.....	19
1.2. Сущность этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в контексте постмодернистского медиадискурса	54
1.3. Модель анализа дискурсивных стратегий при освещении этнополитических конфликтов в онлайн-СМИ.....	70
2. Стратегии и эффекты российского медиадискурса при освещении этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве	102
2.1 Общие особенности освещения этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в 2014-2024 гг.....	102
2.2. Дискурсивные стратегии и приемы при освещении этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в онлайн-СМИ за 2014-2024 гг.	124
2.3 Эффекты медиадискурса при освещении этнополитических конфликтов в онлайн-СМИ за 2014-2024 гг.....	146
Заключение	168
Список литературы	180
Приложения.....	213

Введение

Современная политическая реальность характеризуется возрастающей сложностью и многомерностью социальных процессов, где медийная коммуникация выступает не просто каналом передачи информации, но и активным фактором конструирования политических смыслов, идентичностей и восприятия конфликтов. Особую значимость этот процесс приобретает в контексте пространства, образовавшегося после распада СССР, где вопросы этничности, национального строительства и территориальной целостности остаются источником перманентной напряженности и открытых конфликтов. Анализ способов репрезентации этих конфликтов в медийном поле становится важным для понимания не только их динамики, но и формирования общественно-политического дискурса и массового сознания.

Актуальность избранной темы диссертационного исследования обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, отражающих как современные тенденции в развитии научного знания, так и острые практические проблемы политической реальности.

Во-первых, в современной науке отчетливо прослеживается устойчивая тенденция к конвергенции различных дисциплин, ведущая к усилению интеграции и синтеза методологических подходов и концептуальных наработок. В этом контексте рассмотрение сложного феномена медиадискурса исключительно в рамках одной научной парадигмы представляется методологически ограниченным и не отвечающим требованиям комплексного анализа. Несмотря на широкое признание в академической среде необходимости преодоления междисциплинарных барьеров при изучении медиакоммуникаций, реализация подлинно интегративного подхода к исследованию медиадискурса остается недостаточно разработанной задачей.

Во-вторых, актуальность исследования детерминирована сохраняющейся высокой интенсивностью и динамикой этнополитических конфликтов на территории постсоветского пространства. Эти конфликты, обладая значительным дестабилизирующим потенциалом, характеризуются

непрерывностью и постоянной трансформацией форм проявления, что требует их систематического научного мониторинга и анализа. Однако комплексный анализ дискурсивных механизмов и стратегий, используемых при таком конструировании, требует углубленной разработки.

В-третьих, существующий массив научных работ демонстрирует значительный интерес к исследованию механизмов формирования языка вражды, негативных образов и антипатии по отношению к государствам, воспринимаемым как враждебные, в медийном дискурсе различных стран. Вместе с тем, остается заметно менее изученной специфика освещения этнополитических конфликтов в медиадискурсе Российской Федерации, особенно в ситуациях, когда Россия не выступает их прямой участницей, но проявляет выраженный интерес к их урегулированию.

Наконец, в-четвертых, на текущий момент в научном сообществе отсутствует обобщенная, теоретически обоснованная модель, описывающая закономерности и специфику репрезентации этнополитических конфликтов именно в российском сегменте онлайн-СМИ. Разработка такой модели представляется необходимой, поскольку понимание дискурсивных стратегий, языковых средств и идеологических рамок, используемых при отражении данных конфликтов, является фундаментальным условием для адекватного анализа многогранного влияния медиа на формирование массовых представлений, политических установок и, в конечном счете, на сами политические процессы в контексте сложных межэтнических отношений. Таким образом, данное исследование направлено на восполнение указанных теоретических и методологических лакун, что и определяет его научную и практическую значимость.

Степень научной разработанности. Говоря о степени научной разработанности проблемы, стоит отметить, что наша тема находится на пересечении тем дискурса, медиадискурса и этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве. Поэтому сначала рассмотрим отдельно вопросы изученности этих тем.

Феномен дискурса – предмет большого количества исследований зарубежных и отечественных ученых. Существенный вклад в изучение проблемы дискурса внес М. Фуко, который разработал и популяризировал концепцию дискурса¹. Он также является основоположником кратологической концепции, утверждающей, что дискурс функционирует как инструмент власти и служит интересам доминирующих групп.

Лингвистические трактовки дискурса нашли свое отражение в работах К. Леви-Стросса, Э. Бенвениста, М. Пеше, А. Греймаса, П. Серио, Н. Д. Арутюновой, В. И. Карасика и др.². Последователей данной концепции объединяет точка зрения, согласно которой дискурс формируется в речевой деятельности и выражает знания.

Семиотического подхода к исследованию дискурса придерживались Р. Барт, Ж. Бодрийяр, У. Эко³ и др. Они рассматривают дискурс как систему знаков, посредством которых передается значение.

Такие ученые, как Ю. Хабермас и И. Гоффман⁴ и др. внесли значительный вклад в понимание дискурса как сложной системы коммуникации, которая отражает и укрепляет социальные структуры и нормы. Их объединяет социально-коммуникативная концепция, изучающая, как язык функционирует в социальных контекстах для формирования взаимодействий, конструирования идентичностей и согласования динамики власти.

¹ Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. — 416 с.

² Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. - М.: Наука, 1985. - 399 с., Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; под ред. Ю. С. Степанова. - М.: Прогресс, 1974. - 446 с., Rêcheux, M. Analyse automatique du discours / M. Rêcheux. - Paris, 1969. - 139 p., Греймас, А. Ж., Курте, Ж. Семиотика. Объяснительный словарь / А. Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика. - М., 1983. - С. 483-550., Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса; пер. с франц. и португ. - М.: Прогресс, 1999. - С. 14-53., Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. - С. 411-412., Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. - М.: Гнозис, 2004. - 390 с.

³ Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. - М., 2003. - 512 с., Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр; пер. с франц. С. Н. Зенкина. - М., 2001. - 177 с., Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. - СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. - 416 с.

⁴ Habermas, J. Die nachholende Revolution / J. Habermas. - Frankfurt: Suhrkamp, 1990. - 180 S., Goffman, E. Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates / E. Goffman. - New York: Anchor Books, 1961. - 386 p.

Концепция дискурса была в центре внимания постмодернистской теории, предлагающей уникальный взгляд на то, каким образом язык, власть и знания пересекаются, формируя социальную реальность. Ученые-постмодернисты, такие как Э. Лакло, Ш. Муфф, Ж. Деррида⁵ оказали значительное влияние на понимание дискурса, бросив вызов традиционным представлениям об истине, объективности и авторитете.

Новым подходом, а скорее, новым уровнем или новой практикой в исследовании дискурса стал критический дискурсивный анализ, разработанный такими учеными, как Н. Фэйрклаф, Т. А. ван Дейк и Р. Водак⁶. Данный подход стремится обнаружить скрытые идеологии и властные структуры, встроенные в повседневное использование языка.

Изучение медиадискурса как особого вида дискурса началось в XX веке в связи с бурным развитием средств массовой информации. Феномен медиадискурса, его структура и функции широко изучались многими исследователями. Среди зарубежных ученых, сделавших вклад в концепцию медиадискурса, стоит назвать М. Монтомери, А. Белла, Р. Фаулера, Н. Фэйрклафа и Т. ван Дейка⁷. Российские медиалингвисты – это, прежде всего, Т. Г. Добросклонская, Г. Я. Солганик, В. Г. Костомаров, Е. С. Кубрякова, М. Р. Желтухина, А. В. Шевченко⁸ и др. Отдельно стоит выделить работы по

⁵ Laclau, E., Mouffe, Ch. *Hegemony and Socialist Strategy* / E. Laclau, Ch. Mouffe. - London: Verso, 1985. - 197 p., Деррида, Ж. *О грамматологии* / Ж. Деррида; пер. и вступ. ст. Н Автономой. - М.: Ad Marginem, 2000. - 512 с.

⁶ Fairclough, N. *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. - London: Routledge, 2003. - 270 p., Ван Дейк, Т. А. *Язык. Познание. Коммуникация* / Т. А. Ван Дейк. - М.: Прогресс, 1989. - 307 с., Wodak, R. *Disorders of Discourse* / R. Wodak. - London: Longman, 1996. - 200 p.

⁷ Montgomery M. *Discourse of broadcast news* / M. Montgomery. — London ; New York : Routledge, 2007. — 265 p.; Bell A., Garrett P. (eds.) *Approaches to Media Discourse*. — Oxford : Blackwell, 1998. — 287 p.; Fowler R. *Language in the news: Discourse and ideology in the press*. - London: Routledge Publ. - 254 p.; Fairclough N. *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. L.: Routledge, 2003. - 270 p.; Дейк Т.А., ван. *Язык. Познание. Коммуникация*. - М.: Прогресс, 1989. - 307 с.,

⁸ Добросклонская Т. Г. *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь* / Добросклонская Т. Г. М.: Наука, 2008. 234 с.; Солганик Г.Я. *К определению понятий «текст» и «медiateкст»* // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7–15; Костомаров В.Г. *Русский язык на газетной полосе : Некоторые особенности языка современной газетной публицистики*. — М. : Моск. ун-т, 1971. — 265 с.; Кубрякова Е.С. *Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа)* // Язык и наука конца XX века. - М.: Рос. Гуманит. Ун-т, 1995. - С. 144-238.; Желтухина М.Р. *Медиадискурс* // Дискурс-Пи. — 2016. — Т. 14, № 3-4. — С. 292-296; Шевченко, А. В. *Атональность международно-политического дискурса: "дурная парресия" в парадоксальной коммуникации* / А. В. Шевченко // *Право и современные государства*. – 2022. – № 4. – С. 48-58.

теории политической коммуникации, на которые опиралось данное исследование. Это, прежде всего, труды М. Кастельса, Н. Лумана, М. Маклюэна, Г. Лассуэла, С. В. Володенкова, М. Н. Грачева, Л. В. Сморгунова⁹. Отдельные аспекты дискурсивных стратегий в медиа рассматривались в работах, публиковавшихся в таких изданиях, как «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены»¹⁰, что составило важную часть теоретического контекста данного исследования.

Другая линия нашего исследования – это этнополитические конфликты. Теоретико-методологической основой исследования послужили базовые работы по политической конфликтологии, принадлежащие таким авторам, как Р. Дарендорф, Г. Шлее, Л. Козеру, А. В. Глухова, Л. И. Никовская, О. М. Михайленок, Л. Н. Тимофеева¹¹ и др.

Общая традиция изучения именно этнополитических конфликтов зародилась в политологии и в наибольшей степени представлена работами Д. Горовица и А. Лейпхарт¹². Существенный вклад в исследование

⁹ Кастельс М. Власть коммуникации / М. Кастельс ; пер. с англ. Н.М. Тылевич. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 591 с.; Луман Н. Общество общества. II. Медиа коммуникации / Н. Луман ; пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. – М. : Логос, 2005. – 280 с.; Маклюэн Г.М. Понимание Медиа. Внешнее расширение человека / Г.М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Николаева ; заключ. ст. М. Вавилова. – 2-е изд. – М. : Гиперборея : Кучково поле, 2007. – 464 с.; Lasswell, H. D. The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas / Ed. L. Bryson. - New York: Institute for Religious and Social Studies, 1948.; Володенков С.В. Политические коммуникации как инструмент конструирования современной социально-политической реальности / С.В. Володенков, Д.И. Чулков // Русская политология. – 2018. – № 4 (9). – С. 3–8.; Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития / М.Н. Грачев. – М. : Прометей, 2004. – 328 с.; Социальные сети: Власть, коммуникация и стратегии поведения / под ред. Л.В. Сморгунова. – М. : Аспект Пресс, 2025. – 322 с.

¹⁰ Например, Чудинов, С. И., Казначеев, Д. А. Развитие идеологического дискурса исламистских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» / С. И. Чудинов, Д. А. Казначеев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2025. – № 6. – С. 152–177.; Новгородов, Е. А. Видеоигры в российских федеральных СМИ: трансформация дискурса / Е. А. Новгородов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2025. – № 4. – С. 120–137.

¹¹ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р. Дарендорф ; пер. с нем. Л.Ю. Панфиной. – М. : РОССПЭН, 2002. – 284 с.; Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика / Г. Шлее ; пер. с англ. и нем. С.В. Соколовского ; программа сотрудничества ЕС и России (Тасис). – М. : Deutsch-Russischer Austausch, 2004. – 200 с.; Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер; пер. с англ. О. А. Назаровой. - М.: Идея-Пресс, 2000. - 208 с.; Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика : теоретико-методологический анализ / А.В. Глухова. – 2-е изд. – М. : URSS, 2010. – 277 с.; Никовская Л.И., Михайленок О.М., Тимофеева Л.Н. [и др.] Социально-политические конфликты: теоретические представления и практики урегулирования : монография / отв. ред. Л.И. Никовская, О.М. Михайленок ; предисл. О.М. Михайленок ; ФНИСЦ РАН. – М. : ФНИСЦ РАН, 2024. – 460 с.;

¹² Horowitz D. L. Democracy in Divided Societies. Journal of Democracy 4(4), 1993, p. 18-38.; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование (пер. с англ. Б.И. Макаренко). М.: Аспект Пресс, 1997. - 290 с.

этнополитических конфликтов с конструктивистских позиций внесли такие ученые, как Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, В. А. Тишков, В. А. Ачкасов, В. А. Ачкасова¹³. Среди наиболее известных теорий этнических конфликтов комплексного характера следует выделить теории Д. Ротшильда, Т. Гарра, Г. Шлее, Р. Брубейкера, М. Манна, Т. Ванханена¹⁴. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве исследовали С. Корнэлл, З. В. Сикевич, Г. Лapidус, В.А. Ачкасов, А.И. Абалян, А. А. Андреев, В. А. Аксентьев, В. А. Тишков, В.В. Лапкин, В.И. Пантин, И. С. Семенов, Л. М. Дробижина, М. С. Единова и др.¹⁵,

Наконец, исследований, связанных с формированием дискурса при репрезентации этнополитических конфликтов, не так много, среди них можно

¹³ Gellner E. Nations and Nationalism. — Ithaca: Cornell University Press, 1983. — 150 p.; Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Г. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. - М.: Кучково поле, 2016. - 416 с., Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум; пер. с англ. А.А. Васильева. - СПб.: Алетейя, 1998. - 305 с.; Тишков, В. А. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе / В. А. Тишков. - М.: Росинформагротех, 2010. - 264 с.; Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем / В.А. Ачкасов // ПОЛИТЕКС. - 2013. - Т. 9, № 2. - С. 41–61.; Ачкасова В.А. Политическая мобилизация в этнических конфликтах / В.А. Ачкасова // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. - 2016. - № 5. - С. 39–47.

¹⁴ Roeder, P. G., Rothchild, D. S. Sustainable peace: power and democracy after civil wars / P. G. Roeder, D. S. Rothchild. - 2005. - 383 p., Ethnic Conflict In World Politics / B. Harff, T. R. Gurr. - 2nd ed. - Hachette Book Group, 2018. - 250 p., Schlee, G. Identities on the move: clanship and pastoralism in northern Kenya / G. Schlee. - Manchester : Manchester University Press ; New York : St. Martin's Press, 1989. - 218 p., Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер; пер. с англ. И. Борисовой. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. - 408 с.; Манн М. Темная сторона демократии / М. Манн; пер. с англ. Д. Сливняк, М. Сливняк, В. Туз. - СПб.: Питер, 2023. - 896 с.; Ванханен Т. Этнические конфликты. Их биологические корни в этническом фаворитизме / Т. Ванханен; пер. с англ. - М.: Кучково поле, 2014. - 288 с.

¹⁵ Cornell, S. E. Small Nations and Great Powers: A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus / S. E. Cornell. - Richmond: Curzon Press, 2001. - 480 p., Lijphart, A. Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration / A. Lijphart. - New Haven: Yale University Press, 1977. - 280 p., Сикевич, З. В. Социология и психология этнических отношений / З. В. Сикевич. - СПб.: Лань, 2022. - 276 с., Lapidus, G. W. Asymmetrical Federalism and State Breakdown in Russia // Post-soviet Affairs. - 1999. - Vol. 15. - P. 74-82., Ачкасов, В. А., Абалян, А. И., Андреев, А. А., Никифоров, А. А. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст / В. А. Ачкасов, А. И. Абалян, А. А. Андреев, А. А. Никифоров. - СПб.: Изд-во РХГА, 2021. - 638 с., Авксентьев В.А. Этнические конфликты: проблемы идентификации в контексте научно-экспертной деятельности / В.А. Авксентьев // Этнические проблемы современности. - Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2012. - Вып. 17. - С. 6–23., Тишков, В. А., Шабаев, Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности / В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев. - М.: Изд-во МГУ, 2011. - 376 с., Лапкин, В. В., Пантин, В. И. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов / В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Мировая экономика и международные отношения. - 2016. - Т. 60, № 12. - С. 92-103., Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы "большой теории" / И.С. Семенов, В.В. Лапкин, В.И. Пантин // Полис. Политические исследования. - 2016. - № 6. - С. 69–94.; Дробижина Л.М. Этнические конфликты / Л.М. Дробижина // Социальные конфликты в меняющемся российском обществе (детерминация, развитие, разрешение) // Полис. - 1994. - № 2. - С. 98–117.; Ачкасов В.А., Абалян А.И., Единова М.С., Никифоров А.А. Единство в многообразии: сравнительный анализ моделей этнофедерализма / В.А. Ачкасов, А.И. Абалян, М.С. Единова, А.А. Никифоров; отв. ред. В.А. Ачкасов. - СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2024. - 400 с.

выделить работы А. В. Манойло, А. Г. Осипова, В. К. Малковой, Н. Б. Зазаевой, Е. В. Родионовой, К. А. Балан, И. В. Юрченко, Т. С. Яковой¹⁶ и др.

Вместе с тем, комплексных исследований в рамках междисциплинарного подхода, сочетающего в себе изучение медиадискурса и современных этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, явно недостаточно.

Объектом исследования является российский медиадискурс в освещении этнополитических конфликтов.

В качестве **предмета исследования** выступают стратегии и медиаэффекты репрезентации этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в новостных пабликах ВКонтакте.

Целью диссертационного исследования является выявление тенденций медиадискурса в освещении этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в российских пабликах ВКонтакте (2014–2024 гг.)

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующий комплекс задач:

1. Обобщить основные теоретико-методологические подходы в политической науке к исследованию феномена медиадискурса, сформулировать его ключевые характеристики.
2. Установить основные стратегии медиадискурса при освещении этнополитических конфликтов в онлайн СМИ;
3. Создать модель анализа дискурсивных стратегий, с помощью которой можно выявить особенности и динамику дискурсивного конструирования

¹⁶ Манойло А.В. Информационно-психологическая война в вооружённом конфликте в Южной Осетии / А.В. Манойло // Власть. – 2009. – № 9. – С. 81–85.; Осипов, А. Г. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс / А. Г. Осипов // Расизм в языке социальных наук / под ред. В. Воронкова, А. Г. Осипова, О. В. Карпенко. - СПб.: ЦНСИ, 2002. - С. 45-69., Малкова, В. К. Этнические темы в российском информационном пространстве / В. К. Малкова // Коммуникология. - 2014. - № 3. - С. 110-117., Зазаева, Н. Б. Роль СМИ в формировании межэтнической толерантности в современной России / Н. Б. Зазаева // Вестник Поволжского института управления. - 2013. - № 5 (38). - С. 61-67., Родионова, Е. В., Балан, К. А. Репрезентация этнического конфликта в средствах массовой информации в постсоветский период / Е. В. Родионова, К. А. Балан // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. - 2020. - № 2. – С. 519-534., Юрченко, И. В. Теория дискурса как методология конфликтологического анализа региональных этнополитических процессов / И. В. Юрченко // Социально-политические науки. - 2023. - Т. 13, № 1. - С. 15-20., Якова, Т.С. Массмедиа и конфликты: медиагеографические исследования // Вопросы теории и практики журналистики. — 2021. — Т. 10, № 4. — С. 680-697.

этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в 2014–2024 гг. в онлайн СМИ.

4. Определить медиаэффекты освещения этнополитических конфликтов в онлайн-СМИ в 2014–2024 гг.

Гипотеза исследования. Дискурсивные стратегии, используемые российскими онлайн-СМИ (на примере новостных пабликов ВКонтакте) при освещении этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в период 2014–2024 гг., характеризуются устойчивой спецификой (использование исторических аналогий, лингвистических конструкций, семиотических кодов и стратегий отбора информации) и динамикой, обусловленной изменением роли России в конфликтах и общей геополитической обстановкой. Эти стратегии систематически направлены на конструирование особой медийной реальности конфликта, которая для аудитории становится доминирующей над объективной событийностью. В результате формируются определенные медиаэффекты (формирование/изменение политических установок, восприятия идентичностей, легитимация внешнеполитического курса России), оказывающие влияние на массовое сознание и общественно-политический дискурс.

Территориальные рамки изучаемых кейсов охватывают территорию постсоветского пространства, в частности территорию Российской Федерации, Молдовы (в том числе и самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республики), Грузии, Абхазии и Южной Осетии.

Хронологические рамки исследования охватывают события с 2014 по 2024 гг. включительно.

Теоретико-методологическая база исследования. Главной методологической основой при исследовании российского медиадискурса в освещении этнополитических конфликтов послужил *системный подход*. Кроме того, для исследования дискурса, медиадискурса и его эффектов были применены *постмодернистский подход*, в рамках которого анализировалось,

как дискурсы формируют социальную действительность, влияя на восприятие идентичности, норм и ценностей внутри общества.

При анализе этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в работе используется *диалектический подход*. Он позволяет рассмотреть конфликты не как статичные явления, а как динамические процессы, возникающие из исторических, социальных и политических изменений. Исследование этнополитических конфликтов также строилось на основе *постмодернистского подхода*. В нем этнополитические конфликты рассматриваются как выражение конкурирующих нарративов, каждый из которых обладает собственной легитимностью. Внимание уделяется тому, как языковые конструкции и дискурсы могут оправдывать или обострять конфликты.

Методы исследования. В диссертации использованы как общенаучные, так и специальные методы. *Анализ* помог исследовать различные уровни и аспекты медиадискурса и дискурсивные стратегии. Модель анализа дискурсивных стратегий освещения этнополитических конфликтов в СМИ была создана с помощью такого общенаучного метода, как *синтез*. *Сравнительный метод* сыграл большую роль в исследовании динамики освещения этнополитических конфликтов в СМИ. *Классификация* как метод была использована при делении этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве на виды.

Исторический метод позволил глубже понять динамику взаимодействия этнических групп, выявить корни конфликтов и понять их эволюцию на протяжении времени. Контекстуализация событий также играет важную роль: конкретные исторические моменты, такие как войны, революции, влияют на формирование этнополитических идентичностей и отношений.

Основными специальными методами анализа медиадискурса стали

- метод качественного и количественного контент-анализа;
- метод дискурсивно-исторического анализа Р. Водак;

- метод критического дискурс-анализа Т. ван Дейка.

Этнополитические конфликты исследовались с помощью методов политического анализа: ивент-анализа и кейс-стади.

Эмпирической базой для исследования послужили:

- 810 постов и 7689 комментариев к ним в новостных сообществах социальной сети ВКонтакте, а именно «РИА Новости», «РБК», «RT на русском» и «Комсомольская правда», косвенно или непосредственно посвященные грузино-южноосетинскому, грузино-абхазскому или молдавско-приднестровскому конфликтам, размещенные в период с 1 января 2014 года до 31 декабря 2024 года

- открытые данные компании «Медиалогия» – автоматизированной системы мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей в режиме онлайн.

Научная новизна результатов исследования состоит в следующем:

1. Уточнено содержание понятий «дискурс» и «медиадискурс» применительно к задачам политического анализа. Разработана и апробирована авторская пятиуровневая модель анализа дискурсивных стратегий, интегрирующая инструментарий критического дискурс-анализа, медиалингвистики и семиотики для изучения репрезентации этнополитических конфликтов в российском сегменте онлайн-СМИ.

2. В продолжении развития существующих подходов к анализу медиадискурса, эмпирически выявлен и систематизирован комплекс дискурсивных стратегий (исторические, лингвистические, семиотические, стратегии отбора информации и нетекстового обрамления), используемых российскими новостными пабликами ВКонтакте для конструирования медиаобразов этнополитических конфликтов. Установлено, что данные стратегии носят системный и целенаправленный характер, выступая инструментом идеологического воздействия.

3. На материале российских новостных пабликов ВКонтакте за 2014–2024 гг. впервые проведён анализ освещения ключевых этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве (грузино-абхазский, грузино-

южноосетинский, молдавско-приднестровский). Исследование позволило выявить эволюцию дискурсивных практик в зависимости от изменения внешнеполитического контекста.

4. Определены и типологизированы ключевые медиаэффекты (формирование политических установок, легитимация внешнеполитического курса, влияние на восприятие этнических идентичностей), продуцируемые выявленными дискурсивными стратегиями, и доказано их влияние на формирование «гиперреальности» конфликта, доминирующей в массовом сознании над объективной событийностью.

Положения, выносимые на публичную защиту:

1. Дискурс как сложный коммуникативный феномен остается в фокусе исследовательского внимания, приобретая новые черты в цифровой среде. Феномен дискурса должен быть рассмотрен как многомерное явление: это и языковая практика, и социальное взаимодействие, и поле идеологической борьбы. Постмодернистская традиция подчеркивает нестабильность смыслов, их зависимость от контекста и власти.

Медиадискурс, как подвид дискурса, обладает спецификой: он массово адресован, целенаправлен и зависит от технологических платформ. Он является гибридом, сочетая черты институционального (нормативность) и повседневного (интерактивность) общения. В цифровую эпоху его границы размываются: соцсети и онлайн-СМИ превращают аудиторию в соавтора контента, трансформируя традиционные модели коммуникации.

2. Авторская модель дискурсивных стратегий строится на том, что данные стратегии при освещении этнополитических конфликтов в онлайн-СМИ могут быть разделены на группы в зависимости от используемых механизмов: исторические, лингвистические, семиотические, нетекстовые и стратегии, связанные с отбором информации.

При освещении российскими медиаресурсами этнополитических конфликтов, в которых Россия не является прямой стороной, но проявляет заинтересованность, последовательно и систематически, применяются

одинаковые дискурсивные стратегии, служащие единой цели. Они играют ключевую роль в формировании определенного имиджа России, а также в обосновании её внешней и внутренней политики. Эти стратегии позволяют проводить параллели между событиями конкретных этнополитических конфликтов и участием России в других международных кризисах, что, в свою очередь, способствует созданию нарратива, который легитимизирует действия государства и его политические решения.

3. На материале репрезентативных кейсов (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье) выявлены специфические региональные модели репрезентации в российском цифровом медиадискурсе, демонстрирующие его адаптивность. Показано, как единый центральный нарратив (Россия как гарант стабильности) реализуется через различные дискурсивные конфигурации: через акцент на оперативных кризисах и зависимости (Абхазия), историко-культурную общность (Южная Осетия) или встраивание в макрополитическую рамку противостояния с Западом (Приднестровье). Полученные результаты раскрывают механизмы адаптации медиадискурса к различным политическим контекстам в рамках общей идеологической парадигмы.

4. Анализ воздействия медиадискурса на аудиторию показал глубокое усвоение аудиторией ключевых дискурсивных фреймов, особенно нарратива о России как «защитнике». При этом восприятие варьировалось: от наибольшего консенсуса вокруг идеи «воссоединения» с Южной Осетией до прагматизма, цинизма и усталости, выраженных в обсуждении приднестровской проблематики, которая воспринимается как проблемная периферия «русского мира».

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в его вкладе в развитие взаимосвязанных научных направлений: теорию политического медиадискурса и постмодернистскую теорию медиа.

Работа преодолевает описательный характер многих исследований, предлагая модель анализа дискурсивных стратегий как инструмента

симуляции и конструирования гиперреальности конфликта. Исследование демонстрирует, как в условиях постмодернистской медиасреды дискурсивные практики не столько отражают, сколько замещают и определяют политические процессы. Работа верифицирует и конкретизирует ключевые концепты постмодернистской мысли (симулякр, гиперреальность, фрагментация нарратива) на обширном эмпирическом материале. Оно наглядно показывает, как логика медийного производства, описанная Бодрийяром, работает в сфере политики. Таким образом, диссертация способствует преодолению разрыва между абстрактной философской критикой медиа и прикладным политическим анализом.

В целом, теоретическая значимость заключается не в простом дополнении существующих областей знания, а в предложении целостного междисциплинарного подхода, который рассматривает современный этнополитический конфликт как принципиально медиатизированный феномен, требующий одновременного анализа политических, социологических и дискурсивных механизмов его конструирования.

Практическая значимость основных результатов исследования заключается в том, что они могут быть использованы СМИ для формирования более сбалансированных и объективных стратегий освещения этнополитических конфликтов. Осознание дискурсивных методов и их влияния на общественное мнение поможет избежать манипуляций и стереотипизации. На основе выводов исследования возможно создание образовательных программ для студентов и профессионалов в области медиаполитики, журналистики, политологии и социологии.

Апробация результатов исследования. Диссертация выносилась на обсуждение в рамках заседаний кафедры социально-политических теорий ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Основные результаты исследования были апробированы и опубликованы в 15 научных работах, в том числе в 5 статьях в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства

образования и науки РФ, 1 статье в издании, индексируемом в базу Scopus, и др., а именно:

1. Сухонина, Н. А. Грузино-абхазский конфликт в освещении российских онлайн-СМИ: анализ дискурса / Н. А. Сухонина, Ю. А. Головин // Социальные и гуманитарные знания. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 442–451.

2. Головин, Ю. А. Лингвосомиотические дискурсивные стратегии в освещении этнополитических конфликтов в российских онлайн-СМИ / Ю. А. Головин, Н. А. Сухонина // PolitBook. – 2025. – № 3. – С. 117–136.

3. Сухонина, Н. А. Дискурс и медиадискурс: генезис понятий и сущностные различия / Н. А. Сухонина // Социальные и гуманитарные знания. – 2025. – Т. 11, № 4. – С. 364-371.

4. Сухонина Н. А. Головин Ю. А. Исламское возрождение в Дагестане: динамика, масштабы и последствия // Социальные и гуманитарные знания. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 280-289.

5. Сухонина Н. А. Влияние исламской религиозно-политической доктрины на военные конфликты на Северном Кавказе в период VII - начала XX века // PolitBook. - 2021. - №3. – С. 69-84.

6. Frolov A, Sukhonina N. and Gabaydulin R., "Bloggers in the Modern Media Space: Agents of Socialization and Translators of Meanings," 2025 *Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)*, Saint Petersburg, Russian Federation, 2025, pp. 30-36.

7. Сухонина Н. А. Фрейминг как дискурсивная стратегия российских онлайн-СМИ при освещении этнополитических конфликтов (на примере грузинско-абхазского конфликта) / Н. А. Сухонина // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием, Москва, 05–07 декабря 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2024. – С. 622-623.

8. Сухонина, Н. А. Освещение арабо-израильского конфликта российскими интернет-СМИ в 2023 году / Н. А. Сухонина, Я. Д. Георгиев // Мы в России, Россия в мире: связь поколений: Материалы VII Всероссийского Форума молодых политологов, Москва, 07 декабря 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2024. – С. 479-480.

9. Сухонина, Н. А. Дискурсивные стратегии в освещении российскими СМИ конфликта в Приднестровье в 2022-2023 гг / Н. А. Сухонина // Власть, общество, политика, управление в междисциплинарных исследованиях : Материалы II Московского политологического форума в Президентской академии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, 12–13 апреля 2024 года. – Москва, 2024. – С. 175-177.

10. Сухонина Н. А. Исторический дискурс в отражении этнополитических конфликтов в российских интернет-СМИ // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции / под ред.: А. В. Соколова, А. А. Фролова. Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2024. С. 338-343.

11. Сухонина Н. А. Георгиев Я. Д. Дискурсивные приемы отражения этнополитического конфликта в интернет-СМИ (на примере грузинских и абхазских СМИ) // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции / под ред.: А. В. Соколова, А. А. Фролова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2024. С. 343-351.

12. Сухонина Н. А. Освещение российскими интернет-СМИ Нагорно-Карабахского конфликта / Н. А. Сухонина, Т. С. Аكوпова // Россия и Армения: история и современность: Сборник научных статей. – Ярославль : ООО Филигрань, 2024. – С. 104-110;

13. Сухонина Н. А., Георгиев Я. Д. Освещение роли России в урегулировании конфликта в Южной Осетии российскими интернет-СМИ в 2023 году // Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск: материалы Всероссийской конференции РАПН с

международным участием. Москва, РУДН, МГИМО МИД России, 1–2 декабря 2023 г. / под редакцией О. В. Гаман-Голутвиной, М. М. Мчедловой, Л. Н. Тимофеевой. – Москва: РУДН, 2023. – С. 558-559.

14. Сухонина Н. А. Роль миротворческой миссии России в Нагорном Карабахе в отражении российских СМИ // XII Столыпинские чтения. Социально-политическое пространство и публичная политика: векторы внешне- и внутривластного взаимодействия и развития в условиях глобальных перемен: материалы Всероссийской научно-практической конференции; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. С. 95-99.

15. Сухонина Н. А. Освещение вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе в российских интернет-СМИ в 2020 году // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции / под ред.: А. В. Соколова, А. А. Фролова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: Филигрань, 2023.

Основные положения исследования были представлены на различных зарубежных, международных и всероссийских научных конференциях¹⁷.

Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников.

¹⁷ 1. 2025 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS), Saint Petersburg, Russian Federation, 9 April 2025. 2. II Всероссийская научная конференция «Денационализация: история и современность», ДонГУ, Донецк, ДНР. 20-21 ноября 2024 г. 3. Второй Московский политологический форум «Власть, общество, политика, управление в междисциплинарных исследованиях» Москва, РАНХиГС. 12-13 апреля 2024 г. 4. VII ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция «Возможности и угрозы цифрового общества», ЯрГУ, Ярославль, 18-19 апреля 2024 года. 5. Всероссийская научно-практическая конференция XIII Столыпинские чтения «Регионы России в контексте современного политического процесса: итоги развития, проблемы, перспективы», КубГУ, Краснодар, 17 октября 2024 года. 6. VI ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция «Возможности и угрозы цифрового общества» ЯрГУ, Ярославль, 20-21 апреля 2023 года. 7. Всероссийская научно-практическая конференция «Политические институты в современном мире: коллапс или перезагрузка?», СПбГУ, Санкт-Петербург, 12–13 октября 2023 г. 8. 1-2 декабря 2023 г. - Ежегодная всероссийская научная конференция РАПН с международным участием ««Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск», Москва, РУДН.

1. Теоретико-методологические основы исследования медиадискурса освещения событий в онлайн-СМИ

1.1. Особенности интерпретации феноменов дискурса и медиадискурса в политических процессах

Во второй половине XX и начале XXI века наблюдается качественный прорыв в развитии средств массовой информации и новых информационных технологий. Повсеместное распространение интернета и традиционных СМИ привели к формированию универсальной информационной среды, включающей в себя огромное количество медиапотоков. Интернет и смежные с ним технологии занимают ведущее положение среди средств массовой коммуникации, обработки значимых информационных ресурсов и распределения огромных данных¹⁸. Именно в этой высококонкурентной и гибридной среде формируются ключевые нарративы об этнополитических конфликтах, что делает анализ медиадискурса принципиально важным для понимания современных информационных войн и борьбы за историческую правду.

В результате СМИ оказывают сильное воздействие на лингвистическое поведение коммуникатора. В связи с этим все более пристальное внимание ученые разных отраслей научного знания уделяют понятию «дискурс» и «медиадискурс».

Зачастую медиадискурс рассматривается как разновидность дискурса вообще, что, безусловно, представляется логичным и очевидным, однако, на наш взгляд, в связи с развитием интернет-коммуникаций данный феномен требует серьезного уточнения в рамках различных подходов.

Феномен дискурса – предмет большого количества исследований зарубежных и отечественных ученых. Американские исследователи Йоргенсен М. В. и Филлипс Л. Дж. определяют дискурс есть речь, общение между людьми, которые разделяют одни и те же речевые условности,

¹⁸ We Are Social ; DataReportal. Digital 2024: Global Overview Report / We Are Social ; DataReportal. - 2024. - URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 07.08.2025).

демонстрируют одно и то же языковое поведение¹⁹. Согласно российскому ученому В. И. Карасику термин «дискурс» в основном связан с использованием языка в социальном контексте, а также с диалогическими свойствами или интерактивностью коммуникации как социальной практики устного или письменного типа²⁰. Дискурс – это особый способ общения и восприятия окружающего мира. Понимание конкретного дискурса важно для истинной интерпретации реальности. Дискурс упаковывает сообщение таким образом, чтобы оно соответствовало предпочтительному смыслу, заложенному отправителем²¹. Применительно к нашей теме, это означает, что этнополитические конфликты зачастую существуют для массовой аудитории не как объективная реальность, а как совокупность вербальных и визуальных репрезентаций, предлагаемых медиа.

Сам дискурс может пониматься несколькими способами. Изначально сам термин появился в лингвистике благодаря Э. Бенвенисту, который обозначил им «речь говорящего»²².

Большая часть того, что мы знаем о дискурсе сегодня, возникла благодаря французскому философу, писателю и литературному критику М. Фуко, который разработал и популяризировал концепцию дискурса²³. Его можно назвать основоположником *кратологической концепции дискурса* (см. Приложение 1).

Концепция дискурса М. Фуко как фундаментального элемента в понимании динамики власти и социальных взаимодействий выдвигает на первый план сложную систему знаний и власти, которая контролирует наши мысли, язык и действия. Согласно М. Фуко, дискурс выходит за рамки

¹⁹ Йоргенсен, М. В., Филиппс, Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филиппс; пер. с англ. - 2-е изд., испр. - Харьков: Гуманитарный центр, 2008. - 352 с.

²⁰ Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. - М.: Гнозис, 2004. - 390 с.

²¹ Кривошлыкова, Л. В. К определению понятия «Дискурс» / Л. В. Кривошлыкова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. - 2010. - № 3. – С. 42-47.

²² Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; под ред. Ю. С. Степанова. - М.: Прогресс, 1974. - 446 с.

²³ Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. - СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. - 416 с.

простого общения между индивидами и охватывает сложную сеть идей, верований и практик, которые формируют наше понимание мира²⁴. Он включает в себя язык, институты, социальные нормы и властные отношения, служащие механизмом, с помощью которого знания создаются, распространяются и поддерживаются в обществе.

Центральное место в анализе М. Фуко занимает положение, согласно которому дискурс функционирует как инструмент власти. Власть заложена в самой структуре языка. Дискурс играет решающую роль в определении социальных норм и ценностей, устанавливая границы приемлемого и неприемлемого поведения. Поступая таким образом, дискурс конструирует социальную реальность и укрепляет существующие идеологии.

Более того, М. Фуко подчеркивает, что дискурс не нейтрален или объективен, а скорее переплетен с отношениями власти и служит интересам доминирующих групп. Дискурс — это не отражение истины, а продукт борьбы за власть и социальных иерархий. Те, кто находится у власти, оказывают влияние на дискурс, формируя то, что признается законным знанием, а что маргинализируется или замалчивается²⁵. Этот тезис является ключом к анализу российской медиасферы, где доминирующие телеканалы и информагентства часто задают «официальный» дискурс конфликта, в то время как альтернативные точки зрения могут существовать в маргинальных сегментах интернет-среды.

Влияние дискурса выходит за рамки сферы языка и идей. Он формирует наши социальные практики, институты и идентичности. Дискурс усиливает социальные категории, такие как пол, раса и класс. Эти категории не являются естественными или фиксированными, но социально конструируются посредством дискурса. Более того, дискурс функционирует посредством различных механизмов исключения и включения. Он устанавливает, что

²⁴ Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. - М., 1996. - С. 47-96.

²⁵ Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. - М., 1996. - С. 52.

считается «нормальным» или «ненормальным». Те, кто выходит за рамки приемлемого дискурса, часто подвергаются маргинализации или стигматизации.

М. Фуко утверждает, что знание не является беспристрастной или объективной сущностью, а создается и контролируется конкретными институтами и дискурсом. Экспертные знания, часто связанные с профессионалами или авторитетами, обладают значительной властью в определении того, что считается достоверным знанием, а что отвергается как простое мнение или невежество. Эта динамика власти влияет на то, как мы воспринимаем коллективные дискуссии и участвуем в них, поскольку определенным голосам и точкам зрения отдается предпочтение перед другими. Концепция дискурса М. Фуко предлагает критическую перспективу, с помощью которой возможно понять сложное взаимодействие между властью, знанием и языком. Дискурс функционирует как система власти, которая формирует и регулирует коллективную дискуссию.

Помимо *кратологической трактовки дискурса*, которой придерживается М. Фуко, существует ряд других интерпретаций. О.Ф. Русакова²⁶ выделяет лингвистические, семиотические, социо-коммуникативные, постмодернистские подходы и критический дискурс-анализ, объединивший в себе эти трактовки. Они не противоречат друг другу, а чаще соединяются для более объемного и всестороннего изучения такого понятия как дискурс. На наш взгляд, данная типология является наиболее обширной и представляет весь спектр значений дискурса. Для настоящего исследования она служит важной теоретической картой, позволяя осознанно выбирать и комбинировать аналитические инструменты в зависимости от конкретной задачи: будь то анализ языковых конструкций, визуального ряда или скрытых властных отношений в медиатекстах.

²⁶ Русакова, О. Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций / О. Ф. Русакова // Аналитика культурологии. - 2008. - № 11. - С. 190-205.

Лингвистические трактовки дискурса нашли свое отражение в работах К. Леви-Стросса²⁷, Э. Бенвениста²⁸, М. Пеше²⁹, А. Греймаса³⁰, П. Серио³¹, Н. Д. Арутюновой³², В. И. Карасика³³ и др. Лингвистика, естественно, сосредоточилась на вопросах языкового выражения и понимания информации. Конечная цель любого общения – «переместить» информацию, и это перемещение осуществляется посредством языка.

Э. Бенвенист утверждал, что термин «дискурс» относится к речевому процессу говорящего³⁴. В его интерпретации признавалось, что дискурс формируется именно в речевой деятельности и выражает знания. Позже, в 1950-х годах, многие лингвисты указывали, что термин «дискурс» непосредственно связан с «лингвистикой текста». В результате в лингвистике стал очевидным вопрос о различиях в понятиях дискурса и текстов. В частности, если текст представляет собой статическую структуру, дискурс возникает во время речи и рождается во взаимодействии участников коммуникации³⁵. По выражению Н. Д. Арутюновой «дискурс – это речь, погруженная в жизнь»³⁶. На наш взгляд, одним из основных замечаний к лингвистическому подходу является то, что он, как правило, фокусируется на формальных свойствах языка (таких как грамматика, синтаксис и семантика), а не на социальных и культурных аспектах коммуникации. Это может привести к неполному пониманию того, как язык используется в реальных взаимодействиях. Другим недостатком чистого лингвистического подхода

²⁷ Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. - М.: Наука, 1985. - 399 с.

²⁸ Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; под ред. Ю. С. Степанова.

²⁹ Rêcheux, M. Analyse automatique du discours / M. Rêcheux. - Paris, 1969. - 139 p.

³⁰ Греймас, А. Ж., Курте, Ж. Семиотика. Объяснительный словарь / А. Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика. - М., 1983. - С. 483-550.

³¹ Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса; пер. с франц. и португ. - М.: Прогресс, 1999. - С. 14-53.

³² Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. - С. 411-412.

³³ Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. - М.: Гнозис, 2004. - 390 с.

³⁴ Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; под ред. Ю. С. Степанова. - М.: Прогресс, 1974. - С.292.

³⁵ Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. - М., 2004. - С. 10-12

³⁶ Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. - С. 411.

является то, что он часто упускает из виду контекст, в котором происходит коммуникация. Дискурс — это не только слова и предложения; он также связан с социальными, культурными и историческими факторами, которые формируют коммуникацию. Тем не менее, именно лингвистический анализ является незаменимой отправной точкой для выявления ключевых нарративных стратегий в медиатекстах: он позволяет объективно зафиксировать повторяющиеся лексические формулы, синтаксические конструкции и риторические приемы (например, метафоры «братского народа» или «фашистской хунты»), которые формируют основу для последующей социокультурной интерпретации.

Лингвистический подход к изучению дискурса фокусируется на анализе языковых элементов и структур, используемых в текстах для передачи смысла. *Семиотический подход*, с другой стороны, расширяет рамки анализа на другие знаковые системы в дополнение к языку.

Оба подхода могут взаимодействовать в изучении дискурса. Лингвистическое исследование помогает понять, как язык структурирует дискурс, в то время как семиотика позволяет анализировать различные знаковые системы в дискурсе, такие как образы, символы, жесты и звуки.

Семиотического подхода к исследованию дискурса придерживались Р. Барт³⁷, Ж. Бодрийяр³⁸, У. Эко³⁹ и др. Семиотика — это междисциплинарная область, изучающая «жизнь знаков в обществе»⁴⁰. Основателем семиотики был Ф. де Соссюр, но его взгляды на семиотику сосредоточивались на лингвистических аспектах знаков. Де Соссюр описал язык как систему знаков, которые имеют значение в силу их взаимосвязи друг с другом. Каждый знак состоит из (1) означающего (формы, которую принимает знак) и (2) означаемого (концепции, которую он представляет). Взаимосвязь между означающим и означаемым называется «означиванием». Таким образом,

³⁷ Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. - М., 2003. - 512 с.

³⁸ Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр; пер. с франц. С. Н. Зенкина. - М., 2001. - 177 с.

³⁹ Эко, У. Vertigo. Круговорот образов, понятий, предметов / У. Эко. - М.: Слово, 2009. - 408 с.

⁴⁰ Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. - М.: Прогресс, 1977. - 695 с.

означающее — это термин, обозначающий сам знак (изображение); а означаемое относится к ментальному понятию⁴¹.

Семиотическая теория Р. Барта основана на интерпретации знаков и их значениях в различных культурах и обществах⁴². Знаки могут быть представлены различными формами, такими как речь, язык тела, символы, картины, музыка и азбука Морзе. Согласно Барту, дискурс представляет собой социально-знаковую систему с общественно значимым смыслом⁴³. Значения знаков не статичны; они могут изменяться со временем и в зависимости от контекста.

Основной принцип семиотического подхода заключается в том, что, объекты и виды дискурса рассматриваются как знаки, как язык, посредством которого передается значение. На наш взгляд, объединение лингвистического и семиотического подходов может обогатить анализ дискурса, позволяя лучше понять способы его создания, интерпретации и воздействия на аудиторию.

Применительно к медиадискурсу об этнополитических конфликтах это означает необходимость анализировать не только тексты, но и визуальный ряд (фотографии, инфографику, символы на картах), которые зачастую несут не меньшую идеологическую и эмоциональную нагрузку, создавая, например, образ «страдающего мирного населения» или «агрессивной военной машины».

Стоит отметить, что одним из основных недостатков семиотического подхода к изучению дискурса заключается в его сложности и многоуровневости. Интерпретация знаковых систем требует глубокого понимания культурного контекста и семиотических кодов, что может затруднить анализ и усложнить выводы. Кроме того, анализа знаковых систем для трактовки дискурса недостаточно, необходимо понимание и социальных практик, отношений власти, контекста общения и цели общения. Эти

⁴¹ Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. - М. : Прогресс, 1977. – С.145.

⁴² Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. - М., 2003. - 512 с.

⁴³ Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Тракаты, статьи, эссе. - М. : Изд-во МГУ, 1987. - С. 387-422.

недостатки могут быть преодолены с помощью социально-коммуникативного подхода.

Дискурс, рассматриваемый с точки зрения *социально-коммуникативных позиций*, является междисциплинарной областью, которая изучает, как язык функционирует в социальных контекстах для формирования взаимодействий, конструирования идентичностей и согласования динамики власти. Такие ученые, как вышеупомянутый М. Фуко, Ю. Хабермас⁴⁴ и И. Гоффман⁴⁵, внесли значительный вклад в понимание дискурса как сложной системы коммуникации, которая отражает и укрепляет социальные структуры и нормы.

В своей основополагающей работе «Археология знания»⁴⁶ Фуко М. утверждает, что дискурс — это не просто отражение реальности, но и активное ее формирование, определяющее, что может быть сказано, обдуманно и понято в рамках данного общества. Посредством своей концепции дискурсивных формаций М. Фуко подчеркивает, как язык структурирует социальные практики и институты, влияя на то, как индивиды воспринимают окружающий мир и взаимодействуют с ним.

Ю. Хабермас — выдающийся немецкий философ и социолог, известный своими обширными работами по теории дискурса и коммуникативному действию. Его взгляды на дискурс занимают центральное место в его более широкой теории коммуникативной рациональности, которая подчеркивает роль языка в формировании социальных взаимодействий, укреплении взаимопонимания и содействии демократическому обсуждению⁴⁷.

Ю. Хабермас утверждает, что дискурс играет решающую роль в человеческом общении, обеспечивая рамки для участия индивидов в рациональном диалоге, обмена идеями и достижения консенсуса по вопросам, представляющим общий интерес. В своей теории коммуникативного действия

⁴⁴ Habermas, J. Die nachholende Revolution / J. Habermas. - Frankfurt: Suhrkamp, 1990. - 180 S.

⁴⁵ Гоффман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гоффман. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 750 с.

⁴⁶ Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. - СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. - 416 с.

⁴⁷ Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. *Том 1.* / Пер. с нем. А. Филиппова. — М.: Весь Мир, 2020. — С. 42-43.

Ю. Хабермас различает два типа рациональности: инструментальную рациональность, которая фокусируется на достижении конкретных целей или результатов, и коммуникативную рациональность, которая подчеркивает важность достижения взаимопонимания посредством открытого и инклюзивного диалога.

Согласно Ю. Хабермасу, дискурс — это процесс, посредством которого индивиды могут участвовать в аргументированном обсуждении, критиковать существующие нормы и убеждения, а также работать над разрешением конфликтов и принятием коллективных решений. Участвуя в дискурсивных практиках, свободных от принуждения и манипуляций, индивиды могут создать коммуникативное пространство, где могут быть выражены, обсуждены и согласованы различные точки зрения.

Ю. Хабермас также вводит понятие «идеальной речевой ситуации», которая служит нормативным идеалом для коммуникативных взаимодействий⁴⁸. В идеальной речевой ситуации участники могут свободно выражать свою точку зрения, критически оценивать аргументы друг друга и приходиться к соглашению, основываясь на силе лучшего аргумента, а не на динамике внешней силы. Хотя идеальная речевая ситуация не всегда может быть полностью реализована на практике, она служит руководящим принципом для продвижения демократической коммуникации и содействия инклюзивному диалогу.

Кроме того, Ю. Хабермас подчеркивает важность общественных сфер как пространств, где индивиды могут участвовать в критическом дискурсе, бросать вызов доминирующим идеологиям и привлекать институты и власти к ответственности. Участвуя в публичных дебатах и обсуждениях, отдельные люди могут внести свой вклад в формирование общих смыслов, ценностей и норм, которые формируют общественную жизнь.

⁴⁸ Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. *Том 1.* / Пер. с нем. А. Филиппова. — М.: Весь Мир, 2020. — С. 45

Драматургический подход И. Гоффмана к дискурсу фокусируется на перформативных аспектах коммуникации в повседневных взаимодействиях⁴⁹. Концепция «управления впечатлением» И. Гоффмана подчеркивает, как люди стратегически используют язык и невербальные сигналы, чтобы представить себя определенным образом и сформировать то, как их воспринимают другие⁵⁰. В медийном контексте этот подход плодотворен для анализа того, как журналисты, эксперты и политические акторы конструируют перед камерой свои роли «беспристрастного репортера», «патриота» или «жертвы обстоятельств», целенаправленно воздействуя на доверие аудитории.

Посредством своего анализа личных взаимодействий И. Гоффман демонстрирует, что дискурс — это динамичный процесс, который включает как вербальные, так и невербальные элементы в конструировании социальной идентичности и управлении социальными отношениями.

Концепция дискурса была в центре внимания *постмодернистской теории*, предлагающей уникальный взгляд на то, каким образом язык, власть и знания пересекаются, формируя социальную реальность. В отличие от лингвистических подходов, которые фокусируются в первую очередь на формальных языковых структурах, или социально-коммуникативных подходов, которые подчеркивают социальные нормы и условности, постмодернистский подход признает разнообразие мнений, точек зрения и опыта, которые формируют дискурс. Ученые-постмодернисты, такие как Э. Лакло, Ш. Муфф⁵¹, Ж. Деррида⁵² и Д. Батлер⁵³, оказали значительное влияние на понимание дискурса, бросив вызов традиционным представлениям об истине, объективности и авторитете.

⁴⁹ Гоффман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гоффман. — М.: Институт социологии РАН, 2003. — 750 с.

⁵⁰ Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. — М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. — С. 32, 35.

⁵¹ Laclau, E., Mouffe, Ch. Hegemony and Socialist Strategy / E. Laclau, Ch. Mouffe. - London: Verso, 1985. — 197 p.

⁵² Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида; пер. и вступ. ст. Н Автономой. — М.: Ad Marginem, 2000. — 512 с.

⁵³ Батлер, Дж. Психика власти: теории субъекции / Дж. Батлер; пер. Завена Баблюяна. - СПб.: Алетейя, 2002. - 168 с.

Ж. Деррида, влиятельный мыслитель-постмодернист, деконструировал бинарные оппозиции и иерархические структуры, встроенные в язык и дискурс. Концепция деконструкции Ж. Дерриды бросает вызов идее фиксированных значений и стабильных истин, подчеркивая присущую языку нестабильность и двусмысленность⁵⁴. Исследуя игру означающих и текучесть смысла в текстах, Ж. Деррида дестабилизирует традиционные представления об авторстве, интенциональности и репрезентации. Подход Ж. Дерриды к дискурсу побуждает к критическому осмыслению многообразия голосов, точек зрения и интерпретаций, которые формируют наше понимание реальности.

В рамках постмодернистского подхода особый интерес представляют работы Э. Лакло и Ш. Муфф⁵⁵. Теория дискурса Э. Лакло- Ш. Муфф стремится понять роль языка и коммуникации в формировании политических и социальных реалий.

Согласно этой теории, дискурс рассматривается как ключевой механизм, посредством которого власть действует в обществе. Дискурс относится к способам, с помощью которых язык и коммуникативные практики формируют наше понимание мира. Э. Лакло и Ш. Муфф утверждают, что дискурс — это не просто отражение реальности, но и активное ее конструирование⁵⁶.

Центральной в их теории является идея о том, что все социальные и политические идентичности конструируются посредством дискурса. Они утверждают, что различные социальные группы и индивиды используют язык и коммуникацию, чтобы определить себя по отношению к другим, создавая то, что они называют «дискурсивными образованиями». Эти дискурсивные образования не являются фиксированными или стабильными, но постоянно

⁵⁴ Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Деррида Ж. *Письмо и различие* / Пер. с фр. под ред. В. Лапицкого. — СПб.: Академический проект, 2000. — С. 352-353

⁵⁵ Laclau, E., Mouffe, Ch. *Hegemony and Socialist Strategy* / E. Laclau, Ch. Mouffe. - London: Verso, 1985. — 197 p.

⁵⁶ Там же. С. 107.

оспариваются и переопределяются в ходе продолжающейся борьбы за власть и смысл.

Э. Лакло и Ш. Муфф также подчеркивают важность «гегемонии» для понимания того, как власть действует посредством дискурса⁵⁷. Гегемония относится к способам, с помощью которых доминирующие группы в обществе способны отстаивать свои идеи и ценности в качестве здравого смысла, тем самым формируя условия политических дебатов и ограничивая диапазон возможных альтернатив. Это понятие является центральным для нашего исследования, поскольку позволяет анализировать, каким образом в российском медиапространстве выстраивается и воспроизводится доминирующий нарратив о том или ином конфликте.

Д. Батлер исследует, как дискурс конструирует и регулирует гендерные идентичности и нормы⁵⁸. Концепция перформативности Д. Батлер подчеркивает способы, с помощью которых гендер реализуется посредством повторяющихся и стилизованных перформансов, которые подкрепляются языковыми и социальными практиками. Дискурсы о гендере не только отражают существующую динамику власти, но и порождают и воспроизводят ее посредством повседневных взаимодействий и репрезентаций. Анализ дискурса Батлером подчеркивает роль языка в формировании субъективности и социальных отношений.

Постмодернистский анализ часто включает деконструкцию текстов и дискурсов, выявляя скрытые предположения, противоречия и парадоксы. Это позволяет показать, как языковые конструкции формируют и искажают реальность.

С точки зрения постмодернизма дискурс понимается как сложная сеть языковых практик, властных отношений и социальных конструкций, которые формируют наше понимание реальности. Ученые-постмодернисты бросили

⁵⁷ Там же. С. 129.

⁵⁸ Батлер, Дж. Психика власти: теории субъекции / Дж. Батлер; пер. Завена Баблюяна. - СПб.: Алетейя, 2002. - 168 с.

вызов традиционным подходам к дискурсу, подчеркнув его случайную природу и его роль в создании и оспаривании систем знания и власти. Постмодернистский подход к изучению дискурса отличается от традиционных подходов своим акцентом на разрушении устоявшихся иерархий, отказе от общепринятых истин и повторяемых образцов. Он способствует раскрытию скрытых аспектов дискурса и разрушению традиционных бинарных оппозиций, что позволяет увидеть многообразие и сложность смыслов. Именно этот критический пафос делает постмодернистские инструменты (деконструкция, анализ перформативности, теории гегемонии) особенно ценными для изучения медиадискурса этнополитических конфликтов, который по своей сути является полем столкновения бинарных конструктов: «свой — чужой», «цивилизованный — варварский», «законный — нелегитимный».

Новым подходом, а скорее, новым уровнем или новой практикой в исследовании дискурса стал *критический дискурсивный анализ (КДА)*, разработанный такими учеными, как Н. Фэйрклаф⁵⁹, Т. А. ван Дейк⁶⁰ и Р. Водак⁶¹. Он стремится обнаружить скрытые идеологии и властные структуры, встроенные в повседневное использование языка. Именно поэтому критический дискурс-анализ избран в качестве основного методологического каркаса данного исследования: его установка на критическое разоблачение властных отношений в языке прямо отвечает цели выявления стратегий конструирования образов этнополитических конфликтов. Здесь стоит отметить, что критический дискурс-анализ не отрицает постмодернистской парадигмы, а, скорее, дополняет ее и продолжает.

В основе критического дискурс-анализа лежит признание того, что язык не является нейтральным или объективным, а скорее местом борьбы и оспаривания. Язык рассматривается как социальная практика, которая

⁵⁹ Fairclough, N. *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. - London: Routledge, 2003. - 270 p.

⁶⁰ Ван Дейк, Т. А. *Язык. Познание. Коммуникация* / Т. А. Ван Дейк. - М.: Прогресс, 1989. - 307 с.

⁶¹ Wodak, R. *Disorders of Discourse* / R. Wodak. - London: Longman, 1996. - 200 p.

отражает и усиливает различия во власти в обществе. Цель анализа - раскрыть способы, с помощью которых язык используется для построения и поддержания социальных иерархий, маргинализации определенных групп и легитимизации доминирующих идеологий.

Одним из ключевых понятий в критическом дискурс-анализе является понятие дискурса как формы социальной практики. Дискурс относится к способам, с помощью которых язык используется для конструирования смысла и формирования социальной реальности. Дискурс — это не только то, что говорится, но и то, что остается невысказанным, подразумевается или принимается как должное. Анализируя дискурс, исследователи могут раскрыть лежащую в основе коммуникации динамику власти.

Другим важным понятием в критическом дискурс-анализе является интердискурсивность - явление, в рамках которого различные дискурсы пересекаются и влияют друг на друга. Интердискурсивность подчеркивает сложную и динамичную природу использования языка, поскольку различные дискурсы могут сосуществовать, конкурировать или сотрудничать в рамках данного контекста. Этот принцип крайне важен для нашего материала, где дискурс о современном конфликте зачастую строится на интертекстуальных отсылках к дискурсам истории (Великая Отечественная война), религии (защита «канонических территорий»), геополитики (борьба цивилизаций) и даже популярной культуры, создавая мощный синергетический эффект воздействия на аудиторию.

Критический дискурс-анализ применяется в различных академических дисциплинах, включая лингвистику, социологию, политологию и медиаисследования. Критический анализ дискурса предлагает ценную основу для понимания того, каким образом язык и коммуникативные практики отражают и усиливают динамику власти в обществе. Критически анализируя дискурс, исследователи могут выявлять скрытые идеологии, бросать вызов доминирующим нарративам и способствовать социальным изменениям.

Взгляды Н. Фэйрклафа, Теун А. ван Дейка и Рут Водак на дискурс и критический дискурсивный анализ более подробно будут рассмотрены далее.

На наш взгляд, данная классификация подходов, описанная О.Ф. Русаковой, на данный момент является наиболее полной, однако ее дефицитом можно считать то, что она, например, выделяет критический дискурс-анализ и постмодернистскую трактовку в отдельные подходы, в то время как он по своей сути представляют собой переосмысление и объединение существовавших ранее подходов.

Итак, исходя из цели и задач диссертационного исследования, перечисленные выше подходы к пониманию дискурса необходимо объединить, и в нашей работе данные подходы становятся не отдельными разрозненными концепциями, а уровнями аналитической модели, применяемой к медиадискурсу. Мы рассматриваем их как взаимодополняющие слои некой дискурсивной системы, где каждый уровень отвечает на свой круг исследовательских вопросов. Более подробно особенности данной модели будут рассмотрены далее.

Есть и другие классификации подходов к определению дискурса. Отечественные ученые также вносят свой вклад в решение данного вопроса. В частности, М. Л. Макаров выделяет структурно-ориентированный, функциональный и подход, подчеркивающий взаимодействие формы и функции⁶². Первый рассматривает дискурс как систему предложений, связанных между собой одним смыслом, второй – язык в действии или «речь, погруженную в жизнь»⁶³, третий – как «целостную совокупность функционально организованных контекстуализированных единиц употребления языка»⁶⁴.

Классификация М. Л. Макарова вполне содержательная, однако есть несколько аспектов, которые она может не учитывать или упрощать. Она

⁶² Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. - М.: Гнозис, 2003. - 280 с.

⁶³ Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. - С. 411-412.

⁶⁴ Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. - М., 2004. - С.201.

выглядит слишком узкой, не охватывая всех аспектов дискурса. Например, в ней не хватает места для анализа социокультурных аспектов дискурса или его связи с властью и идеологией. Подход Макарова рассматривает дискурс как относительно статичную систему, в то время как дискурс может быть динамичным и меняющимся в зависимости от контекста, времени и культурных условий. Классификация не обращает достаточного внимания на прагматические аспекты дискурса - на то, как контекст и намерения участников взаимодействия влияют на процесс коммуникации. Для более полного понимания дискурса может быть полезным дополнить классификацию Макарова аспектами, учитывающими динамичность, социокультурные и прагматические факторы, а также его связь с другими областями знания.

Помимо подходов к пониманию дискурса, он также может быть разделен на различные виды. Здесь стоит обратиться к классификации О. Ф. Русаковой, представленной в монографии «Современные теории дискурса»⁶⁵. Она выделяет следующие виды дискурса: дискурсы повседневного общения (бытовые разговоры, дружеские беседы и т.д.); институциональные дискурсы (юридический, административный и т.д.); публичный дискурс (дискурс гражданских инициатив и выступлений, дипломатический. PR-дискурс); политический дискурс (дискурс политических идеологий, политических институтов, политических акций); медиа-дискурсы; арт-дискурсы; дискурс деловых коммуникаций (дискурс деловых переговоров, бизнес-коммуникаций); маркетинговые дискурсы (дискурс рекламы, продаж и т.д.); академические дискурсы (дискурс научных сообществ, гуманитарных дисциплин); культурномировоззренческие дискурсы (дискурсы культурных эпох, философских и религиозных течений). В основе данной классификации лежит деление дискурса по сферам применения. Для нашего исследования

⁶⁵ Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ : [сборник] / гл. науч. ред. О. Ф. Русакова. - Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2006. - 209 с.

ключевое значение имеет не простое перечисление видов, а их иерархия и взаимопроникновение.

На современном этапе развития общества медиадискурс занимает центральное место среди различных видов дискурса. Это связано с интенсивным развитием СМИ и медиа, которые оказывают значительное влияние на общество в целом. Однако его центральность заключается не в изолированности, а в способности аккумулировать и транслировать другие дискурсы. Так, политический, дипломатический и культуромировоззренческий дискурсы об этнополитических конфликтах обретают массовую аудиторию и социальную силу именно будучи пропущенными через фильтры и форматы медиадискурса. Поскольку медиа формируют и преобразуют общественные представления, ценности и общественное мнение, изучение медиадискурса становится весьма актуальным.

Медиатексты и дискурсы СМИ как разновидность дискурса в целом создаются, прежде всего, для информирования людей путем передачи различных типов сообщений. Средства массовой информации являются своего рода репрезентацией общественного пространства⁶⁶, поэтому феномен медиадискурса, его структура и функции широко изучались многими отечественными и зарубежными исследователями.

К собственно феномену медиадискурса существует ряд подходов. Один из первых зарубежных исследователей, который упорядочил и систематизировал современные ему взгляды относительно медиадискурса, был Н. Фэйерклаф. В работе «Медиадискурс» впервые выделил и проанализировал следующие подходы, выделенные на основе изучения медиатекстов: лингвистический, социолингвистический, семиотический, критико-лингвистический, социо-когнитивный; семиотический и критический

⁶⁶ Wodak, R., Busch, B. Approaches to media texts / R. Wodak, B. Busch // Handbook of Media Studies / ed. by J. Downing, D. McQuail, P. Schlesinger, E. Wartella. - Thousand Oaks ; London ; New Delhi : Sage, 2004. - P. 105-123.

дискурс-анализ. Фэйерклаф писал, что такое деление условно и зачастую между ними нет четкого разграничения.⁶⁷

О. В. Сулина⁶⁸ говорит о том, что само понятие дискурса уникально и определить его с одной точки зрения практически невозможно, поэтому для его изучения необходим междисциплинарный подход. С этой точкой зрения мы солидарны и развиваем ее: применительно к задачам анализа освещения конфликтов междисциплинарность – не пожелание, а необходимость. Только синтез подходов позволяет увидеть полную картину: от языковых манипуляций до социальных последствий.

Исследователи О. Ф. Русакова и С. С. Курильченко подчеркивают такой недостаток теоретико-методологических исследований медиадискурса как отсутствие общей синтетической модели, которая позволила бы представить медиадискурс как систему⁶⁹. Настоящая работа является попыткой предложить такую синтетическую модель, ориентированную на анализ конкретного предмета – дискурса о конфликтах.

Существует также точка зрения, согласно которой медиадискурс – условное понятие, как таковой он не существует, так как в нем пересекаются дискурсы разных порядков⁷⁰, так называемые субдискурсы.

Стоит отметить, что на данный момент существует немалое количество направлений и школ, изучающих как дискурс вообще, так и медиадискурс в особенности. В данной диссертации теоретико-методологические подходы укрупнены и в основу деления положен критерий исследовательского фокуса: какому аспекту уделяется наибольшее внимание при описании медиадискурса, методы какой научной дисциплины положены в основу его анализа. Этот критерий был выбран нами сознательно, так как он позволяет

⁶⁷ Fairclough, N. *Media Discourse* / N. Fairclough. - London : Arnold, 1995. – P. 21.

⁶⁸ Сулина, О. В. Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства / О. В. Сулина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 217-222.

⁶⁹ Русакова, О. Ф., Курильченко, С. С. Политический медиадискурс: вопросы теоретико-методологического и регионального анализа / О. Ф. Русакова, С. С. Курильченко // Дискурс-Пи. - 2019. - № 4 (37). – С. 28-48.

⁷⁰ Чернейко, Л. О. Термин "дискурс": поиски означаемого / Л. О. Чернейко // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. - 2006. - № 2. – С. 34-41.

перейти от абстрактной теории к конкретным аналитическим инструментам, которые будут использоваться в эмпирических главах. Обозначим эти подходы (см. Приложение 2).

Часть исследователей рассматривают медиадискурс исключительно как одну из разновидностей дискурса вообще. Такой *классический подход* берет свое начало в «модели коммуникации Лассуэлла»⁷¹. Модель Г. Лассуэлла включает в себя пять компонентов, которые помогают анализировать и понимать процесс коммуникации. К этим компонентам относятся:

- отправитель,
- сообщение,
- канал,
- приемник,
- эффект.

Разбивая процесс коммуникации на эти пять основных элементов, модель Г. Лассуэлла позволяет более полно понять, как передается информация между отправителями и получателями. Универсальность и применимость модели в различных коммуникационных контекстах делают ее ценным инструментом для изучения различных форм коммуникации, начиная от межличностного и группового общения и заканчивая кампаниями в средствах массовой информации. Одним из наиболее уязвимых мест данной модели является ее однонаправленный характер, который игнорирует сложности общения в реальной жизни, и отсутствие обратной связи, что может препятствовать эффективности процесса коммуникации.

Согласно классическому подходу определяющим фактором в медиадискурсе является интенция коммуникатора. С одной стороны, это действительно оправданно, с другой – подходу не хватает объемности, ведь и другие факторы могут оказывать серьезное влияние на восприятие адресантом смыслов сообщений, заложенных адресатом.

⁷¹ Lasswell, H. D. The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas / Ed. L. Bryson. - New York: Institute for Religious and Social Studies, 1948. - P. 117.

В нашем исследовании эта модель служит важной, но базовой схемой, помогающей зафиксировать ключевых акторов (кто говорит, кто является «жертвой» в репортаже). Однако для понимания стратегий и эффектов ее необходимо дополнить подходами, которые вскрывают идеологическую и социальную подоплеку коммуникации.

В рамках *лингвистического подхода* особое внимание уделяется языку медиадискурса. Существует дисциплина, занимающаяся исследованием использования языка в СМИ – медиалингвистика. Такое исследование включает в себя множество методов, среди которых можно выделить и, собственно, лингвостилистические и лингвокультурологические методы, и контент-анализ, и метод дискурсивного анализа, и анализ новостного дискурса с помощью информационной модели⁷². Среди зарубежных ученых, сделавших вклад в этот раздел языкознания, стоит назвать М. Монтомгери⁷³, А. Белла⁷⁴, Р. Фаулера⁷⁵, Н. Фэйерклафа⁷⁶ и Т. ван Дейка⁷⁷, достижения которого будут отмечены далее. Российские медиалингвисты – это, прежде всего Т. Г. Добросклонская⁷⁸, Г. Я. Солганик⁷⁹, В. Г. Костомаров⁸⁰ и др.

Термин «лингвистический поворот» в основном обозначает смещение внимания социологов на определяющую роль языка в производстве и воспроизводстве социального. Здесь стоит обратить внимание на теорию языка Ф. де Соссюра и его инновационный подход к языковому знаку. Ф. де

⁷² Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. - М.: Наука, 2008. - С.150

⁷³ Montgomery, M. Discourse of broadcast news / M. Montgomery. - London; New York: Routledge, 2007. - 265 p.

⁷⁴ Bell, A., Garrett, P. Approaches to media discourse / A. Bell, P. Garrett. - Oxford: Blackwell Publishers, 1998. - 287 p.

⁷⁵ Fowler, R. Language in the news: Discourse and ideology in the press / R. Fowler. - London: Routledge, 1991. - 254 p.

⁷⁶ Fairclough, N. Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research / N. Fairclough. - London: Routledge, 2003. - 270 p.

⁷⁷ Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. - М.: Прогресс, 1989. - 307 с.

⁷⁸ Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. - М.: Наука, 2008. - 234 с.

⁷⁹ Солганик, Г. Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» / Г. Я. Солганик // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. - 2005. - № 2. - С. 7-15.

⁸⁰ Костомаров, В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. - М.: Гардарики, 2005. - 287 с.

Соссюр⁸¹ ставит под сомнение взаимосвязь между словами и их значением, утверждая, что языковой знак состоит из двух частей: означающего (звукового образа) и означаемого (концепции). Его предложение касается произвольной природы знака: между означающим и означаемым нет необходимой связи, а это подразумевает, что означающее относится к нашей идее реальности, а не к самой реальности. И действительно, при обращении к медийному дискурсу – будь то его жанры (например, новости, телевизионные репортажи и реклама) или его поджанры (такие как заголовки, статьи и интервью) – большинство авторов сосредотачиваются на его языке. Однако такая парадигма не уделяет должного внимания системным связям между языком и социокультурным контекстом.⁸² Поэтому сейчас вместо «лингвистического» подхода ученые, в том числе и филологи, чаще говорят о «социолингвистическом» подходе.

Мы объединяем эти векторы в лингвистический подход, который для нас является инструментальным уровнем анализа. Именно на этом уровне мы выявляем конкретные приемы: ключевые лексемы, метафоры, синтаксические конструкции и пр. Без этого уровня анализ «повисает в воздухе»; ограничиваясь только им, мы не понимаем, зачем эти приемы используются.

В настоящее время практически никто не отрицает роль социальных факторов в динамике медиадискурса и данный подход не является самостоятельным, отдельным, оторванным от других научным методом, а представляется тем базисом, в рамках которого разрабатываются и совершенствуются средства лингвистического анализа медиатекста.

Одним из разновидностей лингвистического подхода является системная функциональная лингвистика (СФЛ), разработанная М. Холлидеем⁸³ в 1960-х годах. Эти функции взаимосвязаны и работают вместе, создавая смысл в общении. Системная функциональная лингвистика уделяет особое внимание функциональным аспектам языка, подчеркивая, как

⁸¹ Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. - М. : Прогресс, 1977. – С.145.

⁸² Fairclough, N. Media Discourse / N. Fairclough. - London : Arnold, 1995. – P. 21.

⁸³ Halliday, M. A. K. Text as Semantic Choice in Social Contexts / M. A. K. Halliday // Linguistic Studies of Text and Discourse. Collected Works of M. A. K. Halliday. Vol. 2 / ed. by J. J. Webster. - London : A & C Black, 2006. - P. 176-225. - 301 p.

языковой выбор формируется коммуникативными целями и социальным контекстом. При изучении медийного дискурса СФЛ предлагает систематическую основу для анализа структуры и организации текстов, а также способов, с помощью которых язык используется для конструирования смысла и передачи информации. Изучая лингвистические ресурсы, используемые в медиатекстах, СФЛ помогает выявить модели репрезентации, фрейминга и убеждения, которые формируют публичный дискурс.

Т. Г. Добросклонская исследует медиадискурс как комплекс языковых процессов и продуктов, присутствующих в области массовых коммуникаций, с учетом разнообразной и сложной природы их взаимодействия⁸⁴. В качестве уникальной формы массового общения медиадискурс представляет собой социокультурное явление, главной целью которого является оказание влияния на массовую аудиторию через содержательную информацию и оценочные данные, распространяемые через различные средства массовой информации. Следовательно, медиадискурс представляет собой механизм обновления информации при помощи разнообразных коммуникационных средств в рамках такого социального института, как медиа.

Е.А. Кожемякин определяет медиадискурс как «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве»⁸⁵ и предлагает два подхода к его исследованию. Согласно первому подходу, медиадискурс — это специфическая вербально-ментальная деятельность, свойственная только информационному медиапространству. Вторая концепция подчеркивает уникальность процесса формирования, интерпретации и распространения массовой информации. В дополнение к производству знаний и оценке объектов, медийный дискурс описывает разнообразные способы передачи информации. Из этого следует, что основное внимание в медийном дискурсе

⁸⁴ Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. - М.: Наука, 2008. – С.7.

⁸⁵ Кожемякин, Е. А. Медиадискурс как система культурно обусловленных стратегий : автореф. дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Е. А. Кожемякин. - Белгород, 2010. – С. 8.

уделяется не социальным и политическим процессам, а тем методам, которые используются для их описания. В данном контексте медийный дискурс представляется посредником в этом процессе. Таким образом, анализ медийного дискурса направлен на выявление ключевых аспектов процесса формирования смыслов и передачи информации, а также на определение влияния медийного контекста на формирование значения.

По мнению М. Р. Желтухиной, медиадискурс - «вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой информации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов»⁸⁶. Основными характеристиками медиадискурса являются «групповая соотнесенность (адресант разделяет взгляды своей группы); публичность (открытость, ориентированность на массового адресата); диссенсная ориентированность (создание противоречия с последующей дискуссией); инсценированность и массовая направленность (воздействие на несколько групп одновременно)».⁸⁷ Эта трактовка особенно близка к нашей теме. Характеристики, выделенные Желтухиной, – диссенсная ориентированность (создание противоречия) и инсценированность – являются сутью стратегий освещения этнополитического конфликта, который всегда подается через призму базового противоречия («свои» vs «чужие») и в драматизированной, перформативной форме.

Основоположником *социально-когнитивного подхода* к исследованию медиадискурса является Теун А. Ван Дейк. В 1980-х годах Ван Дейк начал применять свою теорию дискурсивного анализа к медиатекстам, уделяя основное внимание репрезентации этнических групп и меньшинств в

⁸⁶ Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / М. Р. Желтухина. - Москва, 2004. – С. 17.

⁸⁷ Желтухина, М.Р. Тропология суггестивности масс-медиадискурса: о специфике речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография / М.Р. Желтухина. – М.: ИЯзРАН; Волгоград: ВФМУПК, 2004. – С.117.

европейском контексте. Согласно Ван Дейку, важным элементом является то, о чем не говорится в новостных текстах, а не то, что сказано, и скрытые идеологические структуры в новостных текстах должны быть раскрыты. Идеологию можно рассматривать как код, замаскированный в дискурсе, и можно сказать, что язык — это средство передачи дискурса и идеологии. Согласно Ван Дейку, дискурс играет важную роль в выражении и воспроизводстве идеологий. Ван Дейк⁸⁸ рассматривает дискурсивный анализ как своего рода анализ идеологии, поскольку, согласно ему, идеологии обычно выражаются и воспроизводятся в дискурсе (медиа, а иногда и элиты). Методология Ван Дейка является для нас ключевой, так как она напрямую связывает текстуальный анализ (что и как сказано/не сказано) с социальным познанием (какие идеологические схемы и установки при этом воспроизводятся в сознании аудитории). Это позволяет перейти от описания стратегий к анализу их эффектов – формирования у аудитории определенной когнитивной модели конфликта, где одни акторы легитимны, а другие – нет, одни действия оправданы, другие – преступны.

Таким образом, работы Ван Дейка осуществили важный переход от анализа текста к *критическому дискурсивному анализу* СМИ. Это еще один подход к пониманию дискурса.

В рамках критического дискурсивного анализа медиа концептуализируются и приобретают контекст, который организует и конструирует определенные представления о мире в соответствии со своей логикой и целями. Концепция дискурса указывает на тот факт, что дискурсивные практики СМИ фактически конституируют реальность в процессе коммуникации⁸⁹. Применительно к этнополитическим конфликтам это означает, что для массовой аудитории реальность конфликта – это и есть та совокупность нарративов, оценок и визуальных образов, которую

⁸⁸ Dijk, T. A. van. *Ideology: A Multidisciplinary Approach* / T. A. van Dijk. - London ; Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 1998. - P. 195.

⁸⁹ Dijk, T. A. van. *The Analysis of News as Discourse* / T. A. van Dijk // *News Analysis: Case Studies of International and National News in the Press* / ed. by T. A. van Dijk. - Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1988. - P. 83-86.

предлагают медиа. Дискурс рассматривается как основной инструмент воспроизводства общего социального знания, и он изучается не только как «форма, значение и ментальный процесс, но и как сложная иерархическая структура взаимодействия, как социальная практика»⁹⁰. В этом смысле невозможно рассматривать индивидов как универсальных, нейтральных слушателей и собеседников, вовлеченных в абстрактное коммуникативное взаимодействие: взаимодействующие индивиды всегда рассматриваются как реальные люди, принадлежащие к социальным категориям, находящиеся в рамках конкретно определенных ситуаций⁹¹.

Одним из ключевых принципов критического дискурсивного анализа является его сосредоточенность на взаимосвязи между языком, властью и социальными структурами. В новостях СМИ язык является мощным инструментом, который может формировать общественное мнение, укреплять доминирующие идеологии и увековечивать неравенство. Критический дискурсивный анализ стремится раскрыть глубинные смыслы, дискурсы и риторические стратегии, используемые в медиатекстах, чтобы повлиять на то, как события формулируются и интерпретируются аудиторией. Он также подчеркивает роль контекста в понимании того, как язык функционирует в новостях СМИ. Контекстуальные факторы, такие как политические, социальные и культурные нормы, могут влиять на создание и восприятие медиатекстов. Анализируя контекст, в котором создаются новостные сюжеты, исследователи критического дискурсивного анализа могут выявить, как язык используется для продвижения конкретных программ, манипулирования восприятием или укрепления существующих властных структур.

Кроме того, критический дискурсивный анализ уделяет пристальное внимание лингвистическим особенностям, таким как выбор лексики, метафоры и приемы обрамления в новостях СМИ. Эти лингвистические

⁹⁰ Dijk, T. A. van. *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach* / T. A. van Dijk. - Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – P. 23-25.

⁹¹ Fairclough, N. *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. - London: Routledge, 2003. – P. 41-42.

элементы могут формировать тон, стиль и общее сообщение новостного материала.

В данном подходе, разработанном ван Дейком, различают несколько уровней текстового описания: а) микроструктурное описание, которое включает грамматику (фонологические, морфологические, синтаксические и семантические описания) и прагматику (речевые акты); б) макроструктурные описания, которые имеют дело с целыми частями дискурса или целыми дискурсами в их глобальных семантических, синтаксических и прагматических аспектах; в) стиль; г) риторика.

Макроструктурный уровень анализа в дискурсивном анализе Ван Дейка фокусируется на более широком социальном, политическом и культурном контекстах, в которых происходит дискурс. Этот уровень анализа исследует всеобъемлющие дискурсы, идеологии, динамику власти и социальные структуры, которые влияют на то, как язык используется для конструирования смысла и формирования восприятия. Теун А. Ван Дейк в книге «Новости как дискурс»⁹² определил уровень макроструктуры в критическом дискурсивном анализе как тему в дискурсе.

Микроструктура относится к локальному значению дискурса. На микроструктурном уровне анализ сосредоточен на семантических отношениях между предложениями, синтаксическими, лексическими и другими риторическими элементами, которые обеспечивают согласованность текста.

Семантические аспекты дискурса включают предысторию, детали, намерения, допущения и номинализацию. Кроме того, семантика также обычно фокусируется на отношениях между означающими, такими как слова, фразы, знаки и символы, и на том, что они обозначают. Синтаксический элемент означает конструкцию предложения. Построение предложения, связность каждого предложения и местоимение в дискурсе становятся

⁹² Dijk, T. A. van. *The Analysis of News as Discourse* / T. A. van Dijk // *News Analysis: Case Studies of International and National News in the Press* / ed. by T. A. van Dijk. - Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1988. - P. 1-30.

основным моментом в этом элементе. Стилистические аспекты дискурса касаются выбора и использования слов, стиля или манеры письма. Риторические аспекты дискурса относятся к тактике и методам, используемым участниками дискурса для придания особого значения элементам текста. Риторика означает акцент, который делает человек в дискурсе. В этом элементе анализируются метафора, образы и другие выражения.

Другим важным аспектом критического дискурсивного анализа в отношении новостей СМИ является его сосредоточенность на дискурсивных стратегиях и приемах, используемых для влияния на восприятие аудитории. Средства массовой информации часто используют методы убеждения, такие как фрейминг, определение повестки дня и выборочное освещение, чтобы сформировать то, как события изображаются и интерпретируются аудиторией. Критический дискурс-анализ помогает деконструировать эти стратегии и выявить, как язык используется для манипулирования общественным мнением и укрепления определенных мировоззрений.

Критический дискурсивный анализ является хорошо разработанным инструментом для анализа текстов и речей в медийной сфере с фокусом на власти, управлении и идеологии. Тем не менее, у этого метода есть некоторые недостатки. Одним из крупных минусов анализа является его предположение о том, что смысл создается дискурсом. Это может привести к субъективной интерпретации текста. Анализирующий сам выбирает фокус анализа, что может ограничить объективность в полученных результатах. Результаты анализа могут быть неоднозначны.

Для преодоления этих недостатков важно разработать более систематический метод анализа, который поможет уменьшить субъективность и повысить объективность результатов. Проведение анализа на нескольких уровнях (текстуальном, дискурсивном, социокультурном) поможет получить более полное представление о содержании и структуре текста. Успешному проведению критического дискурс-анализа могут помочь и другие методы, такие как количественный анализ, интервьюирование, ивент-анализ и пр.

Основная проблема, к которой подводят представленные теоретические основания, заключается в сложности и недостаточной разработанности комплексного, многоуровневого инструментария для анализа роли медиадискурса, особенно в его современных цифровых формах (новостные паблики VK и т.п.), в динамике политических процессов, прежде всего – политических конфликтов. Именно эту проблему призвана решить предлагаемая в диссертации синтетическая аналитическая модель. Она интегрирует: 1) микро- и макроуровневый аппарат Ван Дейка; 2) внимание к мультимодальности и интердискурсивности; 3) принципы триангуляции для снижения субъективности (то есть анализ не изолированных текстов, а корпуса, репрезентирующего каждый конфликт за значительный временной период. Эта модель будет развернута в следующем параграфе и апробирована на конкретном материале.

Все медиа способствуют развитию определенного вида дискурса просто в силу их сущностной природы. Медиа распространяют информацию под определенным углом, через свое видение событий. Начиная с появления СМИ, медиадискурс использовался для формирования общественного мнения, направления внимания аудитории на определенные темы и интерпретации социальных и политических явлений. С переходом к онлайн-СМИ медиадискурс претерпел некоторые изменения. Связано это с рядом обстоятельств. Онлайн-СМИ позволяют распространять новости мгновенно, что ускоряет формирование общественного мнения. В отличие от традиционных СМИ, интернет-платформы позволяют пользователям активно участвовать в обсуждениях, комментировать и делиться контентом, что создает более динамичный и интерактивный дискурс. Кроме того, интернет предоставляет доступ к большому количеству альтернативных источников информации, что расширяет рамки медиадискурса и позволяет увидеть события с разных точек зрения.

Современные ученые часто группируют онлайн-СМИ в отдельную категорию с названием «новые медиа»⁹³. Дискурс, который здесь формируется, очень важен отчасти из-за того, что он отличается от более привычных форм публикации. Новости передаются глобальной аудитории практически мгновенно в режиме реального времени. Зачастую скорость важнее стиля, и такого рода репортажам часто не хватает тщательного редактирования и рецензирования, что является отличительной чертой более традиционных изданий.

В настоящее время роль средств массовой информации осуществляют и социальные сети. Они также служат площадкой для взаимодействия аудитории и СМИ. Традиционным изданиям приходится адаптироваться к использованию социальных сетей для привлечения и удержания аудитории. Статистика показывает значительный рост пользователей социальных сетей за последние годы, что подтверждает их значимость как платформ для информационного взаимодействия⁹⁴.

Например, социальная сеть «ВКонтакте» играет значительную роль в современной коммуникации в Российской Федерации, особенно через свои новостные паблики. По данным Mediascope Cross Web от декабря 2023 года «ВКонтакте» стала самой популярной социальной сетью в России⁹⁵. Месячный охват населения страны в указанный месяц составил 73 процента. Новостные паблики «ВКонтакте» стали неотъемлемой частью информационного пространства, предоставляя пользователям доступ к разнообразной информации.

Новостные паблики в «ВКонтакте» являются эффективным средством формирования медиадискурса, отражая разнообразные точки зрения и

⁹³ Jenkins, H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide* / H. Jenkins. - New York : NYU Press, 2006. – P. 13-18.

⁹⁴ We Are Social ; DataReportal. *Digital 2024: Global Overview Report* / We Are Social ; DataReportal. - 2024. - URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 07.08.2025).

⁹⁵ Газета.Ru. «ВКонтакте» назвали лидером среди соцсетей у россиян [Электронный ресурс]. — 2024. — 6 февраля. — URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/02/06/22275307.shtml> (дата обращения: 01.08.2025). — (Обновлено: 06.02.2024, 15:47).

акцентируя внимание на важных событиях. Взаимодействие с подписчиками через комментарии и обсуждения позволяет формировать общественное мнение и создавать диалог вокруг актуальных тем. Ключевым аспектом новостных пабликов является их способность создавать информационный контент, который адаптируется к интересам широкой аудитории. Это способствует установлению тесных связей между пользователями и контент-поставщиками, формируя виртуальное сообщество вокруг общих информационных интересов. С перспективы влияния на политические события новостные паблики в «ВКонтакте» выступают в качестве цифровых акторов, участвующих в политической коммуникации. Они не только предоставляют информацию, но и активно формируют и моделируют общественные темы.

Новостные паблики становятся неотъемлемой частью дискурсивного процесса, участвуя в формировании общественного сознания.

Стоит также отметить, что пользователи активно ищут и сравнивают информацию из разных источников для формирования собственной объективной картины политических событий. Таким образом, ВКонтакте используется как площадка для распространения и обсуждения политической информации. Паблики в этой социальной сети являются важным каналом, через который осуществляется влияние на политическое мнение и предпочтения граждан, особенно молодежи.

Онлайн-медиа-коммуникации часто создаются и стимулируются при участии более широкой общественности, называются «пользовательским контентом» и могут включать в себя все, что угодно, от комментариев до добавленных видеороликов и личных оценок. В такого рода сценариях дискурс часто рассматривается как невероятно изменчивый и часто в значительной степени отражает нравы и чувства участвующих людей.

Как правило, средства массовой информации используют повествовательную форму для доведения информации до своей аудитории, что является эффективным способом представления событий таким образом,

чтобы информация, содержащаяся в нарративах, передавала лежащие в их основе точки зрения, концепции и репрезентации, которые влияют на получателей медийных нарративов. Но каким образом упакованы эти взгляды, концепции и репрезентации?

Т. ван Дейк писал, что особая роль в критическом дискурс-анализе отводится манипуляциям⁹⁶. Они направлены на человеческое сознание и в демократическом обществе могут являться нелегитимными, если выражают интересы меньшинства, например, властной группы. Осознать наличие манипуляции можно только со стороны, не являясь ее участником. Манипулятивные дискурсы воздействуют на социально-когнитивные черты манипулируемых. Однако, стоит отметить, что манипулятивные дискурсы СМИ динамичны, способны к изменениям, а зачастую вообще противоречивы. Они борются за доминирование в распространении своей интерпретации тех или иных событий.

Дискурс-анализ стал важнейшим инструментом и для понимания сложности конфликтов вообще и этнополитических конфликтов в частности, проливающим свет на то, как язык и коммуникация формируют и увековечивают эти конфликты. Например, исследования Т. ван Дейка были сосредоточены на роли дискурса в воспроизводстве социального неравенства, дискриминации и межгрупповых конфликтов. В его работе подчеркивается важность анализа дискурсивных стратегий, таких как фрейминг, легитимация и конструирование идентичности, для понимания динамики этнополитических конфликтов⁹⁷. Рут Водак изучала, как дискурсы отчуждения, инаковости и национализма способствуют эскалации конфликтов⁹⁸. Посредством подробного анализа политических выступлений, репрезентаций в средствах массовой информации и публичных дебатов Р.

⁹⁶ Ван Дейк, Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк ; пер. с англ. - М. : ЛИБРОКОМ, 2013. – С. 123-130.

⁹⁷ Dijk, T. A. van. The Analysis of News as Discourse / T. A. van Dijk // News Analysis: Case Studies of International and National News in the Press / ed. by T. A. van Dijk. - Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1988. - P. 1-30.

⁹⁸ Analysing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text / ed. by R. Wodak, J. E. Richardson. - New York : Routledge, 2013. - 338 p.

Водак выявила способы, с помощью которых язык используется для создания и укрепления этнонациональной идентичности и нарративов, разжигающих конфликты. Разработанная Н. Фэйерклафом система критического дискурс-анализа сыграла важную роль в раскрытии динамики власти и идеологических основ дискурсов, которые увековечивают этнополитические конфликты⁹⁹. Язык формирует восприятие, установки и поведение в условиях конфликта, а значит, на наш взгляд, критический дискурс-анализ медиа может помочь в анализе социальных конфликтов современности.

Таким образом, медиадискурс — это любой вид дискурса, реализуемый в медиапространстве и продуцируемый средствами массовой информации. Медийный дискурс интегрирован в социальные, личные и профессиональные отношения и может использоваться для достижения соответствующий иллюкативного эффекта. Медийный дискурс является ведущим типом дискурса, который проникает во все виды институциональной и повседневной коммуникации. Медiateксты стать важным средством формирования мировоззрения общества и отдельных лиц.

Дискурс, в более широком смысле, относится к социальной практике общения и взаимодействия, которая предполагает обмен идеями, верованиями и мнениями в определенном контексте. Это сложная система использования языка, которая отражает и формирует социальные структуры и властные отношения. Медиадискурс же, в нашей интерпретации, относится к языку, стилю и контенту, используемым на медиаплатформах, таких как газеты, телевидение, радио и социальные сети. Он включает в себя способ представления информации, выбор слов, изображений и повествований, используемых для передачи сообщения. Анализ медийного дискурса предполагает изучение языка, риторики и визуальных элементов, используемых в медиатекстах, чтобы понять, как они формируют общественное восприятие, установки и поведение. Она опирается на теории

⁹⁹ Fairclough, N. *Media Discourse* / N. Fairclough. - London : Arnold, 1995. - 214 p.

семиотики, критического дискурсивного анализа и медиаисследований, которые помогут нам проанализировать, как динамика власти, идеологии и культурные нормы отражаются и усиливаются посредством медийных репрезентаций. Медиадискурс – не только разновидность дискурса, но и то, что на него влияет. Являясь его специализированной формой, медиадискурс играет решающую роль в формировании общественного дискурса, конструировании социальной реальности и влиянии на индивидуальное и коллективное поведение. Дискурс играет решающую роль в формировании сознания и характера человека. Дискурсы, в которых мы участвуем, будь то культурные, социальные или личные, не только отражают, но и активным образом создают наше понимание себя и окружающего мира, способствуя формированию уникальных личностных качеств и сознания. Понимание нюансов медиадискурса необходимо для критического восприятия сообщений СМИ и расшифровки их глубинных значений и подтекстов.

Обобщая вышесказанное, нужно отметить, что и дискурс, и медиадискурс современности строятся на основе постмодернистской парадигмы. Постмодернизм отвергает идеи универсальных истин и монолитных нарративов, предпочитая вместо этого многообразие и субъективность. Медиа в этой парадигме стремятся представлять множество различных голосов и точек зрения. В условиях постмодернизма аудитория рассматривается не как пассивный потребитель информации, а как активный участник дискурса. Пользователи вовлечены в создание смысла, что выражается, в том числе, через платформы социальных медиа и возможность обратной связи. Постмодернизм склонен к отказу от строгих иерархий и авторитетов, что отражается в медиадискурсе через уравнивание различных источников информации, предпочтение горизонтальных структур организации медиа. Множество каналов коммуникации и демократизация доступности информации ведут к тому, что традиционные механизмы валидации и проверки достоверности контента начинают уступать место

субъективным интерпретациям. Люди склонны искать информацию, подтверждающую их собственные взгляды.

Более того, постмодернистский медиадискурс одновременно деконструирует и конструирует реальность, создавая мир симулякров, гиперреальность. Ж. Бодрийяр описывал гиперреальность как мир, где симулякры (копии без оригинала) становятся более реальными и значимыми, чем сама реальность¹⁰⁰. В условиях современной медиасреды, переполненной изображениями и мемами, мы можем наблюдать это явление: медиа не столько информируют, сколько формируют общественное восприятие событий и явлений. «Настоящая» реальность оказывается не нужна: есть «иная» реальность, формируемая масс-медиа, которые создают другие ценности, другие нормы, ломают сознание людей. В этой связи, постмодернистский медиадискурс становится важным инструментом влияния на общественное сознание, где информации приписывается огромное значение, но при этом она может быть фрагментированной и противоречивой. Это состояние постоянной неопределенности и множественности интерпретаций характерно для постмодернистской эпохи, в которой мы живем. Таким образом, постмодернистская концепция медиадискурса способствует переосмыслению роли медиа в обществе, акцентируя внимание на необходимости критического осмысления получаемой информации.

Проведенный анализ многообразных подходов к пониманию дискурса (лингвистического, семиотического, социально-коммуникативного, постмодернистского, критического дискурс-анализа) и его медийной специфики позволяет сформулировать следующие итоговые положения, определяющие концептуальные рамки настоящего исследования. В рамках настоящего исследования *дискурс* понимается как *социально обусловленная, динамичная и многоуровневая система коммуникативных практик, конструирующая смыслы и социальную реальность посредством языка*

¹⁰⁰ Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. А. В. Качалова ; под ред. Л. Данковой. - М. : Постум, 2018. – С. 6-8.

(вербального и невербального) в конкретном социокультурном и историческом контексте. При анализе публичных коммуникативных пространств (к которым относится в том числе и медиадискурс) особое внимание уделяется неразрывной связи дискурсивных практик с отношениями власти, идеологией и формированием идентичностей. Это синтетическое определение аккумулирует ключевые аспекты рассмотренных подходов, подчеркивая его процессуальный, контекстуальный, конструктивный и властный характер.

Медиадискурс трактуется как специфическая подсистема (вид) дискурса, продуцируемая и циркулирующая в пространстве средств массовой информации (традиционных и новых, включая онлайн-платформы и социальные сети), характеризующаяся направленностью на массовую, гетерогенную аудиторию и выполняющая функции информирования, интерпретации, конструирования реальности и воздействия, в условиях современности преимущественно развивающаяся в рамках постмодернистской парадигмы.

Оба феномена являются социальными практиками, конструирующими реальность через язык, неразрывно связаны с властью и идеологией, обладают многоуровневой структурой, существуют в конкретном контексте. Медиадискурс специфичен своей массовостью, технологической опосредованностью, выраженной функцией воздействия, высокой динамикой, гипертекстуальностью, особым медийным контекстом и доминированием постмодернистских черт (фрагментация, симулякры, борьба интерпретаций) (см. Приложение 1).

1.2. Сущность этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в контексте постмодернистского медиадискурса

Если в первом параграфе дискурс был рассмотрен как инструмент конструирования реальности, то в данном параграфе сама эта реальность - этнополитический конфликт - становится объектом деконструкции. Мы исходим из того, что в условиях постмодернистской медиасреды конфликт не может быть понят исключительно через призму «объективных» социально-экономических или политических факторов. Он всегда уже представлен, «упакован» и наделен смыслом в медийных нарративах. Таким образом, наши задачи сводятся к двум операциям: 1) выявить те классические объяснительные модели конфликта, которые продолжают незримо структурировать публичный дискурс, и 2) подвергнуть их критическому переосмыслению с учетом логики «симуляции» и «гиперреальности», где медиаконструкт зачастую приобретает приоритет над «фактическим» содержанием события.

Для этого мы не просто проследим историю конфликтологической мысли, а осуществим ее селективный анализ, оценивая эвристический потенциал каждой из теорий для изучения именно *медиапрезентаций* конфликтов на постсоветском пространстве через призму постмодернистского подхода. Исторически осмысление конфликта развивалось от его философского оправдания как двигателя развития (Гераклит, диалектика Гегеля) к попыткам научного, структурного объяснения.

В контексте нашего исследования особый интерес представляют те классические социологические теории, которые смещают фокус с сущностных причин на функции и формы конфликта. Например, подход Г. Зиммеля, рассматривавшего конфликт как форму социализации и способ установления групповых границ, оказывается чрезвычайно продуктивным для анализа того, как постмодернистский медиадискурс выполняет функцию «разметки» социального пространства, противопоставляя «своих» и «чужих» и тем самым

легитимируя конфликтную повестку¹⁰¹. В этом процессе подлинные социальные различия часто подменяются их медийными симулякрами.

Анализ экономического детерминизма К. Маркса позволяет выявить в современных медиатекстах устойчивые нарративы о «классовой» или «ресурсной» подоплеке этнополитических столкновений. Например, конфликт на востоке Украины представляется нам классическим примером конфликта, в котором доступ к промышленным ресурсам стал одним из ключевых факторов. Однако, как мы полагаем, ограниченность этого подхода для нашей темы заключается в его «слепоте» к иррациональным, символическим и идентитарным компонентам конфликта, которые в постмодернистскую эпоху зачастую выходят на первый план в медийном освещении.

В свою очередь, конфликтологические воззрения М. Вебера, акцентирующего внимание на множественности источников неравенства (класс, статус, партия), предоставляют более гибкий аналитический инструментарий. Его теория помогает понять, как в российском медиадискурсе этничность может инструментализоваться для маскировки статусной конкуренции элит или как конфликт за политическую власть (партийный, по Веберу) репрезентируется в СМИ именно как этнополитический, что ведет к созданию упрощенных и бинарных симулякров сложной социальной реальности.

Что же касается структурного функционализма Э. Дюркгейма, то его понятие аномии может быть продуктивно применено не к обществу в целом, а к дискурсивному пространству. Мы предполагаем, что в ситуации информационной перегрузки и характерной для постмодерна фрагментации нарративов о конфликте медиа могут сами становиться источником символической аномии, предлагая аудитории противоречивые и не

¹⁰¹ Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / Г. Зиммель ; сост. С.Я. Левит. – М. ; СПб. : Университетская книга : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 416 с.

поддающиеся интеграции образы «другого», что не снижает, а, напротив, усиливает социальную напряженность.

Если предшествующий анализ был сосредоточен на структурных и экономических интерпретациях конфликта, то концепции, появившиеся в середине XX века, смещают фокус на его функциональные, коммуникативные и символические аспекты. Именно этот поворот делает их особенно значимыми для нашего исследования, поскольку медиадискурс работает прежде всего в поле символов, значений и коллективных представлений.

Так, ключевой для нашего подхода оказывается теория Л. Козера, который рассматривал социальный конфликт не как патологию, а как форму социального взаимодействия, выполняющую интегративные и адаптивные функции¹⁰². Его различение «реалистичных» и «нереалистичных» конфликтов представляется нам важным аналитическим инструментом для деконструкции медийных нарративов. Мы можем предположить, что в стремлении к драматизации и упрощению медиа зачастую репрезентируют сложные, многофакторные «реалистичные» конфликты (например, за ресурсы или политическое влияние) в качестве «нереалистичных», сводя их к архетипическому противостоянию «добра и зла» или «извечной этнической вражде». Такой перевод в символическую плоскость, с одной стороны, мобилизует аудиторию, но с другой — блокирует понимание предметных причин конфликта и сужает возможности для его рационального урегулирования. Тезис Козера о том, что закрытые ригидные системы склонны проецировать напряжение вовне, формируя образ внешнего врага, прямо коррелирует с наблюдаемыми в российском медиаполе практиками консолидации вокруг образа «внешней угрозы» в контексте постсоветских конфликтов.

В свою очередь, Р. Дарендорф, акцентируя политическую природу конфликта как борьбы за власть и авторитет, позволяет выявить за риторикой

¹⁰² Козер Л.А. Функции социального конфликта / Л.А. Козер ; пер. с англ. О.А. Назаровой ; под общ. ред. Л.Г. Ионина. – М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000. – 205 с.

культурных и цивилизационных различий, часто звучащей в СМИ, базовый конфликт интересов между группами элит. Однако в постмодернистских условиях сама эта «борьба за власть» все чаще разворачивается в символическом поле, а ее предметом становится право навязывать языки описания и интерпретационные рамки. Его акцент на необходимости институционализации конфликта, разработке «правил игры», задает критерий для оценки медиадискурса: способствует ли он легитимации конфликтующих сторон как субъектов переговорного процесса или, напротив, их демонизации, что делает любой диалог в публичном поле невозможным¹⁰³.

Риски чрезмерного психологизма в объяснении массового поведения, на которые указывали еще ранние теоретики, становятся особенно актуальными в эпоху медиа. Теория коллективного поведения Н. Смелзера, с ее моделью поступательного нарастания напряженности, может быть применена не к обществу в целом, а к логике формирования медийной повестки и волн публичной истерии¹⁰⁴. Однако важно отметить, что линейность и структурная жесткость этой модели плохо совместимы с хаотичной, нелинейной природой современного сетевого медиaprостранства, типичного для постмодерна, где этапы могут молниеносно сменять друг друга или протекать одновременно.

Что касается общей теории конфликта К. Боулдинга¹⁰⁵, то ее ценность для нашего частного случая видится ограниченной. Его указание на «природу человека» как на источник противостояния мало операционализируемо для дискурс-анализа и, будучи некритически использовано в медиа, может легко превратиться в штамп, оправдывающий неизбежность насилия («такова природа людей/этносов»). Поэтому в дальнейшем анализе мы будем опираться на другие социологические концепции.

¹⁰³ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р. Дарендорф ; пер. с нем. Л.Ю. Панфиной. – М. : РОССПЭН, 2002. – 284 с.;

¹⁰⁴ Smelser N. Theory of collective behavior / N. Smelser. – New York : The Free Press, 1962. – 436 p.

¹⁰⁵ Boulding, K. Conflict and defense: A General theory / K. Boulding. - N.Y.: St. Martins press, 1988. - 289 p.

Современный этап развития конфликтологии (с 1980-х годов по настоящее время) характеризуется не только институционализацией дисциплины, но и, что для нас принципиально важнее, двумя взаимосвязанными тенденциями: «поворотом к этничности» после окончания холодной войны и параллельным осознанием ключевой роли коммуникации и информации в генезисе и динамике конфликтов. Этот синтез — этнического и коммуникативного — в полной мере соответствует духу постмодерна, в котором политическая реальность тождественна реальности медийной. Это делает данный период методологически центральным для нашего исследования.

При осмыслении природы этнополитического конфликта мы исходим из того, что три классических парадигмы — примордиализм, инструментализм и конструктивизм — не столько конкурируют, сколько описывают разные уровни и стадии конфликтогенеза, и каждый из этих уровней находит свое отражение в медийных текстах.

Примордиалистская риторика («древней ненависти», «неизбежности столкновения»), несмотря на свою научную уязвимость, предстает чрезвычайно востребованным медийным клише. Она выполняет функцию смыслового упрощения, предлагая аудитории готовую, «удобную» причинно-следственную схему, не требующую погружения в историко-политический контекст. Следовательно, мы рассматриваем примордиализм в первую очередь как важный дискурсивный инструмент, а не как адекватную объяснительную модель.

Инструментализм представляется теорией с более тонкими нюансами, поскольку он признает актуальность политической и социально-экономической структурной динамики для объяснения временных и географических различий в возникновении этнических конфликтов. Однако, хотя инструментализм выдвигает на первый план манипулирование или политизацию этнической принадлежности как основной источник этнических конфликтов, он не может объяснить, почему люди легко и эффективно

мобилизуются по этническому признаку и как возникает чувства солидарности, необходимое для коллективных действий.

Что касается конструктивизма, то здесь необходимо внести важную смысловую коррекцию. Фундаментальные труды Э. Геллнера и Б. Андерсона¹⁰⁶, посвященные генезису наций и национализма в эпоху модерна, заложили основы конструктивистского понимания идентичности. Однако для анализа именно конфликтов в постсоветский период более прямой является концепция «возвращения подавленного» Э. Хобсбаума, изложенная в его работе «Нации и национализм после 1780 года»¹⁰⁷. В нашем исследовании мы применяем и синтезируем эти идеи, утверждая, что постсоветское медиапространство стало ареной, где происходит одновременное «воображаемое» конструирование новых идентичностей (по Андерсону) и болезненная реактуализация старых, «подавленных» советским периодом травм и противоречий (по Хобсбауму).

И. С. Семенов, В. В. Лапкин и В. И. Пантин также подчёркивают сложность и многомерность этнополитических конфликтов, которые не могут быть объяснены в рамках одной из перечисленных выше теоретических парадигм. Авторы предлагают использовать теорию «среднего уровня» для анализа конкретных кейсов, избегая излишней генерализации «большой теории»¹⁰⁸.

Таким образом, наша авторская позиция заключается в следующем: для анализа российского медиадискурса об этнополитических конфликтах наиболее продуктивен интегративный подход. Примордиалистские клише служат для эмоциональной мобилизации аудитории, инструментализм раскрывает стратегические интересы акторов, использующих этот дискурс, а

¹⁰⁶ Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер; пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. - М.: Прогресс, 1991. - 319 с.: Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Г. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. - М.: Кучково поле, 2016. - 416 с.

¹⁰⁷ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум ; пер. с англ. А.А. Васильева. – СПб. : Алетей, 1998. – 305 с.

¹⁰⁸ Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы "большой теории" / И.С. Семенов, В.В. Лапкин, В.И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 73.

конструктивизм позволяет понять глубинные механизмы формирования и активизации тех коллективных идентичностей, которые становятся «материалом» для конфликта.

Именно на пересечении этих трех уровней и возникает исследуемый нами феномен — медийный симулякр этнополитического конфликта, который, будучи изначально сконструированным, обретает собственную агентность и начинает влиять на реальные политические процессы.

Тишков В. А. и Шабаев Ю. П. предлагают так определять этнополитический конфликт: «Этнополитический конфликт — борьба различных социальных групп, которые организуются по этническому принципу, и этот принцип становится основанием их идеологического и политического противостояния»¹⁰⁹. Однако для нашего исследования это базовое определение нуждается в существенном дополнении с учетом медийного измерения. Мы предлагаем рассматривать этнополитический конфликт в медийную эпоху как комплексное явление, в котором «реальная» борьба за власть и ресурсы неразрывно сплетена с борьбой за доминирование в символическом пространстве, за право устанавливать значения, определять образы «жертвы» и «агрессора» и конструировать коллективную память о конфликте. Следовательно, теории, объясняющие его природу, мы будем оценивать по их способности прояснять не только социально-политические причины, но и механизмы их трансляции, искажения и симуляции в медиа.

Среди наиболее известных комплексных теорий этнических конфликтов для целей нашего анализа ключевое значение имеют работы Д. Горовица, Т. Р. Гарра и Р. Брубейкера, М. Манна и Т. Ванханена, поскольку каждая из них, по-своему, позволяет вскрыть механизмы симуляции и гиперреальности в медийном конструировании конфликта.

¹⁰⁹ Тишков, В. А., Шабаев, Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности / В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев. - М.: Изд-во МГУ, 2011 - С.193.

Д. Горовиц¹¹⁰, выделяя «централизованные» и «рассредоточенные» этнические системы, а также связывая сепаратизм с уровнем развития группы и региона, предлагает некоторую структуру для сравнительного анализа. Однако в контексте постмодернистского медиадискурса его концепция обретает иное измерение. Медиа, особенно государственные или контролируемые доминирующей группой, могут активно участвовать в конструировании восприятия «централизованности» или «рассредоточенности», усиливая или, напротив, нивелируя образ той или иной группы как значимого политического актора. Более того, его тезис о «предписанности» и неразрешимости этнических различий прямо указывает на одну из главных проблем медиаосвещения: склонность к эссенциализации, то есть представлению этничности как врожденной и неизменной характеристики, что автоматически переводит любой спор в плоскость фатального и безальтернативного противостояния.

Однако теория Горовица, акцентирующая структурные и психологические аспекты, нуждается в дополнении. Здесь ключевую роль играет концепция «относительной депривации» Т. Р. Гарра¹¹¹. Его идея о том, что насилие порождается разрывом между ожиданиями и возможностями, позволяет нам анализировать, как медиадискурс участвует в создании и амплификации этого разрыва. Медиа могут артикулировать и драматизировать чувство ущемленности, переводя диффузное недовольство в язык конкретных политических требований и образов коллективной жертвы. Они создают «воображаемую солидарность» среди разрозненных членов группы, формируя из них единого медийного «актера-протестанта». Кроме этого, медиа могут легитимизировать или делегитимизировать само недовольство, представляя его как справедливую борьбу или, напротив, как необоснованный бунт.

¹¹⁰ Horowitz, D. *Ethnic Groups in Conflict* / D. Horowitz. - Berkeley: University of California Press, 1985. - 697 p.

¹¹¹ Гарра Т.Р. Почему люди бунтуют / Т.Р. Гарра ; пер. с англ. В. Анурин. – СПб. : Питер, 2005. – 460 с.

Подход Р. Брубейкера¹¹², рассматривающего этничность не как субстанцию, а как перспективу, категорию практики и событие, является для нас методологически центральным. Он позволяет сместить фокус с вопроса «что такое этническая группа» на вопрос «когда, как и с какой целью активизируется категория этничности». В логике постмодерна мы наблюдаем не группы, а перформативные акты этнизации — моменты, когда та или иная социальная, политическая или экономическая проблема начинает описываться и восприниматься через призму этнических различий. Следуя этой логике, мы рассматриваем каждый медиатекст об этнополитическом конфликте не как отражение реальности, а как перформативный акт, который участвует в создании той самой реальности, которую якобы описывает.

Структурно-исторический анализ М. Манна¹¹³, исследующий «темную сторону демократии» и истоки этнических чисток, показывает, как этническое насилие высшей степени является не возвращением «древней ненависти», а продуктом современных политических проектов, кризиса государства и борьбы элит за монополию на власть в условиях демократизации. Этот подход позволяет нам выявить за эмоциональными медийными образами «спонтанной резни» или «извечной вражды» холодную логику политического проектирования. В медиадискурсе эта логика часто проявляется в нарративах, оправдывающих превентивное насилие как «защиту демократии» или «восстановление порядка», или в риторике, последовательно дегуманизирующей определенную группу как «угрозу существованию нации».

В контексте изучения истоков этнической мобилизации представляет интерес также работа Т. Ванханена «Этнические конфликты. Их биологические корни в этническом фаворитизме»¹¹⁴. Ванханен выдвигает

¹¹² Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер; пер. с англ. И. Борисовой. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. - 408 с.

¹¹³ Манн М. Темная сторона демократии / М. Манн ; пер. с англ. Д. Сливняк, М. Сливняк, В. Туз. – СПб. : Питер, 2023. – 896 с.

¹¹⁴ Ванханен Т. Этнические конфликты. Их биологические корни в этническом фаворитизме / Т. Ванханен ; пер. с англ. – М. : Кучково поле, 2014. – 288 с.

гипотезу о том, что склонность к этническому фаворитизму и, как следствие, к межгрупповой конкуренции, имеет эволюционно-биологическую основу. С его точки зрения, этнические конфликты являются проявлением врожденной тенденции людей отдавать предпочтение членам своей группы в условиях конкуренции за ограниченные ресурсы. Таким образом, ключевым фактором конфликтогенеза в его теории выступает сочетание биологически укорененного группового фаворитизма с ситуацией острой конкурентной борьбы этнических групп за политическую власть и экономические блага.

При этом важно отметить, что сам Т. Ванханен не сводит причины конфликтов исключительно к биологии, а рассматривает их как комплексный результат взаимодействия биологической предрасположенности и конкретных социально-экономических условий (конкуренция за ресурсы, неравное распределение власти). Однако центральный тезис его работы заключается именно в том, что глубинной, фундаментальной причиной, делающей этнические конфликты столь распространенным и трудноразрешимым феноменом, является этот эволюционно сформированный механизм групповой солидарности и конкуренции.

Обобщая вышесказанное, мы можем заключить, что классические теории часто выделяют объективные причины конфликтов. Однако в условиях постмодернистской медиасреды эти причины неизбежно проходят через призму репрезентации. Исторические обиды становятся тиражируемыми медиамифами, относительная депривация — публичным нарративом, а борьба за ресурсы — символической битвой за образы в медиапространстве. Постмодернистский медиадискурс, таким образом, предстаёт не каналом передачи информации о конфликте, а автономной генеративной средой, где производятся конкурирующие гиперреальные версии конфликта, каждая из которых претендует на онтологический статус и обладает собственной силой политического воздействия. Именно этот семиотический сдвиг — от конфликта как социального факта к

конфликту как медийному симулякру — и составляет основную исследовательскую проблему данной работы.

Фокусируясь на этнополитических конфликтах именно постсоветского пространства, мы представляем его как уникальное смысловое поле, в котором материальные противоречия и их символические репрезентации вступили в отношения взаимного усиления. Уникальность этой ситуации заключается в том, что советский проект, осуществивший беспрецедентную по масштабам социальную инженерию, создал жесткий каркас этнотерриториальных автономий и национальностей. Этот каркас, как убедительно показали Р. Брубейкер¹¹⁵ и Ф. Роедер¹¹⁶, не был нейтральным административным делением; он стал системой классификации, которая «заморозила» и институционализировала этнические различия, превратив их в потенциальные линии политического разлома. Следовательно, распад СССР в 1991 году следует понимать не только как геополитическую и экономическую катастрофу, но и как масштабный семиотический коллапс. Легитимирующая метанарративная рамка (коммунистическая идеология, советский народ как новая историческая общность) рассыпалась, обнажив под собой этнополитические претензии и мобилизационные призывы.

В этом контексте структурные объяснения, предлагаемые такими исследователями, как С. ван Эвера¹¹⁷ (слабость государственных институтов) или Д. Снайдер¹¹⁸ (опасности демократизации в многосоставных обществах), безусловно, сохраняют объяснительную силу. Однако они рискуют упустить из виду тот факт, что сама «слабость» постсоветских государств в значительной степени проявлялась и усугублялась в символической сфере. Новые политические режимы, столкнувшись с чудовищными

¹¹⁵ Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер; пер. с англ. И. Борисовой. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. - 408 с.

¹¹⁶ Roeder, P. G., Rothchild, D. S. Sustainable peace: power and democracy after civil wars / P. G. Roeder, D. S. Rothchild. - 2005. - 383 p.

¹¹⁷ Evera, S. van. Hypotheses on Nationalism and War / S. Van Evera // International Security. - 1994. - Vol. 18, No. 4. - P. 42.

¹¹⁸ Snyder, J., Rubin, B. (eds.). Post-Soviet Political Order: Conflict and State-Building / J. Snyder, B. Rubin. - London: Routledge, 1998. - 232 p.

экономическими вызовами, часто оказывались неспособны предложить населению убедительный проект будущего, конкурирующий с этнонационалистическими нарративами. Как отмечает А. Лейпхарт, в условиях институциональной хрупкости политические элиты закономерно обратились к самому доступному и мобилизующему инструменту — этническому национализму. Но критически важно понять, что этот инструмент оставался бы нерабочим, если бы не был подключен к мощным медийным генераторам смысла. Таким образом, наша центральная гипотеза заключается в том, что вакуум идеологической легитимности, образовавшийся после краха СССР, был стремительно заполнен не просто национализмом, а именно медиатизированным национализмом, где телевидение, пресса, а позднее и цифровые платформы взяли на себя функции главных «инженеров реальности», переводя политическую борьбу за ресурсы и власть в драматургию вековой вражды и исторических обид.

В этом процессе активное участие принимала национальная интеллигенция, что точно подмечено В. Тишковым¹¹⁹. Однако ее роль видится нам не столько в прямом «конструировании реальности», сколько в предоставлении *символического сырья* — исторических трактовок, языковых стандартов, культурных канонов, — которое затем тиражировалось, упрощалось и мифологизировалось массмедиа.

Геополитическое измерение, на котором настаивают В. Лапкин и В. Пантин¹²⁰, добавляет к этой картине еще один, внешний контур конструирования. Постсоветские конфликты почти мгновенно перестали быть сугубо внутренними делами новых государств. Они были вписаны в более широкие дискурсивные войны — между «Западом» и «Россией». Каждая из сторон конфликта стала искать (и получать) внешнего медийного куратора. В

¹¹⁹ Тишков В.А. Что есть Россия и российский народ / В.А. Тишков // Pro et Contra. – 2007. – Т. 11, № 3. – С. 29.

¹²⁰ Лапкин, В. В., Пантин, В. И. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов / В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Мировая экономика и международные отношения. - 2016. - Т. 60, № 12. - С. 92-103.

результате локальный спор, скажем, о статусе территории, превращался в глобальный семиотический поединок, когда разные СМИ предлагали своим аудиториям радикально несовместимые версии происходящего, каждая из которых апеллировала к своим системам ценностей и историческим аналогиям. Этот феномен можно определить как глобализацию дискурсивного поля постсоветского конфликта, когда местные акторы вынуждены вести свою символическую борьбу не только на внутреннем, но и на международном медийном рынке, адаптируя свои нарративы под язык прав человека, борьбы с терроризмом, защиты суверенитета или антиколониализма.

Существующие классификации этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, будучи полезными аналитическими конструктами, зачастую фиксируют лишь статичный срез динамичной реальности. Наиболее релевантными для нашей работы представляются три подхода, выделяющие разные аспекты, которые активно эксплуатируются в стратегиях медийного освещения.

Типология Г. Лapidус¹²¹, основанная на политико-правовом статусе сторон, позволяет выявить, как медиа определяют «природу» противостояния. Например, фреймирование конфликта как *межгосударственного* (например, российско-украинского) легитимизирует использование языка геополитики, суверенитета и международного права. Представление же конфликта как *внутригосударственного* (например, противостояние центра и автономии в случае с Абхазией или Нагорным Карабахом в определенный период) смещает акцент на вопросы сепарации, самоуправления и прав меньшинств. Выбор одной из этих рамок в медиадискурсе не является нейтральным; он предопределяет набор моральных оценок, исторических аналогий и политических решений, предлагаемых аудитории.

¹²¹ Lapidus, G. W. Asymmetrical Federalism and State Breakdown in Russia // Post-soviet Affairs. - 1999. - Vol. 15. - P. 74-82.

Шкала У. Юри¹²², классифицирующая конфликты по степени и характеру насилия (от ненасильственных до тотальных войн), напрямую связана с механизмами драматизации и эмоционального воздействия в медиа. Освещение «горячей» войны (как в Карабахе в 2020 году) строится на образах разрушений, жертв и героев, мобилизуя аудиторию через шок и сопричастность. Освещение «замороженного» или латентного конфликта (как в Приднестровье или в сфере языковых прав в Прибалтике) требует иных стратегий — акцента на исторической несправедливости, правовой дискриминации или перманентной угрозе. Медиа часто играют ключевую роль в переводе конфликта по этой шкале, либо нагнетая панику и предвещая эскалацию, либо, напротив, минимизируя насильственную составляющую и переводя противостояние в плоскость правовых дебатов.

Классификация Я. Эттингера¹²³ по первопричинам (территориальные, исторические, экономические, культурные и т.д.) используются для объяснения конфликта. В зависимости от выбранной «главной причины» в медиа выстраивается соответствующий нарратив: о «воссоединении разделенного народа» (нарратив единства), об «искуплении исторической вины» (депортации), о «борьбе за ресурсы» (экономический детерминизм) или о «цивилизационном выборе» (ценностный конфликт). Ни одна из этих причин в реальности не существует в чистом виде, но медиа, опираясь на труды экспертов, часто проводят редукцию, предлагая публике простую и ясную причинно-следственную схему, что усиливает поляризацию.

Данные типологии фиксируют конфликт как нечто уже сложившееся. Нас же интересует динамика его становления и воспроизводства. В этом ключе ключевым объектом анализа должен стать сам процесс дискурсивной типологизации. Медиа не просто сообщают о конфликте того или иного типа; они, через выбор лексики, фреймов, экспертов и визуального ряда,

¹²² Юри У. Этнические конфликты: что можно сделать? // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С. 77.

¹²³ Эттингер, Я. Я. Межнациональные конфликты в СНГ и международный опыт / Я. Я. Эттингер // Свободная мысль. - 1993. - № 3. - С. 87-95.

активно навязывают аудитории определенную классификацию. Один и тот же феномен — например, конфликт в Карабахе — в армянском медиаполе будет последовательно обозначаться как «борьба за самоопределение арцахского народа», тогда как в азербайджанском — как «борьба с сепаратизмом и восстановление территориальной целостности» (сдвигая фокус к категориям межгосударственного конфликта и верховенства закона).

Концептуализируя этнополитические конфликты на постсоветском пространстве, мы предлагаем их классификацию, основанную на степени участия России:

1. Конфликты с активным участием России, где она является одной из сторон. К такому виду можно отнести специальную военную операцию на востоке Украины. На данный момент это один из наиболее интенсивных и динамичных вооруженных конфликтов.
2. Конфликты с косвенным или ограниченным участием России. В данном случае Россия формально не выступает в качестве стороны конфликта, однако оказывает значительную политическую, экономическую и дипломатическую поддержку одному из участников. Примерами такого рода конфликтов являются ситуации в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье.
3. Конфликты без участия России или с ее минимальным участием. В таких конфликтах Россия придерживается нейтральной, равноудаленной позиции. В некоторых случаях, как, например, в Нагорном Карабахе, конфликт регулируется российскими миротворческими силами. В конфликте в Таджикистане в 1992–1997 годах Россия предоставляла поддержку правительству, но не принимала активного участия в боевых действиях.

При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что предложенная нами классификация, основанная на степени участия России, сама по себе является дискурсивным конструктом. Она отражает определенную, конкретную (в данном случае, акцентированную на роли РФ) оптику взгляда на

постсоветское пространство и имплицитно предполагает Россию в качестве центра притяжения или отсчета. Это демонстрирует, что любая типология не свободна от ценностных и дискурсивных предпосылок, что полностью соответствует постмодернистскому тезису об отсутствии нейтрального, абсолютного языка описания.

Таким образом, этнополитические конфликты на постсоветском пространстве представляют собой уникальный и сложный феномен, обусловленный наследием Советского Союза, политической трансформацией и многообразием этнических идентичностей. Распад СССР создал вакуум власти, открыв путь для перераспределения национальных идентичностей, которые, в отсутствие сильных институциональных структур, часто приводят к конфликтам. Эти конфликты, варьирующиеся от территориальных споров до борьбы за самоопределение, усложняются внешним вмешательством и геополитическими интересами.

Роль постмодернистской концепции в этом контексте выражается в размытости традиционных границ между национальными идентичностями и многослойности социальных конструкций. Постмодерн, с его фокусом на фрагментированной и переменчивой реальности, подчеркивает, что конфликты в постсоветском пространстве не только отражают старые разногласия, но и создаются новыми нарративами власти, идентичности и политического влияния.

То есть медиа не только отражают, но и активно формируют политическую реальность, оказывая непропорционально большое влияние на развитие и исход политических конфликтов. Именно через призму медиадискурса мы понимаем и интерпретируем политические игры, которые воздействуют как на национальном, так и на международном уровнях.

Таким образом, медиа и новые технологии становятся важными инструментами в формировании этнических и политических идентичностей, влияя на восприятие конфликтов как внутри стран, так и на международной

арене. Они могут как разжигать напряженность, так и способствовать диалогу и взаимопониманию.

1.3. Модель анализа дискурсивных стратегий при освещении этнополитических конфликтов в онлайн-СМИ

Для анализа медиадискурса в освещении различных событий необходимо понимать основные стратегии и инструменты в рамках этих стратегий, которые используются СМИ для создания глубинных смыслов. На наш взгляд, интерпретировать медиатексты необходимо по уровням данных стратегий.

Стратегию можно описать как систематический план действий, направленный на достижение конкретной цели¹²⁴. Он предполагает разработку и реализацию последовательности шагов или мер в заранее определенном порядке для обеспечения желаемого результата. В области научных исследований стратегии являются важнейшими инструментами для направления исследований и экспериментов к значимым результатам. Цели и стратегии — это тесно взаимосвязанные понятия в контексте стратегического планирования. Цель представляет собой конечный пункт назначения, в то время как стратегия описывает общее направление движения на пути к этой цели.

Дискурс и медиадискурс активно формируют наше сознание и картину мира. Дискурсивные стратегии – это мощный инструмент для глубокого анализа, позволяющий осознать намерения коммуникации и активно участвовать в формировании сознания и мировоззрения окружающих. Они являются результатом осознанного выбора субъектов взаимодействия в процессе коммуникации для достижения конкретных целей или результатов. Эти стратегии включают в себя различные лингвистические, риторические и интерактивные методы, используемые для структурирования коммуникации и

¹²⁴ Ansoff, H. I. Corporate Strategy: An Analytic Approach to Business Policy for Growth and Expansion / H. I. Ansoff. - New York : McGraw-Hill, 1965. – P. 177-182.

влияния на нее. Т. ван Дейк говорит, что стратегии являются одним из фундаментальных элементов дискурса¹²⁵. Его работа «Strategies of Discourse Comprehension» («Стратегии понимания связного текста») стала одной из первых и наиболее значимых исследований дискурсивных стратегий.

Концепции дискурсивных стратегий посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых. К. Келлерман¹²⁶ рассматривает дискурсивные стратегии как часть общей дискурсивной области, включающей использование языка, знаков и символов для достижения целей коммуникации. Одним из ключевых аспектов исследований Келлермана является анализ того, как дискурсивные стратегии могут быть использованы для управления властью, манипуляции аудиторией и формирования общественного мнения.

Стратегии медийного дискурса представлены в работах и отечественных ученых: Фирстовой Л.А.¹²⁷, Данковой Н.С.¹²⁸, Цуриковой¹²⁹ Л. В., Плотниковой С.В.¹³⁰ и пр.

Цурикова Л. В. определяет дискурсивные стратегии как «потенциально возможные интерактивные способы осуществления коммуникативно значимых действий в дискурсе и языковые способы их выражения»¹³¹.

Согласно Плотниковой С.В. дискурсивная стратегия – это «унифицированный способ конструирования дискурса, которого человек

¹²⁵ Dijk, T. A. van, Kintsch, W. Strategies of Discourse Comprehension / T. A. van Dijk, W. Kintsch. - New York: Academic Press, 1983. – P. 62.

¹²⁶ Kellermann, K. Communication: Inherently Strategic and Primarily Automatic / K. Kellermann // Communication Monographs. - 1992. - Vol. 59. - P. 288-300.

¹²⁷ Фирстова, Л. А. Стратегическое и тактическое целеполагание в рамках телепублицистического дискурса / Л. А. Фирстова // Известия ВГПУ. - 2008. - № 2. - С. 29-32.

¹²⁸ Данкова, Н. С. Стратегия эмоционализации как средство репрезентации судебной власти в российских и английских печатных СМИ / Н. С. Данкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. - 2016. - № 4 (40). - С. 102-114.

¹²⁹ Цурикова, Л. В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности / Л. В. Цурикова // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2007. - № 4. - С. 98-108.

¹³⁰ Плотникова, С. Н. Концептуальные основания конструирования дискурсивных стратегий / С. Н. Плотникова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. - 2018. - № 3 (31). - С. 78-86.

¹³¹ Цурикова, Л. В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности / Л. В. Цурикова // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2007. - № 4. - С. 101.

преимущественно придерживается в процессе общения»¹³². Плотникова подчеркивает, что в идеологическом дискурсе, заключенном в текстах, предназначенных для массового адресата, стратегия конструируется как «позиция миропонимания» и находит отклик реципиентов, несмотря на свою интерсубъективность.

Фирстова выделяет три основные стратегии коммуникативного поведения, которые можно применить и к конструированию медиадискурса: диктальную, модальную и регулятивную¹³³. Целью диктальной стратегии является предоставление и получение информации. Модальная стратегия предназначена для выражения точки зрения автора и морально-эстетической оценки события. Регулятивная стратегия формирует определенную точку зрения или мнения.

В рамках исследуемой нами репрезентации этнополитических конфликтов такая классификация также актуальна. В рамках диктальной стратегии происходит информирование и предоставление фактов о конфликте и сторонах, модальная стратегия может быть полезна для выражения различных точек зрения на конфликт, подчеркивая моральные аспекты и оценку событий, а регулятивная стратегия ставит целью формировать и менять мнения аудитории, влияя на восприятие конфликта реципиентами.

Жданова И.И. делит стратегии медиадискурса в зависимости от их основной задачи в медиатексте: воздействующая, информирующая, формирующая, исследующая и прогнозирующая¹³⁴.

Тактики дискурсивных стратегий представляют собой конкретные, операциональные языковые средства и приемы, используемые для реализации более общего стратегического замысла. Если стратегия — это общий план

¹³² Плотникова, С. Н. Концептуальные основания конструирования дискурсивных стратегий / С. Н. Плотникова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. - 2018. - № 3 (31). - С. 78.

¹³³ Фирстова, Л. А. Стратегическое и тактическое целеполагание в рамках телепублицистического дискурса / Л. А. Фирстова // Известия ВГПУ. - 2008. - № 2. - С. 29-32.

¹³⁴ Жданова, И. И. Коммуникативные стратегии толерантного газетного дискурса русскоязычных зарубежных СМИ / И. И. Жданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2013. - № 3. - С. 71-74.

кампании, то тактика — это отдельные сражения и маневры в ее рамках. В исследованиях дискурса тактики часто рассматриваются как вербальная реализация стратегии, включающая выбор конкретных лексических, синтаксических, стилистических и риторических средств.

Как показывают работы отечественных исследователей, тактики являются важным инструментом для достижения коммуникативных целей. Например, в классификации, предложенной О.С. Иссерс и развитой в диссертационном исследовании А.Р. Залегдиновой, тактика понимается как однородная по интенции линия поведения коммуниканта, входящая в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта¹³⁵. В рамках стратегии дискредитации такими тактиками могут выступать обвинение, разоблачение, насмешка и оскорбление. При этом каждая тактика может быть далее детализирована на уровне субтактик и конкретных семантических вариантов. Например, тактика обвинения подразделяется на прямое и не прямое (косвенное), которые различаются по степени эксплицитности и манипулятивного потенциала. Тактика разоблачения может включать указание на связь адресата с негативом или на факт обмана.

Другой подход к классификации предлагает Л.А. Фирстова, которая выделяет тактики в соответствии с доминирующей коммуникативной стратегией. В рамках диктальной стратегии (направленной на информирование) используются тактики информирования, разъяснения и комментирования. Модальная стратегия (выражение точки зрения и оценки) реализуется через тактики саморепрезентации, отождествления и дистанцирования. Регулятивная стратегия (формирование определенного

¹³⁵ Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени: монография / О.С. Иссерс ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. – 2-е изд., испр. – Москва : ЛЕНАНД, 2014. – 262 с., Залегдинова А.Р. Основные стратегии и тактики в общественно-политическом дискуссионном ток-шоу (на материале русского и английского языков) / А.Р. Залегдинова // Филология и культура. Philology and Culture. – 2012. – № 29. – С. 47–50.

мнения) вербализуется через тактики установления контакта, аргументирования и обвинения¹³⁶.

Несмотря на все многообразие и важность тактик для глубокого анализа дискурса, настоящее исследование, в соответствии со своим предметом, фокусируется на макроуровне дискурсивных стратегий и их эффектов. Задача работы — идентифицировать и систематизировать доминирующие стратегические линии в освещении этнополитических конфликтов и проанализировать их кумулятивный эффект на формирование смыслов и картины мира у аудитории. Тактики же рассматриваются как диагностические признаки, инструментальное средство для выявления той или иной стратегии, но не являются самостоятельным объектом детального анализа в рамках ограниченного формата данной работы. Такой анализ потребовал бы отдельного масштабного лингвистического исследования. Таким образом, в рамках предлагаемой модели анализа тактики учитываются, но основное внимание уделяется системному анализу стратегий и их конечных эффектов в медиадискурсе.

Дискурсивные стратегии можно разделить в соответствии с уровнем анализа дискурса. Например, Н. Фэйерклаф¹³⁷ выделяет три уровня критического дискурс-анализа:

1. Уровень текста: анализируется сам текст, его структура, лексика, синтаксис, структура аргументации и т.д.

2. Уровень практик дискурса: здесь изучаются социальные практики, которые лежат в основе производства и интерпретации текстов, а также влияют на формирование дискурсивных стратегий.

3. Уровень социокультурного контекста: на этом уровне анализируются широкие социокультурные и исторические факторы, которые влияют на формирование дискурсов.

¹³⁶ Фирстова, Л. А. Стратегическое и тактическое целеполагание в рамках телепублицистического дискурса / Л. А. Фирстова // Известия ВГПУ. - 2008. - № 2. - С. 29-32.

¹³⁷ Fairclough, N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language / N. Fairclough. - 2nd ed. - London : Routledge, 2010. – P. 132.

На наш взгляд, исследование этнополитических конфликтов в СМИ через эти уровни анализа поможет не только лучше понять, как информация о конфликтах конструируется и интерпретируется, но и выявить механизмы формирования определенных дискурсивных стратегий в представлении этих конфликтов. Однако, они могут быть недостаточными для полного охвата сложности дискурса, особенно в контексте представления этнополитических конфликтов в СМИ. Важно учитывать, как изменяются дискурсивные стратегии во времени, под воздействием событий, медийных трендов и политических факторов. Дополнение концепции Н. Фэйерклафа позволит более глубоко и комплексно исследовать дискурсивные стратегии и их влияние на представление этнополитических конфликтов в СМИ.

Решение данной задачи позволит нам создать универсальную модель для анализа репрезентации этнополитических конфликтов в российских онлайн-СМИ. Безусловно, при создании такой модели мы будем использовать *критический дискурс-анализ*, но расширим его, адаптируем к объекту исследования согласно особенностям репрезентации этнополитических конфликтов.

Для достижения данной цели, в первую очередь, следует *систематизировать* способы конструирования медийного дискурса при репрезентации такого рода событий. На наш взгляд, в освещении этнополитических конфликтов в СМИ дискурсивные стратегии можно разделить на группы. Обобщая сказанное в предыдущих главах, мы предлагаем сосредоточиться на многоуровневом анализе новостных публикаций, посвященных этнополитическим конфликтам.

На наш взгляд, в первую очередь, стоит отметить, что *построение и репрезентация исторических нарративов* в средствах массовой информации играют значительную роль в формировании общественного восприятия, установок и реакций на сложные политические реалии. Согласно вышеупомянутой концепции Фэйерклафа, данная стратегия присутствует на третьем уровне - уровне социокультурного контекста. Этот феномен был

исследован, в частности, в работах Э. В. Саида, который подчеркнул роль средств массовой информации в увековечении стереотипов и искажений в повествованиях о конфликтах. В своей основополагающей работе «Освещение ислама: как СМИ и эксперты определяют, каким мы видим остальной мир»¹³⁸ Э. В. Саид исследует исторические нарративы в репрезентации западными СМИ ислама и Ближнего Востока.

Э. В. Саид утверждает, что средства массовой информации часто увековечивают ориенталистские стереотипы и предубеждения, изображая мусульманские общества экзотическими, отсталыми и по своей сути жестокими. Эти представления уходят корнями в долгую историю колониализма и империализма, когда Запад создал бинарную оппозицию между «цивилизованным» Западом и «варварским» Востоком. Более того, Саид утверждает, что освещение этнополитических конфликтов в СМИ часто зависит от геополитических интересов и динамики власти. Западные СМИ могут отдавать приоритет определенным повествованиям или перспективам, которые соответствуют доминирующим политическим повесткам дня, в то же время маргинализируя или заглушая альтернативные голоса, бросающие вызов статус-кво.

Феномен коллективной памяти, сформулированный М. Хальбваксом¹³⁹ и получивший дальнейшее развитие такими учеными, как Алейда Ассманн и Ян Ассманн¹⁴⁰, представляет собой важнейший элемент в формировании исторического дискурса и медийного обрамления этнополитических конфликтов. Увековечение прошлых событий посредством ритуалов, мемориалов и публичного дискурса служит укреплению коллективной идентичности и формированию исторических нарративов. Однако, как поясняет М.-Р. Труйо в работе «Заставляя замолчать прошлое», процесс

¹³⁸ Said, E. *Covering Islam: How the Media and the Experts Determine How We See the Rest of the World* / E. Said. - New York : Random House, 1997. – P. 45.

¹³⁹ Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // *Неприкосновенный запас*. - 2005. - № 2-3 (40-41). - С. 8-27.

¹⁴⁰ Ассманн, Я. *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* / Я. Ассманн; пер. с нем. М. М. Сокольской. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 363 с.

запоминания по своей сути избирателен и подвержен манипуляциям, часто приводящим к стиранию или маргинализации определенных голосов и переживаний¹⁴¹. Медийные репрезентации этнополитических конфликтов часто отражают доминирующие нарративы памяти, тем самым увековечивая историческую несправедливость и усиливая межгрупповую напряженность.

Избирательная память и ревизионизм также распространены в медийных репрезентациях истории в этнополитических конфликтах. Ревизионистские интерпретации истории могут исказить правду, манипулировать общественным мнением и увековечивать динамику конфликта, стирая или сводя к минимуму страдания и недовольство маргинализированных групп. Например, отрицание геноцида армян некоторыми турецкими СМИ иллюстрирует, как ревизионистские нарративы могут препятствовать усилиям по примирению и миростроительству¹⁴².

Медийные нарративы часто опираются на исторические события, мифы и символы, чтобы объяснить происхождение и динамику конфликтов. Однако на эти повествования могут влиять предубеждения, упущения и искажения, которые формируют то, как аудитория интерпретирует этнополитические конфликты и придает им смысл. Например, освещение в средствах массовой информации израильско-палестинского конфликта часто выдвигает на первый план исторические обиды и рассказы о жертвах, которые способствуют сохраняющейся напряженности и враждебности.

Рассказы о жертвах и преступниках являются распространенными темами в освещении этнополитических конфликтов СМИ. В работе социального психолога Г. Кельмана исследовалось, как эти нарративы могут укреплять стереотипы, дегуманизировать «других» и оправдывать акты насилия или дискриминации¹⁴³. Изображая одну сторону жертвами, а другую -

¹⁴¹ Trouillot, M.-R. *Silencing the Past: Power and the Production of History* / M.-R. Trouillot. - Boston: Beacon Press, 1995. - 206 p.

¹⁴² «ЕС призывает Турцию признать геноцид армян» // Русская служба BBC. - 2005. - 28 сентября. - URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/news/newsid_4290000/4290524.stm (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁴³ Kelman, H. C. Evaluating the contributions of interactive problem solving to the resolution of ethnonational conflicts // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. - 2008. - P. 14.

агрессорами, СМИ могут увековечивать циклы мести, возмездия и эскалации. Важно критически анализировать эти нарративы, чтобы бросить вызов упрощенным дихотомиям.

Несмотря на проблемы, связанные с освещением исторического дискурса в средствах массовой информации, у СМИ есть потенциал внести свой вклад в усилия по историческому примирению и миростроительству. Й. Галтунг подчеркивал роль СМИ в продвижении инклюзивных повествований, признании исторической несправедливости и содействии диалогу между конфликтующими сторонами¹⁴⁴. Освещая истории о стойкости, прощении и сотрудничестве, которые выходят за рамки исторических обид, СМИ могут играть конструктивную роль в содействии взаимопониманию и примирению в этнополитических конфликтах.

Итак, подводя итог вышесказанному, а также адаптируя концепцию Фейэрклафа к нашему объекту, первый уровень нашего анализа дискурсивных стратегий определим как анализ историко-социального контекста, в рамках которого формируется исследуемый дискурс.

Следующим важным аспектом при анализе этнополитических конфликтов в СМИ являются *стратегии, связанные с отбором информации, выбором событий и их отдельных аспектов для освещения*. Это будет второй уровень анализа для нашего исследования. Применительно к концепции Фейэрклафа это его «уровень практик дискурса». Рассмотрим, какие дискурсивные практики могут использоваться для создания дискурса относительно данного уровня.

Наиболее популярными способами установления и корректировки дискурса являются теория атрибутивной повестки дня, теория фрейминга, теория прайминга и теория гейткипинга.

¹⁴⁴ Galtung, J. Peace Journalism: What, Why, Who, How, When, Where // Workshop "What are Journalists For?". - Transcend, 1998.

Теория повестки дня (или теория установления повестки дня) была разработана в 1972 году М. Маккомбсом и Д. Шоу¹⁴⁵. Согласно данной теории СМИ определяют медийную реальность: одним событиям они уделяют особое внимание, другие не освещают вовсе. Таким образом формируется повестка дня, и поднимаемые СМИ проблемы для общественности становятся более значимыми, чем те, о которых не говорят.

С развитием социальных медиа появилось мнение, что классические СМИ уже не оказывают определяющего влияния на формирование повестки дня, однако, как ни странно, они не только не децентрализовали атрибутивную повестку, но во многом переняли роль классических СМИ, начав определять ее самостоятельно и фильтровать новостные сообщения согласно своим идеологическим соображениям.

Дальнейшие исследования Д. Шоу¹⁴⁶ показали, что люди склонны искать и принимать повестки тех социальных или профессиональных групп, к которым они принадлежат. Сегодня, благодаря новым коммуникационным технологиям, люди могут получить доступ к сотням медиаканалов и другим источникам информации, где есть собственные повестки дня, основываясь и на собственных предпочтениях

Теория атрибутивной повестки дня (то есть повестки дня «второго уровня») была также представлена М. Маккомбсом и Д. Шоу в 1990-х гг¹⁴⁷. Суть теории состоит в том, что, ограниченные объемом транслируемых материалов, СМИ обращают внимание аудитории лишь на отдельные аспекты предмета сообщения (атрибуты). Подсвечивая определенные черты политического субъекта или какого-либо явления, масс-медиа предопределяют отношение общественности к ним. Таким образом, существует два уровня формирования повестки дня. На первом уровне СМИ определяют, какие события будут

¹⁴⁵ McCombs, M., Shaw, D. L. The Agenda-Setting Function of Mass Media / M. McCombs, D. L. Shaw // *Public Opinion Quarterly*. - 1972. - Vol. 36, No. 2. - P. 176-187.

¹⁴⁶ Shaw, D. L., Martin, S. E. The Function of Mass Media Agenda Setting / D. L. Shaw, S. E. Martin // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. - 1992. - Vol. 69, No. 4. - P. 902-920.

¹⁴⁷ McCombs, M. E., Shaw, D. L. The Evolution of Agenda-Setting Research: Twenty-Five Years in the Marketplace of Ideas / M. E. McCombs, D. L. Shaw // *Journal of Communication*. - 1993. - Vol. 43, No. 2. - P. 58-67.

наиболее важными в данный период времени. Происходит отбор новостей журналистами. На втором уровне в отношении каждого конкретного события или персонажа, освещаемых в СМИ, выделяются аспекты (атрибуты), на которые и будет обращено внимание медиа. Повестка дня второго уровня определяет набор фактов, благодаря которым в дальнейшем будет формироваться отношение общественности к выбранным событиям или людям. Атрибутивная повестка дня содержит когнитивные и аффективные компоненты, к которым, в частности, относится тон сообщения (положительный, отрицательный или нейтральный). В этом отношении атрибутивная повестка дня близка к теории фрейминга.

Теория фрейминга исследует, как СМИ влияют на восприятие проблем и событий. В ее основе лежит концепция «фрейминга», впервые предложенная Г. Бейтсоном в 1972 году¹⁴⁸. Концепция предполагает стратегическое представление информации определенным образом с целью влияния на восприятие и интерпретацию этой информации аудиторией. Фрейминг формирует сообщения с помощью выделения отдельных аспектов, фокусирования внимания на определенных событиях и проблемах в ущерб другим. В контексте медиаисследований теория фрейминга в значительной степени основана на социально-конструктивистском подходе, например, в работах Гоффмана¹⁴⁹, Шойфеле и Тьюксбери¹⁵⁰. Гоффман предположил, что индивиды не могут просто понять мир и изо всех сил пытаются интерпретировать свой опыт для его осмысления. Поэтому Гоффман утверждает, что индивиды нуждаются в интерпретирующих схемах, чтобы иметь возможность обрабатывать и классифицировать информацию и придавать ей смысл¹⁵¹. Согласно Шойфеле, фрейминг также можно

¹⁴⁸ Бейтсон, Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Г. Бейтсон; пер. с англ. - М.: Смысл, 2000. - 476 с.

¹⁴⁹ Гоффман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гоффман. - М.: Институт социологии РАН, 2003. - 750 с.

¹⁵⁰ Scheufele, D. A., Tewksbury, D. Framing, Agenda Setting, and Priming: The Evolution of Three Media Effects Models // Journal of Communication. - 2007. - Vol. 57 (1). - P. 9-20.

¹⁵¹ Гоффман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гоффман. - М.: Институт социологии РАН, 2003. - 750 с.

рассматривать как конструкцию макроуровня, которую СМИ используют при представлении информации о проблеме или событии. В этом случае проблема формулируется таким образом, чтобы соответствовать базовым схемам, которые уже существуют в сознании аудитории. Однако такого рода обрамление является необходимым инструментом, который помогает сделать сложную тему доступной для ее аудитории¹⁵².

Понятие фрейминга является дискуссионным и не имеет устоявшегося, точного определения. Под «фреймом» в западной коммуникативистике понимается «стержневая идея коммуникационного текста, раскрывающая суть и содержание основного сюжета информационного сообщения»¹⁵³. Фреймы можно определить как организующие идеи или темы, способы исторически связать воедино истории, выстраивая повествование с течением времени и в рамках политического пространства. Таким образом, под фреймингом можно понимать процесс и результат отбора таких идей, служащих цели интерпретации действительности для формирования определенного общественного мнения. Теория фрейминга объясняет, что СМИ создают фреймы, представляя новостные материалы с предопределенной и узкой контекстуализацией.

Американский политолог Ш. Айенгар¹⁵⁴ отмечает, что различные способы подачи материала в новостях по-разному влияют на зрителя. Он обнаружил, что освещение общественных проблем в новостях в основном носит эпизодический характер. Эпизодические фреймы — это фреймы, с помощью которых акцент делается на одном аспекте чего-то большего, например, на отдельном событии. Чаще всего он подается в виде новостного репортажа. Тематический фрейм, с другой стороны, избирает более широкий

¹⁵² Scheufele, D. A. Framing as a Theory of Media Effects // Journal of Communication. - 1999. - Vol. 49 (1). - P. 103-119.

¹⁵³ Казаков А.А. Атрибутивные повестки дня и фреймы «Российской газеты» и «Новой газеты» в контексте методов воздействия на аудиторию (на примере освещения конфликта на юго-востоке Украины) / А.А. Казаков. // Медиаскоп. — 2015. — № 2. — URL: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/596> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁵⁴ Iyengar, S. Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues / S. Iyengar. - Chicago: University of Chicago Press, 1991. - 206 p.

ракурс охвата проблемы, определяя контексты и тенденции на протяжении определенного отрезка времени. По мнению автора, важно проводить различие между этими типами фреймов, поскольку они по-разному влияют на взгляды аудитории. Эпизодические фреймы, например, сосредоточивают внимание на человеке и его действии, а тематические – на проблеме. Эпизодический фрейм сводит проблему к несвязанным эпизодам, а тематический выявляет причины, приведшие к ее возникновению, на системном уровне. Автор предполагает, что, если социальные проблемы формулируются эпизодически, без учета достаточного контекста, то это побуждает зрителей возлагать вину за проблемы общества на отдельных людей, а не на социальные и политические институты. Новости и информация не имеют внутренней ценности, если не встроены в значимый контекст, который организует и придает им связность.

Отметим, что теория формирования повестки дня и фрейминг - две важнейшие концепции в медиаисследованиях, которые существенно влияют на то, как общественность воспринимает и понимает проблемы, включая этнополитические конфликты. Эти концепции используются средствами массовой информации, чтобы влиять на восприятие общественности, выделяя определенные события, факты или нарративы по сравнению с другими.

Примерами установления повестки дня в репрезентации этнополитических конфликтов могут служить следующие примеры. СМИ Запада и стран Ближнего Востока по-разному подходили к освещению конфликта в Сирии. Западные СМИ часто акцентировали внимание на гуманитарном кризисе, использовании химического оружия и роли западных стран в поиске решения конфликта. В то же время, российские и сирийские государственные СМИ фокусировались на борьбе с терроризмом и внешнем вмешательстве в суверенитет страны¹⁵⁵. Конфликт на востоке Украины в российских СМИ часто освещался через призму защиты русскоязычного

¹⁵⁵ Al Ghazzi, O. «Citizen Journalism» in the Syrian Uprising: Problematizing Western Narratives in a Local Context / O. Al Ghazzi // Communication Theory. - 2014. - Vol. 24, No. 4. - P. 435-454.

населения и критики украинского правительства, в то время как западные и украинские СМИ акцентировали внимание на вмешательстве России и поддержке сепаратистских движений.

Не менее ярко используется и фрейминг. Западные СМИ и организации по правам человека часто используют фрейм геноцида и этнических чисток для описания преследования мусульман-рохинджа в Мьянме. В то же время, мьянманские государственные СМИ и некоторые региональные источники могут представлять ситуацию как необходимость борьбы с терроризмом и поддержания национальной безопасности¹⁵⁶. Фрейминг израильско-палестинского конфликта значительно различается в зависимости от источника. Израильские СМИ могут фреймить конфликт как защиту своего населения от терроризма, в то время как палестинские СМИ акцентируют внимание на нарушении прав человека и страданиях палестинского населения¹⁵⁷.

Еще одно средство, используемое СМИ для формирования определенного дискурса, описывается теорией гейткипинга (англ. gatekeeping). Под гейткипингом понимается процесс отбора и фильтрации информации, в том числе новостной, предназначенной для дальнейшего распространения. Теория была разработана и представлена применительно к массовым коммуникациям в трудах Д. М. Уайта¹⁵⁸. Гейткиперы — это лица, принимающие решения на высоком уровне, которые контролируют поток информации ко всей социальной системе. Основываясь на личных предпочтениях, профессиональном опыте, социальных влияниях или предвзятости, они пропускают определенную информацию через свою аудиторию. К гейткиперам можно отнести и самих журналистов, и редакторов, и владельцев СМИ, и государство.

¹⁵⁶ Ibrahim, A. *The Rohingyas: Inside Myanmar's Genocide* / A. Ibrahim. - Oxford : Oxford University Press, 2018. - 239 p.

¹⁵⁷ Kampf, Z. *News-Media and Terrorism: Changing Relationship, Changing Definitions* / Z. Kampf // *Sociology Compass*. - 2014. - Vol. 8, No. 1. - P. 1-9.

¹⁵⁸ White, D. M. *The "Gate Keeper": A Case Study in the Selection of News* / D. M. White // *Journalism Quarterly*. - 1950. - Vol. 27, No. 4. - P. 383-390.

Согласно нескольким исследованиям, гейткипинг оказывает значительное влияние на информацию, доступную общественности. Исследование Г. Стемпеля¹⁵⁹, в котором сравнивалось новостное содержание различных газет США, показало, что некоторые издания, в частности New York Times, влияли на освещение новостей другими СМИ, выступая в качестве лидеров общественного мнения. Утренний выпуск газеты оказывал сильное влияние на последующие новостные выпуски американской сети.

Анализ теории гейткипинга был также представлен в трудах американских исследователей Памелы Шумейкер и Тима Воса¹⁶⁰. Они в свою очередь предложили теорию «гейткипинга аудитории». С развитием интернета и появление социальных сетей люди также являются собственными гейткиперами в момент потребления информации, создавая вторичный фильтр для новостей.

Традиционная роль гейткиперов была полностью изменена благодаря новым технологиям и Интернету. Главной причиной стала актуальность быстрой передачи информации. В настоящее время новости, представленные в Интернете, часто не проверяются и не соответствуют действительности. Однако они доводятся до широкой аудитории за короткий промежуток времени. Интернет ускорил процесс взаимодействия между людьми. В результате роль гейткиперов может уменьшиться, поскольку люди получают быстрый доступ к информации.

В мире цифровых технологий гейткипинг тесно связан с деятельностью онлайн-платформ, которые занимаются сбором новостей, а также с поисковыми системами. Важную роль в этом процессе играют веб-ресурсы-агрегаторы и алгоритмы, которые фильтруют и структурируют информацию для пользователей. Например, известные сайты, вроде Google News, используют разнообразные алгоритмы для определения приоритетов и

¹⁵⁹ Stempel, G. H. Gatekeeping: The mix of topics and the selection of stories // Journalism Quarterly. - 1985. - Vol. 62. - P. 791-796.

¹⁶⁰ Shoemaker, P. J., Vos, T. P. Gatekeeping Theory / P. J. Shoemaker, T. P. Vos. - New York: Routledge, 2009. - 184 p.

классификации новостных материалов на основе критериев актуальности, свежести и популярности. Все эти факторы определяют интересы аудитории и влияют на выбор читателя при поиске новостей в интернете.

Онлайн-гейткипинг отличается от гейткипинга в традиционных СМИ. Исследование о соотношении гейткипинга информации в онлайн-газетах и в обычных СМИ, показало, что онлайн-контент, как правило, сосредоточен на местных новостях¹⁶¹. Исследование процесса гейткипинга становится все более важным по мере того, как исследователи отходят от традиционных медиа и изучают контент и процессы производства новостей в Интернете. Внимание к созданию и производителям медиаконтента было ценным на протяжении полувека, и гейткипинг, вероятно, сохранится в качестве важной теоретической основы в исследованиях массовых коммуникаций.

Еще одна социологическая концепция, распространенная в современных исследованиях медиадискурса – это теория прайминга в СМИ (или медиапрайминга). Она была разработана американскими учеными Айенгаром, Питерсом и Киндером в 1982 году¹⁶² на основе исследований, посвященных политической кампании Джимми Картера.

Согласно данной теории, человеческий разум принимает решения, основанные на предвзятых мнениях, которые уже сохранились в его сознании. Идеи или концепты существуют в человеческой памяти в виде узлов, которые взаимосвязаны. При воздействии медиа некоторые узлы активизируются. Мозг начинает интерпретировать новые события в контексте ранее полученной информации. То есть обработка новой информации о предмете, явлении, событии или человеке происходит на основе уже имеющихся данных, а не с нуля. Манойло А. В. отмечает, что «в эфире устанавливается монополия на политическое освещение событий в зоне вооружённого столкновения: события комментируются в соответствии с заранее

¹⁶¹ Singer, J. B. The political j-blogger: «Normalizing» a new media form to fit old norms and practices // Journalism. - 2005. - Vol. 6. - P. 173-198.

¹⁶² Iyengar, S., Peters, M. D., Kinder, D. R. Experimental Demonstrations of the "Not-So-Minimal" Consequences of Television News Programs // The American Political Science Review. - 1982. - Vol. 76 (4). - P. 848-858.

подготовленными шаблонами и стереотипами, в рамках сконструированных политических мифов»¹⁶³.

Теория прайминга исходит из постулата, что СМИ обладают властью контролировать то, как аудитория интерпретирует новую информацию. Люди воспринимают новую информацию через фильтр, частично сформированный из предшествующей информации. Новую информацию нельзя рассматривать вне контекста предыдущей информации. Таким образом, СМИ могут манипулировать общественным сознанием, стимулируя у аудитории определенные концепты.

При освещении этнополитических конфликтов в средствах массовой информации могут использоваться различные *лингвистические стратегии* для формирования повествования, влияния на общественное мнение и потенциального смягчения или обострения напряженности.

Обратимся к классификации выразительных средств и стилистических средств отечественного лингвиста И. Г. Гальперина¹⁶⁴, которая, как нам представляется, может быть применима к описанию выбранного нами объекта.

«1. Фонетические выразительные средства и стилистические приемы: оноματοпея, аллитерация, ритм, рифма

1. Лексические выразительные средства и стилистические приемы

1.1. Стилистическое использование различных типов лексических значений.

1.1.1. Стилистические приемы, основанные на взаимодействии словарных и контекстуальных предметно-логических значений: метафоры, метонимия и ирония.

¹⁶³ Манойло А.В. Информационно-психологическая война в вооружённом конфликте в Южной Осетии / А.В. Манойло // Власть. – 2009. – № 9. – С. 82.

¹⁶⁴ Гальперин, И. Р. Опыт систематизации выразительных средств / И. Р. Гальперин. - М.: Либроком, 2016. - 375 с.

1.1.2. Стилистические приемы, основанные на взаимодействии предметно-логических и назывных значений: антономазия и ее разновидности.

1.1.3. Стилистические приемы, основанные на взаимодействии предметно-логических и эмоциональных значений: эпитет, оксюморон, использование междометия, гиперболо.

1.1.4. Стилистические приемы, основанные на взаимодействии основных и производных (включая несвободные) предметно-логических значений: игра слов, каламбур, зевгма.

1.2. Стилистические приемы описания явлений и предметов: перифразы, эвфемизмы, сравнения.

1.3. Стилистическое использование фразеологии: поговорки и пословицы, сентенции, аллюзии и пр.

2. Синтаксические стилистические средства: инверсия, обособление и пр.»

Гаврилов А. А. выделяет 5 основных групп лингвистических средств воздействия СМИ¹⁶⁵:

1. «Использование терминологической лексики. Это повышает авторитетность текста и позволяет передать коннотативное значение.

2. Метафорическое использование терминологии.

3. Эвфемизмы и дисфемизмы, которые позволяют избежать употребления грубых, нетактичных слов и выражений в текстах СМИ или намеренно включить их в сообщение.

4. Метафоризация.

5. Использование простых предложений. Они редуцируют смысл высказывания и примитивизируют его.»

Лексический выбор играет значительную роль в формировании восприятия этнополитических конфликтов. Например, терминология,

¹⁶⁵ Гаврилов, А. А. Лингвистические средства воздействия СМИ на общественное сознание / А. А. Гаврилов // ОНВ. - 2013. - № 1 (115). - С. 99-103.

используемая для описания сепаратистов, может широко варьироваться, от «повстанцев», стремящихся к автономии, до «террористов», угрожающих национальной безопасности, в зависимости от языкового выбора СМИ.

На наш взгляд, можно выделить следующие основные приемы реализации лексико-стилистической стратегии при освещении этнополитических конфликтов:

1. Поляризация языка.
2. Этнофолизация.
3. Эвфемизация и дисфемизация.
4. Метафоризация.
5. Использование этнически окрашенного «языка вражды».

Данные приемы нельзя выделить строго, скорее, они дополняют друг друга, а иногда одно и то же явление можно анализировать в рамках нескольких приемов. Рассмотрим их более подробно.

Медийное освещение этнополитических конфликтов часто полагается на *поляризующий язык*, который усиливает бинарные оппозиции между различными группами. Это может проявляться в терминах типа «мы против них», «добро против зла» или «цивилизованные против варварских». Формируя конфликт в ярко дихотомичных терминах, СМИ могут усилить напряжения и создать чувство морального превосходства или праведности среди определенных групп.

Поляризующий язык функционирует как инструмент для определения границ, укрепления внутригрупповой солидарности и очернения внешних групп в рамках этнополитических конфликтов. Используя лексический выбор, отражающий динамику «мы» против «них», средства массовой информации могут провоцировать или увековечивать межгрупповую враждебность. Лингвистические особенности, такие как демонизация, дегуманизация и бинарные оппозиции, служат для создания резких дихотомий, которые усиливают конфликтную риторику и препятствуют усилиям по примирению.

Сенсационный язык и эмоциональные апеллирования часто используются в медийном освещении для привлечения внимания аудитории и вызова сильных реакций. Сюда можно отнести использование эмоционального языка, живописных изображений и сенсационных заголовков, которые играют на страх, гнев или возмущение. Кроме того, важную роль здесь играет использование *этнофолизмов*. По определению О.С. Коробковой, «этнофолизм (этническое прозвище, этническое оскорбление) — это экзоэтноним с отрицательной коннотацией, относящийся к пейоративной лексике просторечия, где под пейоративной лексикой понимаются слова и словосочетания, показывающие негативную оценку чего-либо или кого-либо, неодобрение, порицание, иронию или презрение»¹⁶⁶. Этнофолизмы, как правило, используются в нелитературном языке («кацапы», «янки», «цветные»). Некоторые этнофолизмы являются общеупотребительными, в то время как другие могут быть мотивированы определенными событиями и обладать этнокультурными коннотациями.

В качестве инструментов, используемых журналистами для формирования общественного дискурса, часто выступают два лингвистических феномена: *эвфемизмы и дисфемизмы*. Эвфемизмы — это мягкие или косвенные выражения, заменяющие резкие или неприятные, для смягчения воздействия¹⁶⁷. В контексте этнополитических конфликтов эвфемизмы часто используются, чтобы преуменьшить серьезность событий или избежать возложения вины. Цель эвфемизации — «избежать наименования того, что может вызвать отрицательные эмоции у говорящего или собеседника, а также с целью завуалировать, замаскировать суть явления»¹⁶⁸. Например, такие термины, как «этническая чистка», могут быть эвфемизированы как «перемещение населения» или «усилия по переселению».

¹⁶⁶ Коробкова, О. С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект / О. С. Коробкова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. - 2009. - С. 200-205.

¹⁶⁷ Allan, K., Burridge, K. Euphemism & Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon / K. Allan, K. Burridge. - Oxford: Oxford University Press, 1991. - 263 p.

¹⁶⁸ Цараева, М. Р., Реунова, О. И. Эвфемизмы как лингвистическое явление (на материале современного английского языка) / М. Р. Цараева, О. И. Реунова // Некоторые проблемы германской филологии : межвуз. сб. науч. тр. / Пятигорск : ПГЛУ, 2000. - С. 31-39.

Еще Д. Оруэлл указывал на такую характеристику политического дискурса, как расплывчатость фигур речи¹⁶⁹. Эвфемизм, характеризующийся заменой прямых выражений имплицативными, неясными и расплывчатыми, часто служит политическим целям.

Дисфемизм представляет собой специальный лингвистический прием, заключающийся в замене нейтрального или умеренного выражения более грубым и эмоционально окрашенным, с целью вызвать негативные реакции у аудитории и даже дискредитировать коммуникативного партнера¹⁷⁰. Дисфемизмы предполагают использование резких или уничижительных лексем для изображения человека, группы или ситуации в негативном свете. В репортажах об этнополитических конфликтах дисфемизмы часто используются для очернения противоборствующих группировок или для того, чтобы вызвать сильную эмоциональную реакцию аудитории. Например, обозначение группы как «террористической» может существенно повлиять на общественное восприятие.

Метафоры также играют значительную роль в конструировании смысла и репрезентации в дискурсе, особенно в области этнических конфликтов. Метафоризация предполагает использование метафорического языка для концептуализации абстрактных или сложных идей в более осязаемых терминах, обеспечивая призму, через которую аудитория интерпретирует и понимает повествования о конфликтах.

Теория концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона¹⁷¹ утверждает, что метафора — это не просто лингвистический прием, используемый в поэтических или риторических целях, а скорее фундаментальная часть человеческого познания. Согласно этой теории, наше понимание абстрактных концепций и идей часто формируется метафорическими отображениями из

¹⁶⁹ Оруэлл, Дж. Лев и Единорог / Дж. Оруэлл // Эссе, статьи, рецензии. - М. : Московская школа политических исследований, 2003. - С. 341-356.

¹⁷⁰ Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. - Ростов н/Д: Феникс, 2010. - 562 с.

¹⁷¹ Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. - Chicago: University of Chicago Press, 1980. - 242 p.

более конкретного физического опыта. В контексте этнических конфликтов метафоры могут противопоставлять определенные группы «мы» и «они», представляя их в ролях героев или злодеев на основе метафорических ассоциаций.

Метафорические конструкции насилия и виктимности часто пронизывают освещение этнических конфликтов в средствах массовой информации. Такие термины, как «этническая чистка» или «геноцид», вызывают сильную эмоциональную реакцию и передают чувство неотложности и морального императива, представляя одну группу как агрессоров, а другую - как жертв.

Ван Дейк также отмечает, что использование негативных метафор в новостных сообщениях может формировать общественное восприятие и влиять на политические решения¹⁷². Изображая иммигрантов и группы меньшинств как угрозу или проблему, средства массовой информации могут усиливать дискриминацию и отчуждение. Ван Дейк рекомендует журналистам и медиа-организациям быть более внимательными к формулировкам, которые они используют в своих репортажах, чтобы избежать усиления вредных стереотипов и предубеждений.

Говоря о речевых стратегиях формирования этнополитического медиадискурса, нельзя не затронуть использование так называемого «языка вражды». Вообще, язык вражды определяется как любая форма общения, которая распространяет или подстрекает к ненависти, дискриминации или насилию в отношении отдельных лиц или групп на основе определенных характеристик, таких как раса, этническая принадлежность, религия, сексуальная ориентация, гендерная идентичность, инвалидность или другие подобные факторы. Разжигание ненависти часто используется для дегуманизации и маргинализации определенных групп и может иметь серьезные негативные последствия для отдельных лиц и общества в целом.

¹⁷² Dijk, T. A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T. A. van Dijk. - London ; Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 1998. - P. 204-210.

Обычно это считается вредным и неприемлемым во многих обществах и иногда может повлечь за собой юридические последствия. Отечественные исследователи, такие как Кожевникова Г.В. и Верховский А. М., изучают этнически окрашенный язык вражды на протяжении более 20 лет¹⁷³.

Сычѳв А. А., Коваль Е. А. и Жадунова Н. В.¹⁷⁴ выделяют три уровня языка вражды. На первом, текстуальном, уровне объект характеризуется при помощи слов, жестов, изображений, которые имеют однозначные и устойчиво негативные смыслы. Существует *контекстуальный язык вражды*. В этом случае отдельные элементы текста приобретают уничижительное или оскорбительное значение лишь в общем контексте высказывания («дешевая рабочая сила», «гастарбайтер»), или с помощью иронии и сарказма. Распространение получило еще одно проявление языка вражды – отрицание гражданства, то есть упоминание российских граждан как иностранцев в зависимости от их этнической идентификации. Например, «москвич и два кавказца»; человек, который сдавал квартиру «азербайджанцам, дагестанцам и прочим иностранцам». Наиболее сложно выявить *метаконтекстуальный язык* вражды. Его можно обнаружить лишь на основании комплексного анализа всей информации, в которой упоминаются представители тех или иных этнических групп. Даже если в отдельных текстах не прослеживаются контекстуальный или метаконтекстуальный языки вражды, это не гарантирует того, что этнически окрашенные негативные стереотипы не воспроизводятся. Например, указание в сообщениях на то, что преступление совершено представителем этнической группы, национальной республики или вероисповедания, поддерживает негативный стереотип об опасности, исходящей от соответствующей этнической или религиозной группы. Если же аналогичное преступление совершено местным жителям, то акцент на его этнической или религиозной идентичности не делается.

¹⁷³ Язык вражды против общества / сост. А. Верховский. - М.: Центр «Сова», 2007. - 259 с.

¹⁷⁴ Сычев, А. А., Жадунова, Н. В., Коваль, Е. А. Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере республики Мордовия) / А. А. Сычев, Н. В. Жадунова, Е. А. Коваль // Регионоведение. - 2018. - № 4 (105). - С. 798-815.

К лингвистическим стратегиям тесно примыкают *семиотические стратегии* построения медиатекста. В широком смысле семиотика включает в себя изучение всех видов коммуникации. В современном мире поле семиотики является ключевым для понимания языка и культуры. Соссюр определял семиотику как «науку, изучающую жизнь знаков внутри общества». Р. Барт, К. Метц и У. Эко - три выдающихся ученых, чьи работы в области семиотики имеют огромное значение и влияние на современные исследования.

Р. Барт считается одним из основоположников современной семиотики¹⁷⁵. Его концепция смыслов в тексте, а также понятие «смерти автора» стали ключевыми в теории литературы и культурной семиотике. Барт развивал идею, что текст не является статичным, а каждый читатель вносит свой собственный смысл и интерпретацию, давая ему новое значение. К. Метц известен своими исследованиями киносемиотики¹⁷⁶. Он ввел понятие «полисемии кинематографического знака» и изучал способы, которыми кино использует языковые и знаковые системы для создания смысла. Метц также обратил внимание на роль зрителя в процессе интерпретации фильма и влияние семиотических приемов на восприятие кинематографического произведения. У. Эко - итальянский философ, литературовед и семиотик, также внес огромный вклад в развитие семиотики¹⁷⁷. Его работы о символике и массовой культуре носят классический характер и представляют глубокий анализ языка и символов в современном обществе.

Исследования данных ученых применимы при анализе новостных текстов. Анализ новостных текстов с точки зрения использования знаков, символов и метафор способствует выявлению скрытых посланий и контекста новостных материалах. Работы У. Эко о символике и культурной семиотике могут помочь расширить понимание того, как используются языковые

¹⁷⁵ Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. - М. : Изд-во МГУ, 1987. - С. 387-422.

¹⁷⁶ Метц, К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино / К. Метц; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. - 2-е изд. - СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2013. - 334 с.

¹⁷⁷ Эко, У. Vertigo. Круговорот образов, понятий, предметов / У. Эко. - М.: Слово, 2009. - 408 с.

средства и символы в медиатекстах для формирования определенных концепций или манипуляций вниманием аудитории.

Семиотический уровень анализа в нашем исследовании – это прежде всего поиск знаков для определения скрытых посланий в медиатекстах, посвященных этнополитическим конфликтам.

Семиотический анализ рассматривает медиатекст на нескольких уровнях. На семантическом уровне анализируются значения отдельных знаков и их комбинаций. Синтаксический уровень предполагает изучение структуры и взаимосвязей знаков в тексте. Прагматический уровень фокусируется на исследовании воздействия текста на аудиторию и его коммуникативного эффекта¹⁷⁸. Такой многоуровневый подход позволяет глубже понять, как медиатексты формируют смыслы и влияют на восприятие.

Семиотический анализ подчеркивает важность интерпретирующего восприятия публики, оказывая разные эффекты на аудиторию через различные семиотические коды и средства. Значимость в медиа может быть усилена через использование цвета, формы и компоновки для передачи эмоций и настроения. Формат понимается как внешняя форма представления контента, в то время как жанр — это устоявшееся единство признаков содержания¹⁷⁹. Жанр определяет, какой смысл необходимо донести до аудитории, тогда как формат служит для наиболее эффективной передачи этого смысла.

В настоящее время общество характеризуется сложностью и напряжённостью культурных отношений, что значительно влияет на формирование социокультурной реальности. Это особенно заметно в свете возрастания роли знаковых структур и символических процессов. Современные коммуникационные технологии, такие как мобильная связь и Интернет, становятся инструментами для создания и передачи множества новых знаковых систем. Н.А. Лукьянова выделяет две ключевые стратегии

¹⁷⁸ Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс. - М.: Логос, 2000. - 412 с.

¹⁷⁹ Makhortykh, M., Sydorova, M. Social Media and Visual Framing of the Conflict in Eastern Ukraine / M. Makhortykh, M. Sydorova // Media, War & Conflict. - 2017. - Vol. 10, No. 3. - P. 359-381.

семиотического конструирования социокультурной реальности — «дискурсивный символизм» и «презентативный символизм»¹⁸⁰. Эти стратегии базируются на подходах к познанию мира через его символическое конструирование.

Дискурсивный символизм предполагает использование языка как основного инструмента конструирования. Применение дискурсивных стратегий позволяет вербализовать и упорядочивать идеи, что выражается в построении логических последовательностей и структурировании знаний. Презентативный символизм, в свою очередь, акцентирует внимание на незавершённых и иррациональных формах символов, которые проявляются в мифах, эмоциях и сновидениях. Эта стратегия не нуждается в дискурсивном анализе и часто используется в политике и социальных коммуникациях для создания мифологической картины мира.

Концептуальная база для анализа и применения этих стратегий строится на трудах Ч.С. Пирса¹⁸¹, А.Н. Уайтхеда¹⁸² и С. Лангер¹⁸³. Например, Ч. С. Пирс делает акцент на процессах семиозиса и понятии интерпретанты, которая есть результат взаимодействия знака и делает возможным возникновение новых значений в коммуникации. А. Н. Уайтхед и С. Лангер углубляют понимание символизма как процесса, необходимого для освоения и понимания мира, а также его роли в конструировании реальности.

В условиях глобализации и развития информационных технологий, семиотический подход к анализу текстов и коммуникативных стратегий становится особенно актуальным. Он позволяет не только понимать текущие изменения в социокультурной структуре общества, но и активно участвовать в их формировании. Используя семиотические инструменты, человек может самостоятельно выбирать и создавать свою социокультурную реальность,

¹⁸⁰ Лукьянова, Н. А. Коммуникативно-семиотические стратегии конструирования социальной реальности / Н. А. Лукьянова // Известия ТПУ. - 2009. - № 6. - С. 138-143.

¹⁸¹ Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс. - М.: Логос, 2000. - 412 с.

¹⁸² Уайтхед, А. Н. Символизм, его смысл и воздействие / А. Н. Уайтхед. - Томск: Водолей, 1999. - 64 с.

¹⁸³ Лангер, С. Философия в новом ключе: исследование символики разума, ритуала и искусства / С. Лангер; пер. с англ. - М.: Республика, 2000. - 287 с.

выступая в роли *Homo significans* (человек означающий) — субъекта, ответственного за создание и интерпретацию знаковых систем.

Расширение семиотического анализа до «глубокой семиотики» позволяет учитывать динамику развития знаковых систем, их институционализацию и роль личностного сознания в процессе смыслопорождения¹⁸⁴. Такой подход открывает новые перспективы для анализа медиатекстов, позволяя перейти от синхронического анализа к изучению диахронических процессов, что особенно важно для понимания эволюции медиа и их влияния на общество.

Таким образом, семиотический анализ медиатекста не только раскрывает структуру знаковых систем, но и позволяет понять, как эти системы формируют и трансформируют социальный опыт, влияя на индивидуальное и коллективное сознание. Он помогает разграничить разные типы медиатекстов, такие как журналистский, PR и рекламный, на основе их семиотических характеристик. В условиях развития цифровых технологий и увеличения объема медиаконтента семиотический анализ становится все более актуальным для исследователей массовой коммуникации, позволяя глубже понять роль медиатекстов в формировании общественного мнения и культурных ценностей.

Наконец, *элементы обрамления сообщений СМИ, в том числе нетекстовые структуры*, представляются нам важными способами формирования определенного дискурса в медиатекстах. В первую очередь, мы имеем в виду фотографии, сопровождающие новостные тексты.

Изменения в социально-гуманитарном знании XX века позволили говорить о так называемом «визуальном повороте» в гуманитарных науках, в том числе политологии. О роли визуальности говорили М. Фуко¹⁸⁵ и Ф.

¹⁸⁴ Лотман, Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. - СПб. : Искусство-СПб, 2010. - 704 с.

¹⁸⁵ Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. - М., 1996. - С. 47-96.

Джеймисон¹⁸⁶, подчеркивая связь этой особенности западноевропейского мышления с властью. М. Хайдеггер¹⁸⁷ и В. Розанов¹⁸⁸ критиковали всепоглощающее господство визуального, но отмечали, что образ чаще становится объектом исследований, нежели текст.

Фотографии, сопровождающие медиатексты, способны формировать общественное мнение и влиять на политические решения. Новостные изображения задают визуальную повестку дня, вследствие чего особый интерес представляет собой взаимосвязь между текстами, сопровождающими фотографии политических конфликтов, и подразумеваемыми значениями, которые эти фотографии передают аудитории. В работе «Фотографии политических конфликтов и тексты с ключевыми словами»¹⁸⁹ Р. Уилкс утверждает, что заголовки, фотографии и подписи к ним, могут существенно изменить восприятие повествования о политических конфликтах. Уилкс предполагает, что эволюция текста может привести либо к визуально кристаллизованному единообразному прочтению образов, либо к визуально плюралистической разнообразной интерпретации. Р. Энтман подчеркивает, что образы и текст отражают и подкрепляют версии событий, выгодные доминирующим интересам. Это имеет более широкие последствия для построения национальных нарративов и роли средств массовой информации в потенциальном закреплении предубеждений против маргинализированных групп.

Изображения страданий и разрушений могут вызывать сочувствие и возмущение, побуждая международное сообщество к действиям. С другой стороны, фотографии также могут использоваться для манипулирования восприятием и искажения реальности, в зависимости от целей фотографа или средства массовой информации.

¹⁸⁶ Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон; пер. с англ. Д. Ю. Кралечкина. - М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. - 808 с.

¹⁸⁷ Хайдеггер, М. Что зовется мышлением? / М. Хайдеггер; пер. Э. Сагетдинова. - М.: Академический проект, 2007. - 352 с.

¹⁸⁸ Розанов, В. В. Среди художников / В. В. Розанов. - СПб., 1914. - 499 с.

¹⁸⁹ Entman, R. M., Matthes, J., Pellicano, L. Nature, sources, and effects of news framing // In The handbook of journalism studies / Ed. by Wahl-Jorgensen K., Hanitzsch T. - 2009. - P. 175-190.

Запечатлевая реальные моменты по мере их развития, фотография придает новостным репортажам аутентичный и заслуживающий доверия аспект. Изображения служат визуальными свидетельствами, помогая подтверждать информацию, представленную в статьях¹⁹⁰.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, модель анализа дискурсивных стратегий в освещении этнополитических конфликтов в СМИ, на наш взгляд, должна содержать анализ следующих групп дискурсивных стратегий (см. Приложение 4):

1. Исторический фон. Факторы вражды.
2. Стратегии, связанные с отбором информации, выбором событий и их отдельных аспектов для освещения.
3. Лингвистические стратегии.
4. Семиотические стратегии.
5. Стратегии, включающие в себя нетекстовые структуры и обрамляющие конструкции.

Медиадискурс формирует нашу картину мира при помощи данных дискурсивных стратегий. Они влияют на восприятие и мышление людей, манипулируя вниманием и восприятием аудитории для достижения определенных целей. Дискурсивные стратегии позволяют осознать намерения и эффекты коммуникации и активно участвовать в формировании сознания и мировоззрения окружающих.

Вывод по главе 1.

Анализ теоретико-методологических основ исследования медиадискурса и дискурсивных стратегий позволяет констатировать, что современные исследования дискурса демонстрируют его многомерность: он функционирует одновременно как языковая практика (лингвистический и

¹⁹⁰ Будко, Д. А. Нарративные стратегии визуализации в пабликах глав регионов (на примере социальной сети ВКонтакте) / Д. А. Будко, Е. А. Калашникова // Социальные и гуманитарные знания. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 130-143.

семиотический подходы), как социальное взаимодействие (социо-коммуникативный подход) и как поле идеологической борьбы (критический дискурс-анализ). При этом постмодернистская традиция (Ж. Деррида, Э. Лакло, Ш. Муфф) акцентирует принципиальную нестабильность дискурсивных смыслов, их зависимость от контекста и властных отношений. Это создает методологическую основу для анализа медиадискурса, который, будучи подвидом дискурса, обладает специфическими чертами — массовой адресованностью, интенциональностью воздействия и зависимостью от технологических платформ.

Особое значение имеет тезис о медиадискурсе как гибридном явлении, сочетающем черты институционального (нормативность, профессиональные стандарты) и повседневного (интерактивность, пользовательский контент) дискурсов. В условиях цифровизации его границы размываются: онлайн-СМИ и социальные сети трансформируют традиционные модели коммуникации, усиливая роль аудитории как соавтора смыслов.

Особенно важным в контексте постмодернистского понимания медиадискурса представляется исследование влияния дискурсивных стратегий на конструирование и понимание социальных конфликтов, в том числе и этнополитических. Теоретическая эволюция изучения конфликтов демонстрирует переход от структурных объяснений к пониманию их как социально конструируемых явлений. В постсоветском контексте это особенно значимо, поскольку распад СССР создал условия для переосмысления этнических идентичностей и политических границ.

Этнополитические конфликты в регионе развиваются в условиях глобальной трансформации международных отношений, где традиционные подходы к государственному суверенитету сталкиваются с новыми вызовами. Российская позиция в этих процессах направлена на поддержание стабильности и предотвращение внешнего вмешательства во внутренние дела государств. Особую роль играет информационное пространство, где зачастую

происходит искажение фактов и создание упрощенных образов сложных ситуаций.

Классификация конфликтов позволяет выделить три основные группы. К первой относятся ситуации с активным участием России, где ее действия направлены на защиту граждан и обеспечение безопасности, как в случае с воссоединением Крыма и поддержкой Донбасса. Вторая группа включает конфликты с ограниченным участием России, такие как ситуации в Абхазии и Южной Осетии, где российская политика ориентирована на содействие мирному диалогу. Третья категория охватывает конфликты, где Россия сохраняет нейтралитет, выступая в роли медиатора, как в случае с Нагорным Карабахом.

Разработанная модель анализа дискурсивных стратегий при освещении этнополитических конфликтов в онлайн-СМИ представляет собой многоуровневый подход, интегрирующий методологические наработки критического дискурс-анализа, семиотики и медиалингвистики. В отличие от классических схем (например, трехчастной модели Фэйрклафа), предлагаемая модель расширена с учетом специфики цифровых медиа и особенностей репрезентации этнополитических противостояний.

Данная пятиуровневая схема (исторический контекст → отбор информации → лингвистические приемы → семиотика → визуальные элементы) позволяет выявлять не только явные, но и скрытые механизмы манипуляции общественным сознанием. Особую роль играет адаптация классических теорий (фрейминг, гейткипинг) к цифровой среде с ее алгоритмической селекцией контента.

Таким образом, первая глава закладывает методологический фундамент для последующего анализа конкретных примеров репрезентации этнополитических конфликтов в российских онлайн-СМИ, что будет способствовать более глубокому пониманию роли медиа в современных информационных войнах и механизмов формирования общественного мнения.

2. Стратегии и эффекты российского медиадискурса при освещении этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве

2.1 Общие особенности освещения этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в 2014-2024 гг.

В рамках работы над данной проблемой было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало выявление общих особенностей освещения этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в 2014-2024 гг. Исходя из классификации данных конфликтов, представленной в параграфе 1.2, особый исследовательский интерес представляют грузино-южноосетинский конфликт, грузино-абхазский конфликт и молдавско-приднестровский конфликт, которые и были отобраны для исследования. Данный выбор обусловлен не только их уникальными историческими траекториями и территориальными аспектами, но и рядом ключевых общих характеристик, позволяющих рассматривать их как репрезентативную группу в контексте российской медиарепрезентации.

Во-первых, все три конфликта характеризуются тем, что речь идет о «государствах де-факто»¹⁹¹. Это означает, что Южная Осетия, Абхазия и Приднестровье объявили о своей независимости от Грузии и Молдовы соответственно, хотя их независимость не признана международным сообществом. Как отмечает С.М. Маркедонов, длительное существование этих образований со своими институтами власти, сформированными в начале 1990-х годов, создает устойчивый нарратив о фактической, хотя и непризнанной, государственности. Российские СМИ, освещая эти конфликты, неизбежно сталкиваются с необходимостью номинации этих субъектов, что само по себе является значимым дискурсивным актом, отражающим позиционирование. Во-вторых, эти де-факто государства существуют при поддержке и помощи Российской Федерации. Россия сыграла значительную роль в обеспечении безопасности и экономической стабильности в Южной

¹⁹¹ Маркедонов, С. М. Постсоветские де-факто государства: траектории борьбы за суверенитет / С. М. Маркедонов // Мировая экономика и международные отношения. - 2021. - Т. 65, № 12. - С. 79-89.

Осетии, Абхазии и Приднестровье, что позволило этим регионам функционировать как самостоятельные государственные образования. В-третьих, несмотря на активное участие России в разрешении конфликтов и поддержке де-факто государств, Россия официально не претендует на территории Южной Осетии, Абхазии и Приднестровья. Она не рассматривает себя в качестве непосредственной стороны конфликта, предпочитая выступать как посредник и гарант мира. Эти уникальные характеристики позволяют сделать данную группу конфликтов объектом нашего исследования, так как в работе рассматривается медийный дискурс именно в российских СМИ, и такая равноудаленность от сторон конфликта позволит выявить медиадискурсивные стратегии при освещении конфликтов, где Россия не является ни одной из сторон.

Подобный выбор конфликтных кейсов также соответствует сложившейся исследовательской традиции. Анализ существующих работ позволяет выделить ключевые аспекты, обуславливающие их релевантность для изучения российских медиадискурсивных стратегий. Исследования Родионовой Е. В. и Балан К. А.¹⁹² фиксируют уникальную медийную репрезентацию грузино-абхазского и грузино-южноосетинского конфликтов как «парного» кейса. Контент-анализ СМИ демонстрирует тенденцию к смысловому *слиянию* этих конфликтов в медиапространстве, где они часто выступают как единый «кавказский узел» противостояния Грузии с пророссийскими регионами. Как отмечают Родионова Е. В. и Балан К. А., медиа часто не проводят четкого различия между этими конфликтами, что само по себе является значимой дискурсивной стратегией¹⁹³. Ключевыми нарративами, выявленными в исследованиях, являются акцентирование роли России как гаранта безопасности и противовеса «западному вмешательству» и конструирование

¹⁹² Родионова, Е. В., Балан, К. А. Репрезентация этнического конфликта в средствах массовой информации в постсоветский период / Е. В. Родионова, К. А. Балан // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. - 2020. - № 2. – С. 519-534.

¹⁹³ Там же. С. 531.

образа «братских народов» Абхазии и Южной Осетии, противопоставляемых «националистическому» Тбилиси. Применительно к конкретным кейсам, как указывает Ж. Е. Алтыбаева¹⁹⁴, грузино-абхазский и грузино-южноосетинский конфликты демонстрируют классические черты постсоветских этнотерриториальных споров: сочетание исторических травм (например, отмена автономий в 1990 г.), экономического неравенства между группами и роли внешних акторов. В исследовании акцентируется, что ключевым триггером эскалации становится восприятие «деградированного статуса» этнической группы, даже при отсутствии прямой дискриминации¹⁹⁵, что активно эксплуатируется в медийных нарративах.

Исследование М. С. Бабченко¹⁹⁶ и более ранние работы, такие как исследование В. А. Колосова и Д. В. Заяц¹⁹⁷, подчеркивают основу приднестровского конфликта в фундаментальном конфликте идентичностей. Исследования фиксируют, как приднестровская идентичность и ее отличие от молдавской легитимизируют требование особого статуса в медийном поле, часто через призму исторической памяти (особенно о событиях 1992 года) и геополитического выбора. Р. Ф. Баязитова¹⁹⁸ в своем анализе языковых конфликтов онлайн отмечает уникальность данного кейса: в отличие от «трайбалистских» кавказских или идеологизированных балтийских противостояний, молдавско-приднестровский конфликт в медиа часто фреймируется как защита русскоязычного населения от «румынизации»¹⁹⁹. Автор подчеркивает, что в дискурсах вокруг таких конфликтов регулярно используются этнофолизмы и стратегии создания образа «жертвы».

¹⁹⁴ Бабченко, М. С. Эволюция приднестровской идентичности в условиях неурегулированного конфликта с Республикой Молдова // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 56–66.

¹⁹⁵ Altybayeva, J. Methodology for studying conflicts. Specific features of studying conflicts in the post-Soviet space // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. - 2024. - Vol. 147, No. 2. - P. 123.

¹⁹⁶ Бабченко, М. С. Эволюция приднестровской идентичности в условиях неурегулированного конфликта с Республикой Молдова // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 56–66.

¹⁹⁷ Колосов, В. А., Заяц, Д. В. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. 2001. № 1. С. 88–122.

¹⁹⁸ Баязитова, Р. Ф. Языковые и этнические конфликты на постсоветском пространстве в интернет-коммуникации / Р. Ф. Баязитова // Социолингвистика. - 2021. - № 2 (6). - С. 145-163.

¹⁹⁹ Там же. С. 154-155.

Данный выбор конфликтных кейсов обусловлен не только их уникальными историческими траекториями и территориальными аспектами, но и рядом ключевых общих характеристик, выявленных в предшествующих исследованиях, которые делают их репрезентативной группой для анализа российской медиарепрезентации. Во всех трех кейсах Россия представлена как ключевой внешний актор (гарант безопасности, защитник, цивилизационный центр). Конфликты медийно осмысляются в контексте противостояния российских и западных интересов/ценностей на постсоветском пространстве. В основе медийной репрезентации лежит нарратив столкновения разных моделей национальной/гражданской идентичности (интернационалистская/пророссийская vs националистическая/прозападная). Активно используются исторические нарративы (советское прошлое, войны 1992/2008 гг.) для легитимации текущих позиций. При этом существующие исследования, хотя и затрагивают отдельные аспекты медиарепрезентации этих конфликтов, не предлагают системного сравнительного анализа дискурсивных стратегий российских медиа именно в период 2014-2024 гг., что определяет новизну и практическую значимость настоящего исследования.

Для реализации поставленных задач был проведен контент-анализ материалов, размещенных в официальных новостных сообществах четырех ведущих российских медиаресурсов в социальной сети «ВКонтакте» («РИА Новости», «РБК», «RT на русском», «Комсомольская правда»), за период с 1 января 2014 года по 31 декабря 2024 года. Критериями отбора были релевантность (материалы прямо или косвенно касались одного из трех указанных конфликтов) и фокус на отношения *между* основными конфликтующими сторонами (Грузия-Южная Осетия/Абхазия, Молдова-Приднестровье), а не на их двусторонние отношения с Россией. Такой подход обеспечивает концентрацию на *ядре* этнополитического конфликта.

Выбор эмпирического материала для данного диссертационного исследования был продиктован необходимостью обеспечить релевантность, репрезентативность и практическую осуществимость анализа медийного

дискурса вокруг ключевых постсоветских замороженных конфликтов в заданный временной период.

Во-первых, выбранные новостные ресурсы представляют собой значимый срез российского медиаполя. Согласно данным исследования компании «Медиалогия»²⁰⁰, специализирующейся на мониторинге и анализе СМИ и социальных медиа, в 2024 году «РИА Новости» подтвердило статус самого цитируемого информационного агентства как в традиционных СМИ, так и в социальных медиа. Этот результат отражает важную роль агентства в формировании информационной повестки для федеральных и региональных средств массовой информации.

В то же время интернет-ресурс Rbc.ru сохранил лидерство в рейтинге самых цитируемых новостных сайтов, что подчёркивает его авторитет в деловом и политическом сегментах. Параллельно RT на русском занял первое место по цитируемости в социальных медиа, что соответствует его стратегии активного присутствия в цифровом пространстве и работы с международной аудиторией.

«Комсомольская правда» продемонстрировала устойчивые позиции в двух категориях: издание заняло шестое место по цитируемости среди интернет-СМИ, одновременно войдя в топ-5 самых упоминаемых печатных газет. Этот результат свидетельствует о сохранении влияния издания как в цифровой среде, так и в традиционном сегменте массовой прессы.

Во-вторых, платформа ВКонтакте была выбрана как доминирующая социальная сеть в России и важнейший канал распространения новостного контента для огромной аудитории, особенно среди молодого и среднего возраста²⁰¹. Новостные сообщества крупных медиа в ВК являются не просто зеркалом их основного сайта, но и специфическим пространством взаимодействия с аудиторией (через комментарии, реакции), а также каналом,

²⁰⁰ Федеральные СМИ // Рейтинги Медиалогии. - URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/14045/#internet> (дата обращения: 10.08.2025).

²⁰¹ We Are Social ; DataReportal. Digital 2024: Global Overview Report / We Are Social ; DataReportal. - 2024. - URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 07.08.2025).

адаптирующим контент под особенности платформы. Анализ материалов именно в ВК позволяет исследовать тот информационный поток, который непосредственно потребляется массовой онлайн-аудиторией в привычной для нее цифровой среде, что повышает значимость результатов с точки зрения понимания реального медийного воздействия.

В-третьих, одиннадцатилетний период исследования (2014-2024) предоставляет уникальную возможность проследить динамику освещения конфликтов в условиях значительных геополитических изменений. Этот интервал охватывает период после воссоединения Крыма с Россией, характеризующийся обострением отношений России с Западом, Специальную военную операцию на Украине и ее последствия. Как показывает теория медиафреймов (Р.М. Энтман)²⁰², такие кризисные события способны радикально трансформировать доминирующие нарративы и акценты в освещении даже удаленных конфликтов.

Для сбора эмпирического материала использовался специализированный сервис мониторинга социальных сетей Barkov.net, позволяющий осуществлять парсинг данных из платформы «ВКонтакте». На первом этапе выборка формировалась автоматически по ключевым запросам: «Абхазия», «Южная Осетия» и «Приднестровье». Затем проводился качественный контент-анализ полученных публикаций с целью отбора релевантных материалов, содержащих дискурс о соответствующих этнополитических конфликтах.

Методика исследования включала два взаимодополняющих этапа: 1) общий контент-анализ для выявления базовых частотных характеристик, тем, тональности и акторов; 2) критический дискурс-анализ на основе модели, детализированной в предыдущем параграфе (см. Приложение 4), направленный на выявление глубинных смыслов, стратегий, фреймов и

²⁰² Entman, R. M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // Journal of Communication. - 1993. - Vol. 43, No. 4. - P. 51-58.

нарративов, используемых при освещении конфликтов, и их соотнесения с теоретической рамкой.

Количественные результаты контент-анализа выявили общий объем выборки в 810 постов, распределенных между изучаемыми конфликтами и медиаресурсами, как представлено в Таблице 1.

Название новостного сообщества ВКонтакте	Количество постов, связанных с конфликтом между, шт.			Всего
	Грузией и Абхазией	Грузией и Южной Осетией	Молдовой и Приднестровьем	
РИА Новости	73	60	92	225
РБК	112	58	114	284
РТ на русском	86	35	72	193
Комсомольская правда	57	19	32	108
Итого	328	172	310	810

Таблица 1. Количество постов, посвященных конфликтам

Анализ распределения публикаций позволяет сделать первые важные наблюдения относительно редакционных приоритетов и акцентов в освещении. Согласно представленной таблице, самое большое количество постов у РБК (284), затем РИА Новости (225), РТ на русском (193) и Комсомольская правда (108). Это уже показывает, что РБК наиболее активно освещает данные конфликты, а Комсомольская правда — наименее активно. Можно предположить, что РБК и РИА Новости являются более ориентированными на международные конфликты и политические вопросы, тогда как РТ на русском и Комсомольская правда могут фокусироваться на других темах или иметь иную редакционную политику. Комсомольская правда, будучи более массовым изданием, возможно, выбирает темы, которые ближе широкой аудитории или менее политизированы.

Стоит также обратить внимание на пропорции. Например, РИА Новости имеет более сбалансированное распределение между конфликтами, тогда как РБК и РТ на русском имеют более выраженные предпочтения. РТ на русском, как известно, ориентируется на международную аудиторию и может уделять

больше внимания конфликтам, которые важны для внешней политики России. Это распределение подтверждает тезис Е. Л. Вартановой, Л. А. Кругловой и Г. Г. Щепиловой²⁰³ о дифференциации российского медиаполя, где разные типы СМИ формируют свои повестки дня в соответствии с целевой аудиторией и функциональным назначением.

Обратим внимание на распределение постов по конфликтам. Конфликт между Грузией и Абхазией упоминается чаще всего (328 постов), затем Молдова и Приднестровье (310), и Грузия и Южная Осетия (172). Эта диспропорция может быть объяснена комплексом факторов. Приднестровье, расположенное на границе с Украиной и сохраняющее лояльность России, неизбежно попало в фокус внимания в контексте резкой эскалации российско-украинского конфликта после 2022 года, особенно на фоне заявлений Киева о возможных операциях в регионе. Абхазия, в свою очередь, переживала внутренние политические кризисы (например, в конце 2024 года), которые актуализировали вопросы ее статуса и отношений как с Грузией, так и с Россией. Относительно низкая активность по южноосетинскому направлению может отражать его воспринимаемую большую стабильность или «замороженность» в сравнении с другими точками напряжения в последнее десятилетие, а также возможное смещение фокуса российских интересов в регионе.

Далее была проанализирована хронологию постов, касающихся каждого конфликта в отдельности.

²⁰³ Вартанова Е.Л., Дунас Д.В., Гладкова А.А. Медиаконфликтология как поле междисциплинарного анализа социальных конфликтов // Вопросы теории и практики журналистики. — 2023. — Т. 12, № 4. — С. 601–618., Круглова, Л. А., Щепилова, Г. Г. Российские телеканалы и социальные медиа в условиях трансформации медиаполя / Л. А. Круглова, Г. Г. Щепилова // Вестник Томского государственного университета. Филология. - 2024. - № 87. - С. 255-272.

Молдавско-приднестровский конфликт

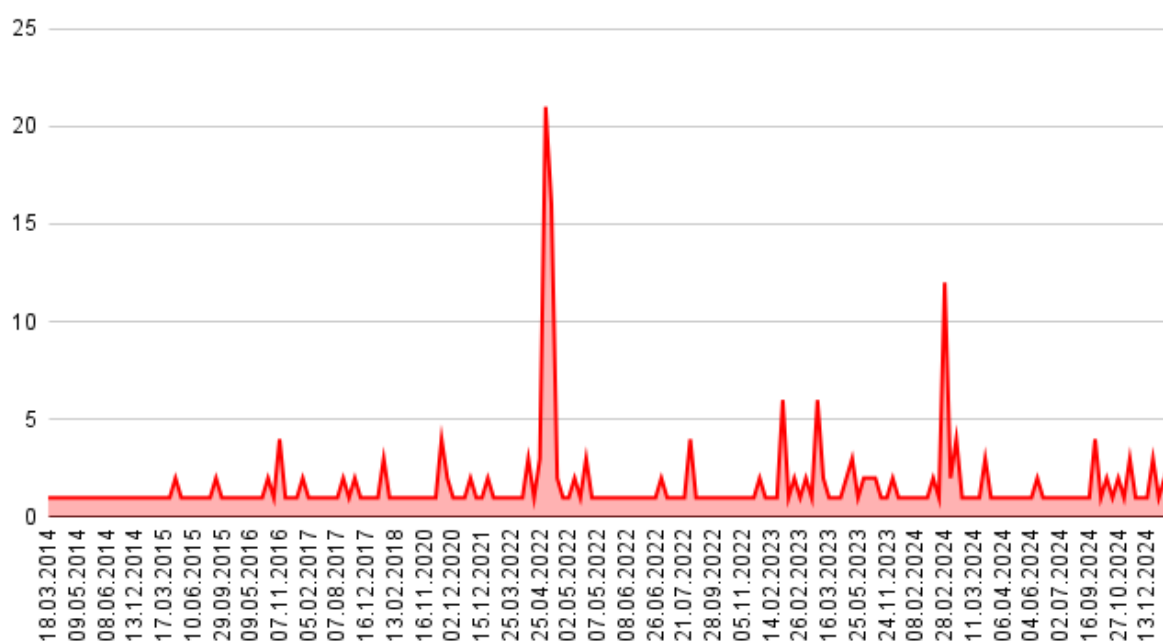

Рисунок 1 - Хронология постов, посвященных молдавско-приднестровскому конфликту, в социальной сети «VKонтакте»

Первое упоминание молдавско-приднестровского конфликта относится к 18.03.2014 года. В этот период в российских СМИ активно продвигается нарратив о защите русскоязычного населения и праве на самоопределение. Упоминание Приднестровья становится частью стратегии по легитимации действий в Крыму, подчеркивается, что это не единичный случай, а часть общей политики защиты соотечественников. Российские СМИ проводят параллели между Крымом и Приднестровьем, чтобы показать, что Россия последовательно защищает свои интересы и русскоязычное население в разных регионах²⁰⁴.

Наибольшее количество постов (21) зафиксировано 26.04.2022. Известно, что с 25 по 27 апреля 2022 года в Приднестровье произошел ряд взрывов. Анализ освещения данной ситуации позволяет выделить несколько ключевых нарративов.

²⁰⁴ Мухаметшин, Ф. М., Степанов, В. П. Приднестровье сегодня: к вопросу о региональной безопасности / Ф. М. Мухаметшин, В. П. Степанов // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. - 2020. - № 1 (86). - С. 53-59.

Во-первых, в рамках описания терактов присутствует упоминание о притеснении русскоязычного населения в Приднестровье со стороны Молдовы. Конфликт представляется как угроза русскоязычным гражданам, аналогично нарративу, использованному в отношении Украины. Также говорится о предотвращении «украинского сценария», что отсылает к событиям 2014 года в Крыму и Донбассе.

Во-вторых, в новостях подробно описываются инциденты: взрывы у здания Министерства государственной безопасности, обстрелы из гранатометов, уничтожение антенн российского радио. Неоднократно подчеркивается, что антенны ретранслировали российские программы, а значит теракты трактуются как атака на информационное пространство России, на российское влияние, что оправдывает необходимость защиты российских интересов.

В-третьих, упоминаются заявления приднестровских властей о причастности выходцев с Украины к терактам. Это создает связь между текущими событиями в Приднестровье и конфликтом на Украине и создает основания для обвинения Украины в дестабилизации региона. В то же время, заявления главы Донецкой Народной Республики Дениса Пушилина о необходимости нового этапа спецоперации с учетом ситуации в Приднестровье и обстрелов приграничных областей России явно связывают приднестровский конфликт с действиями России на Украине, расширяя географию конфликта.

С другой стороны, российский МИД заявляет о нежелательности втягивания Приднестровья в украинский конфликт, что показывает сдержанность России, а наличие миротворцев позволяет утверждать, что Россия контролирует конфликт и стремится не допустить его разгорания²⁰⁵.

В-четвертых, реакция Молдовы представлена как отрицание военных действий, что контрастирует с заявлениями украинского советника

²⁰⁵ Шевчук, Н. В. Роль российского миротворчества в процессе приднестровского урегулирования / Н. В. Шевчук // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. - 2023. - № 2. - С. 228-240.

Арестовича о готовности захватить Приднестровье. Российские СМИ, вероятно, используют это для демонстрации агрессивности Украины и защиты Приднестровья как зоны российских интересов. Кремль называет заявления Киева провокационными, усиливая образ Украины как источника нестабильности. Обратим внимание, что сам молдавско-приднестровский конфликт служит лишь фоном, на котором звучат данные ключевые нарративы. Российские миротворцы представлены как единственная сила, предотвращающая полномасштабную войну между Кишинёвом и Тирасполем. Упоминание о «контроле над ситуацией» (заявление руководителя Аппарата Уполномоченного по правам человека в Приднестровской Молдавской Республике Белякова О.) подкрепляет тезис о незаменимости России.

Еще один всплеск информационной активности можно наблюдать 28.02.2024 года. В этот день на фоне обострения молдавско-приднестровских отношений прошел съезд приднестровских депутатов всех уровней, на котором было принято в адрес Совета Федерации и Государственной Думы РФ с просьбой оказать дипломатическую помощь по защите Приднестровья в условиях усиления давления Молдовы. Президент Приднестровья обвинил Кишинев в геноциде. Такое обвинение – серьезное, и российские СМИ, передают его без критической оценки, принимая сторону Приднестровья.

МИД России реагирует сдержанно, но заявляет о защите интересов жителей Приднестровья как приоритете. Это показывает официальную позицию России как защитника соотечественников, что типично для внешнеполитического нарратива. Однако экспертная оценка, упомянутая в тексте, указывает, что Приднестровье, возможно, не рассчитывает на реальную помощь, что добавляет нюанс в общую картину.

Нужно также обратить внимание на контекст переговорной платформы «5+2» (дипломатическая переговорная площадка, целью которой является поиск решения конфликта в Приднестровье между Молдовой и непризнанным государством Приднестровьем, включающая помимо этих сторон Россию,

Украину, ОБСЕ, США и Европейский союз). Российские СМИ, возможно, акцентируют роль России как миротворца и ответственного участника переговоров, в отличие от Молдавии, которая представлена как сторона, применяющая блокаду.

Также важно отметить, что российские СМИ используют термины вроде «непризнанная республика», что отражает официальную позицию России, не признающей независимость Приднестровья, но поддерживающей его. Это создает определенный баланс между поддержкой и сохранением дипломатической осторожности²⁰⁶.

В итоге, можно предположить, что российские СМИ представляют ситуацию как кризис, вызванный действиями Молдавии, вынуждающими Приднестровье обращаться за помощью к России. Акцент делается на защите русскоязычного населения и роли России как гаранта стабильности. Критика Молдавии и Запада присутствует, но реакция России показана как сдержанная и ответственная.

Данные выводы можно сделать исходя из анализа хронологии постов и всплеском информационной активности. Российские СМИ системно используют освещение событий молдавско-приднестровского конфликта как инструмент российской внешнеполитической стратегии. Через повторяющиеся нарративы о защите русскоязычных, обвинение Молдавии и Запада, а также демонстрацию сдержанности формируется образ России как единственного гаранта стабильности.

Проанализируем хронологию постов, касающихся грузино-абхазского конфликта, представленную на графике 2.

²⁰⁶ Лавренов, С. Я., Губарь, А. И. Уникальность российской миротворческой миссии на Днестре / С. Я. Лавренов, А. И. Губарь // Обозреватель - Observer. - 2022. - № 11-12 (394–395).

Грузино-абхазский конфликт

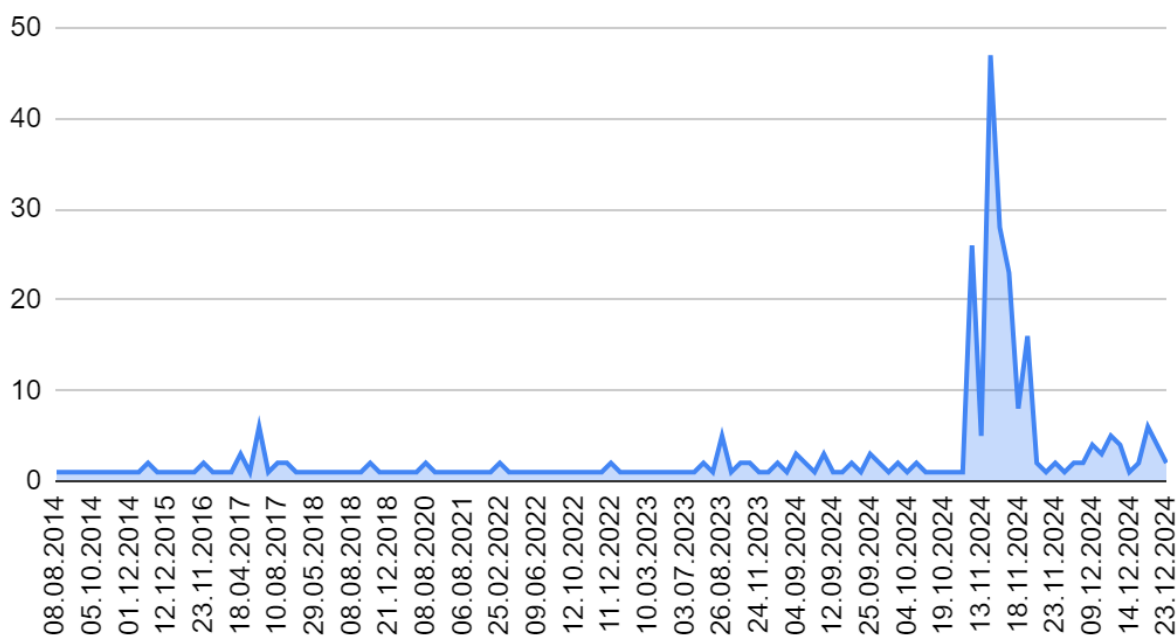

Рисунок 2 - Хронология постов, посвященных грузинско-абхазскому конфликту, в социальной сети «ВКонтакте»

Обратим внимание, что в начале периода, с 2014 по 2016 год, посты во всех СМИ выходят нечасто, в основном в августе, например, 08.08.2014, 26.08.2014 и т.д. Эти сообщения связаны с годовщинами двух важных событий: ввод российских войск в Южную Осетию для ее защиты от грузинской агрессии и признание независимости Абхазии и Южной Осетии соответственно. Наибольшее количество постов в этом контексте фиксируется в 15-летнюю годовщину признания независимости республик. Это служит цели легитимации решений 2008 года: подчеркивается, что они были трудными, но правильными, проверенными временем. Так формируется положительный образ российской внешней политики²⁰⁷.

Безусловно, активность фиксируется и ежегодно в конце сентября (годовщины окончания грузино-абхазской войны 1992-1993 гг.), но она сильно уступает августовским постам. Также выше среднего активность 18.04.2017,

²⁰⁷ Мансуров, Т. З. Интеграционные процессы между Россией и Абхазией: особенности и противоречия развития / Т. З. Мансуров // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. - 2018. - № 2. - С. 125-137.

связанная с визитом министра иностранных дел России С. Г. Лаврова в Абхазию, и 25.02.2022, когда Абхазия признала ЛНР и ДНР. То есть чаще освещаются события, связанные непосредственно с участием России, например не провозглашение Абхазией независимости в 1994 году, а признание этой независимости Россией в 2008 году. Всплеск публикаций 08.08.2017 года объясняется не только военными действиями 2008 года в Южной Осетии, но и визитом В. В. Путина в Абхазию.

Резкий всплеск постов с сентября 2024 года связан с политическим кризисом в Абхазии. Отношения с Абхазией описываются как ключевые для безопасности региона, особенно в контексте «затухшего, но потенциально опасного» конфликта с Грузией. Упоминается, что главы российских регионов выразили поддержку президенту Республики Абхазия А. Бжанини, а Кремль воздерживается от прямого вмешательства, демонстрируя уважение к суверенитету. Однако помощь в энергетике и социальных выплатах подается как «ответственность» России перед союзником.

Российские СМИ подробно описывают и энергетический кризис в Абхазии (отключения электричества, просьбы о помощи), подчеркивая, что республика неспособна существовать без поддержки Москвы. Это формирует образ Абхазии как несамостоятельного субъекта, чье выживание зависит от российских дотаций и гуманитарных поставок²⁰⁸.

Внутренние конфликты объясняются коррупцией и политической незрелостью местных элит, а не внешними факторами. Грузино-абхазский конфликт остается на периферии, но используется для обоснования необходимости российского присутствия. Главный нарратив: Россия — гарант стабильности и развития в условиях хаоса.

²⁰⁸ Kolstø, P. Biting the hand that feeds them? Abkhazia–Russia client–patron relations // Post-Soviet Affairs. - 2020. - Vol. 36. - P. 140-158.

Грузино-южноосетинский конфликт

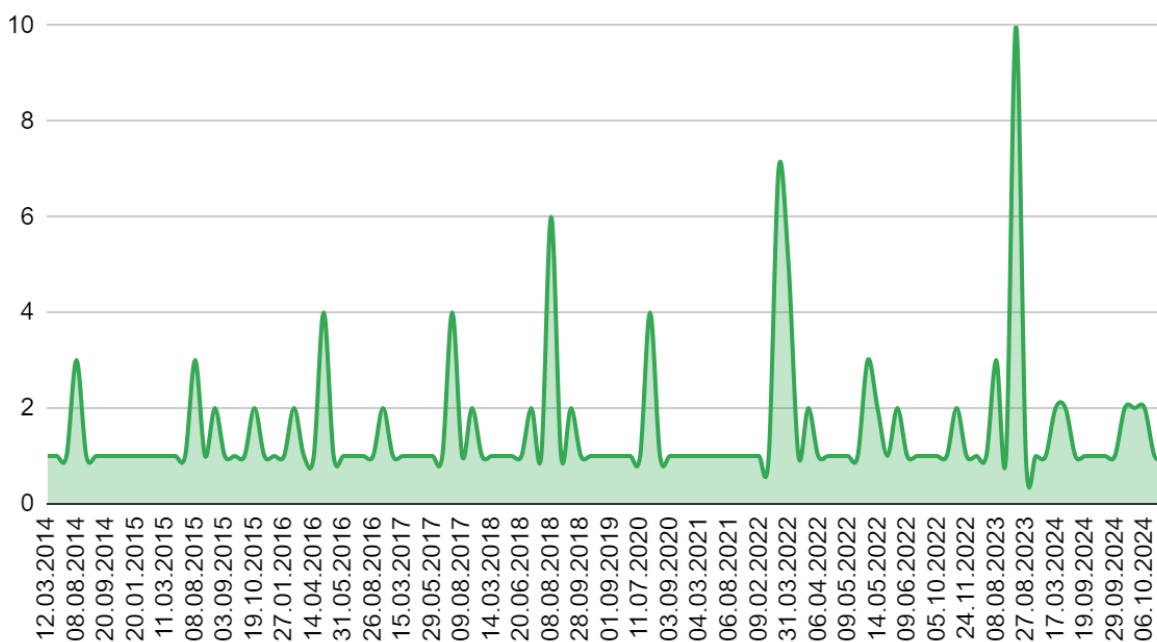

Рисунок 3 - Хронология постов, посвященных грузино-южноосетинскому конфликту, в социальной сети «ВКонтакте».

Анализируя грузино-южноосетинский конфликт, стоит, в первую очередь, отметить, что, как и в предыдущем кейсе, наибольшее количество постов приурочено к историческим датам. 8 августа — ключевая дата, связанная с началом войны в Южной Осетии в 2008 году. Каждый год в этот день наблюдается всплеск публикаций (особенно в 2014, 2015, 2017, 2018, 2020, 2022, 2023 гг.). В 2018 году зафиксирован рекорд — 8 постов, что связано с 10-летней годовщиной конфликта. 26 августа — другая значимая дата, связанная с признанием Россией независимости Южной Осетии и Абхазии в 2008 году. Пики активности в этот день отмечаются в 2014, 2015, 2017, 2023 гг. В 2023 году 26 августа опубликовано 10 постов, что указывает на усиление информационной кампании.

В 2022 году наблюдается резкий всплеск публикаций в марте-мае. На фоне начала Специальной военной операции на Украине наблюдался значительный, но не привязанный к августовским датам всплеск интереса к Южной Осетии в марте-мае. Контент-анализ показал, что основным драйвером стала тема потенциального присоединения Южной Осетии к

России. Этот всплеск иллюстрирует тезис о высокой чувствительности освещения замороженных конфликтов к актуальной внешнеполитической повестке России.

Таким образом, активность постов, связанных с грузино-южноосетинским конфликтом, приурочена к годовщинам его ключевых событий, особенно 8 августа и 26 августа. Всплески в 2022 и 2023 годах связаны с текущими политическими событиями, усилением информационной поддержки действий России. Снижение активности в некоторые годы, возможно, из-за смещения внимания на другие темы, но ежегодные памятные даты остаются значимыми.

Далее проанализируем тематику постов. Новостные сообщения по всем трем конфликтам были разделены на несколько категорий:

1. История: посты, посвященные истории конфликта, памятным историческим датам и пр.
2. Отношения с Грузией/Молдовой: посты, посвященные текущим взаимоотношениям между Грузией и Южной Осетией или Абхазией, а также Приднестровья с Молдавией.
3. Украинские события: упоминание в постах российско-украинского конфликта.
4. Присоединение к России: посты, посвященные вопросу о присоединении к России Абхазии, Южной Осетии или Приднестровья.
5. Отношение мирового сообщества: посты с информацией об отношении мирового сообщества к рассматриваемым конфликтам.
6. Воссоединение с Грузией/Молдовой: посты о возвращении Грузии Южной Осетии и Абхазии и Молдавии Приднестровья.
7. Эскалация конфликта: сообщения о терактах, столкновениях, а также заявления официальных лиц государств конфликта о необходимости продолжить конфронтацию.
8. Признание независимости: сообщения о возможности или невозможности признания независимости республик мировым сообществом

9. Сотрудничество с Россией: посты, содержащие информацию о конфликтах на фоне сотрудничества Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья с Россией.

10. Отношения России с Грузией/Молдовой: посты, содержащие информацию о конфликтах на фоне отношений Грузии и Молдавии с Россией.

11. Политический кризис в Абхазии в 2024 году. В связи с большим количеством постов данная тема была выделена в отдельную категорию.

12. Разное.

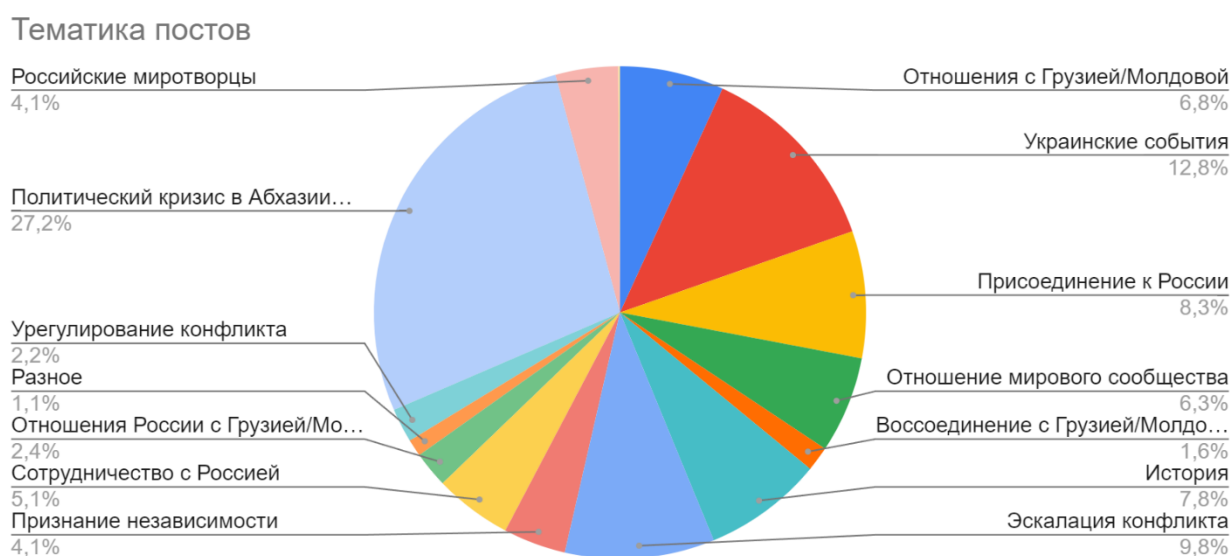

Рисунок 4 - Тематика постов, посвященных грузино-абхазскому, грузино-южноосетинскому и молдавско-приднестровскому конфликтам, в социальной сети «ВКонтакте».

Анализ тематической структуры освещения выявил ключевые приоритеты российского медиадискурса в репрезентации исследуемых конфликтов, что позволяет сделать существенные обобщения относительно его стратегических направленностей.

Наибольшая доля постов (27,2%) связана с политическим кризисом в Абхазии (2024 г.). Это соответствует стратегии акцентирования нестабильности в непризнанных республиках, что создает нарративную основу для легитимации российского вмешательства как «стабилизирующей

силы»²⁰⁹. Подобный подход характерен для гибридных конфликтов, где медийная повестка служит инструментом мягкой силы²¹⁰. Упоминание украинских событий (12,8% постов) подчеркивает попытку создания унифицированного нарратива о «защите русскоязычного населения». Это позволяет экстраполировать аргументативные рамки российских действий в Крыму и Донбассе на другие конфликты, усиливая восприятие России как гаранта безопасности.

Категории «Присоединение к России» (8,3%) и «Сотрудничество с Россией» (5,1%) отражают стремление медиа укрепить идею неразрывной связи непризнанных регионов с РФ. Низкие показатели по темам «Урегулирование конфликта» (2,2%) и «Воссоединение с Грузией/Молдовой» (1,6%) демонстрируют игнорирование восстановления территориальной целостности исходных государств. Это соответствует официальной позиции РФ, либо отрицающей суверенитет исходных государств над конфликтными территориями (в случае с Южной Осетией и Абхазией), либо придерживающейся нейтральной позиции по данному вопросу (Приднестровье).

Использование исторических сюжетов (7,8 %) подчеркивает стратегию обосновать текущую политику через прошлые события, например, акцентируя «общую историю» с Россией или «несправедливость» действий Грузии/Молдовы. Важным элементом нарратива является эскалация конфликтов (9,8%). Сообщения о столкновениях и террористических актах поддерживают образ перманентной нестабильности, что оправдывает необходимость российского военно-политического присутствия. Поэтому также достаточно много сообщений о российских миротворцах - 4,1% - с учетом того факта, что они касаются только молдавско-приднестровского конфликта.

²⁰⁹ Sakwa, R. *Russia Against the Rest: The Post-Cold War Crisis of World Order* / R. Sakwa. - 2017. - 388 p.

²¹⁰ Харьбин, А. Мягкая сила и гибридная война как элементы стратегии России в геополитических конфликтах / А. Харьбин // *Наука Красноярья*. - 2015. - № 6. - С. 70-79.

Интересно сравнить процентное соотношение некоторых категорий при описании разных конфликтов (рисунок 5).

Тематика. Конфликт Абхазия-Грузия

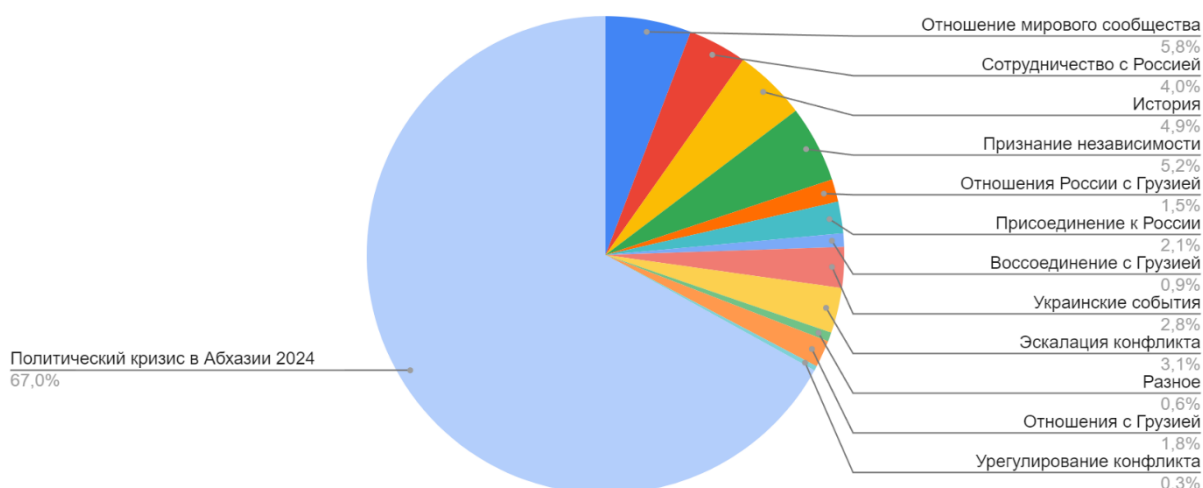

Рисунок 5 - Тематика постов, посвященных грузино-абхазскому конфликту, в социальной сети «ВКонтакте».

Безусловно, на данной диаграмме, в первую очередь, стоит отметить, что **67% публикаций** посвящены кризису в Абхазии 2024 года, что указывает на его ключевую роль в медийной повестке. Столь высокая концентрация внимания связана с актуализацией абхазского вопроса в контексте российской геополитики. Кризис, вероятно, интерпретировался как угроза стабильности в регионе, что требовало активного информационного сопровождения для легитимации российской позиции. Усиление внимания к Абхазии в 2024 г. также объясняется её стратегической значимостью для России (например, вопросы безопасности Чёрного моря, интеграционные процессы в рамках СНГ).

Категория «Присоединение к России» составляет 2,1%, что противоречит стереотипам о якобы активной пропаганде аннексии²¹¹ (например, исследователь Б. Белкания в 2022 утверждал, что соглашение о «Едином социально-экономическом пространстве» 2020 года между Абхазией

²¹¹ Ambrosio, T., Lange, W. D. The architecture of annexation? Russia's bilateral agreements with South Ossetia and Abkhazia // Nationalities Papers. - 2016. - Vol. 44. - P. 673-693.

и Россией является ключевым шагом на пути к потенциальной полной интеграции Абхазии в состав РФ²¹²). Это позволяет говорить о соблюдении формальных рамок признания независимости Абхазии (2008 г.), что делает тему присоединения политически нецелесообразной для РФ. Кроме того, отмечается низкая видимость грузино-абхазского диалога. Категории «Отношения с Грузией» (1,8%) и «Воссоединение с Грузией» (0,9%) практически отсутствуют, что подтверждает отсутствие интереса к мирным инициативам в условиях непризнания абхазской независимости Тбилиси и фокус на статус-кво, где РФ позиционируется как главный актер, а Грузия — как внешняя угроза.

Рассмотрим тематику постов, посвященных конфликту Грузии с Южной Осетией.

Тематика. Конфликт Южная Осетия-Грузия.

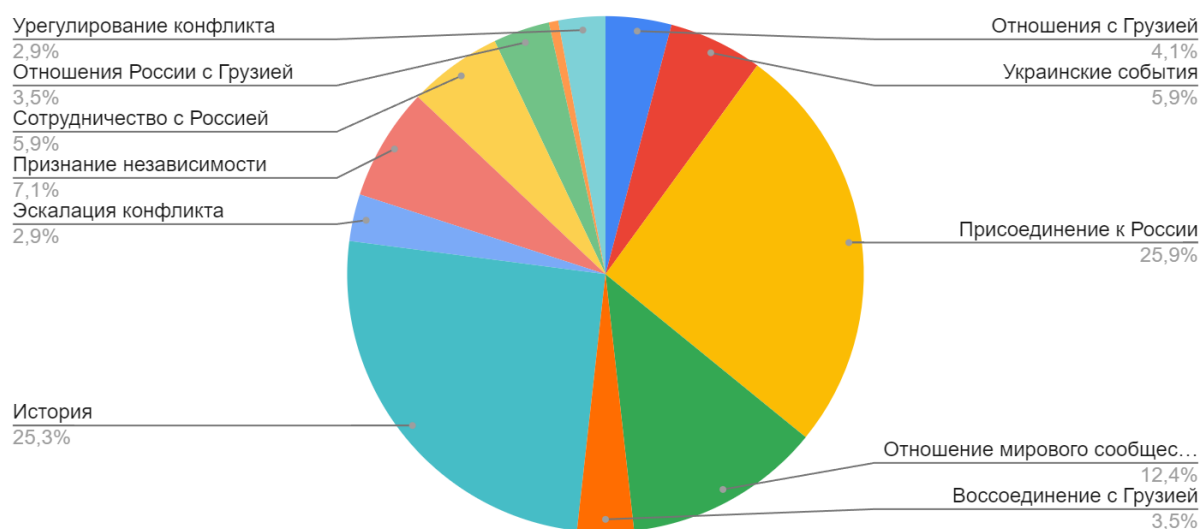

Рисунок 6 - Тематика постов, посвященных грузино-южноосетинскому конфликту, в социальной сети «ВКонтакте».

Категории «Присоединение к России» (25,9%) и «История» (25,3%) суммарно составляют более половины контента. Причем о присоединении Южной Абхазии российские СМИ говорят крайне сдержанно, отмечая, что все сообщения в этом направлении – инициатива руководства Южной Осетии.

²¹² Belkania, B. et al. The «Common Social and Economic Space» Agreement Between Abkhazia and Russia: A Path to Russia? // Caucasus Survey. - 2023. - P. 63-69.

Отметим, что количество постов, посвященных признанию независимости Южной Абхазии (7,1%), приблизительно в 3,5 раза меньше количества постов, посвященных присоединению к России, в то время как в грузино-абхазском кейсе, наоборот, это соотношение составляет более 2 к 1 (признание независимости – 5,2%, присоединение к России – 2,1%) Это свидетельствует о разном типе поведения республик. Инициативы Южной Осетии направлены на присоединение, а Абхазии – на сдерживание²¹³.

Эскалация и урегулирование конфликта освещаются в равной мере, но в целом сообщений на эту тему достаточно мало (по 2,9%), что говорит об относительно низкой потенциальной конфликтогенности региона, по мнению российских СМИ, либо что вопрос о грузино-абхазском конфликте для России закрыт признанием независимости в 2008 году.

В итоге можно говорить, что абхазская повестка фокусируется на оперативных кризисах, тогда как южноосетинская – на историческом контексте, и Южная Осетия становится полигоном для интеграционных нарративов, где сочетание истории, антигрузинской риторики и параллелей с Украиной формирует образ «неотъемлемой части Русского мира».

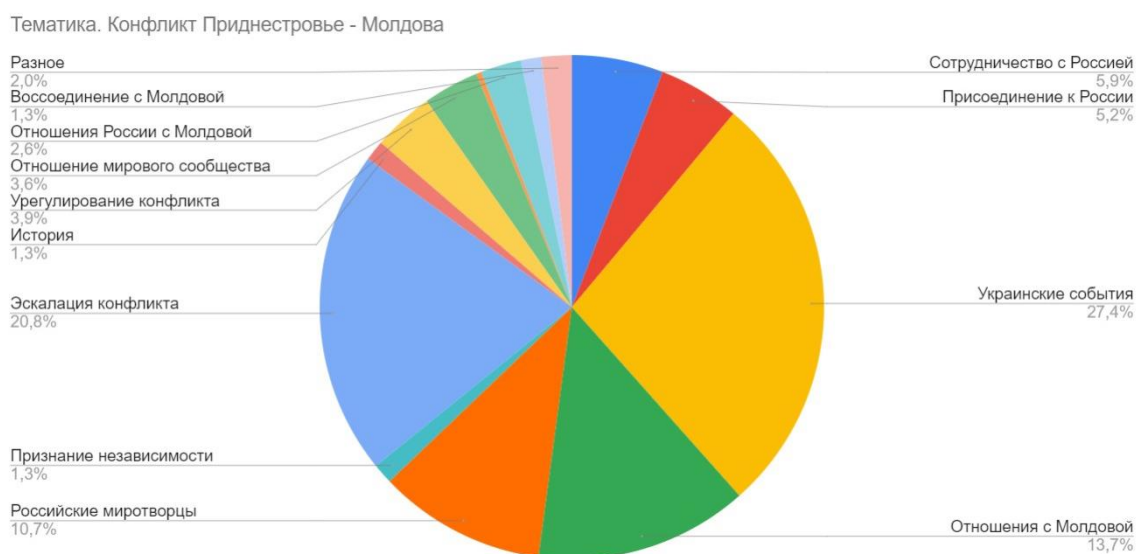

Рисунок 7 - Тематика постов, посвященных молдавско-приднестровскому конфликту, в социальной сети «ВКонтакте».

²¹³ Aslund, A. To be or not to be a state? The alignment behaviours of Abkhazia and South Ossetia with Russia // Australian and New Zealand Journal of European Studies. - 2024. - P. 19-28.

В Приднестровском конфликте наблюдается совершенно иная ситуация, отраженная на рисунке 7. Первым делом, стоит обратить внимание на самые крупные категории: Украинские события (27.4%) и Эскалация конфликта (20.8%). Это почти половина всех упоминаний. Связь с российско-украинским конфликтом используется для контекстуализации действий России в Приднестровье. Также эскалация подчеркивает нестабильность региона, что важно для нарратива о необходимости российского присутствия. Это подтверждается и тем фактом, что каждое десятое сообщение посвящено российским миротворцам в Приднестровье (10,7%). Подобный фрейминг позволяет представить поддержку Приднестровья как элемент защиты «русского мира» и противодействия НАТО, что актуализирует российскую роль в регионе. Подобная дихотомия («угроза – защита») легитимирует присутствие российских войск в Приднестровье, несмотря на международную критику, и формирует у аудитории представление о необходимости военно-политической поддержки региона.

Тема присоединения Приднестровья к России не является доминирующей (5,2%), что, вероятно, связано с её политической деликатностью. Однако её присутствие в дискурсе сохраняет идею возможности такого сценария. Низкий интерес к международной реакции (3,6%) демонстрирует стремление дистанцироваться от критики со стороны ЕС и США. Российские медиа фокусируются на внутренней логике конфликта

На данном этапе исследование выявило различные подходы к освещению конфликтов в непризнанных и частично признанных регионах, что отражает особенности текущих внешнеполитических интересов вовлеченных сторон. Основное внимание в медийной повестке сосредоточено не на поиске путей урегулирования или диалога с государствами, претендующими на эти территории, а на акцентировании факторов нестабильности, требующих внешнего участия для нормализации ситуации.

В абхазском контексте доминирование сообщений о кризисе 2024 года подчеркивает роль внешних игроков как посредников в разрешении

напряженности. При этом темы, связанные с восстановлением прежних административных границ, остаются малозаметными, что соответствует позиции, согласно которой статус этих территорий не считается предметом обсуждения для России.

Наблюдается региональная специфика в подаче информации. В Южной Осетии акцент делается на исторические связи и интеграционные процессы, тогда в приднестровском контексте значительная часть контента увязывается с событиями на Украине, что позволяет встраивать локальные процессы в более широкий международный контекст. Подобная вариативность демонстрирует адаптацию ключевых тем под особенности каждого конфликта при сохранении общего фокуса на необходимости обеспечения безопасности.

Тема возможного изменения правового статуса регионов по отношению к внешним акторам остается второстепенной, за исключением Южной Осетии, где она сохраняет определенную актуальность. Это может объясняться стремлением соблюдать формальные договоренности, закрепленные после 2008 года, при одновременном подчеркивании тесных связей с регионами.

Таким образом, медийное освещение выполняет две взаимосвязанные функции: формирует представление о необходимости внешней стабилизирующей роли в зонах напряженности и создает смысловые связи между локальными конфликтами и глобальными процессами. Подобная модель позволяет обосновывать вовлеченность в региональные процессы как ответ на вызовы безопасности, сохраняя при этом гибкость в трактовке будущего статуса территорий.

2.2. Дискурсивные стратегии и приемы при освещении этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в онлайн-СМИ за 2014-2024 гг.

Разработанная в параграфе 1.3. настоящей работы модель анализа дискурсивных стратегий медийного освещения этнополитических

конфликтов (Приложение 4), включающая исследование пяти взаимосвязанных групп дискурсивных стратегий (исторический фон; отбор информации и фрейминг; лингвистические стратегии; семиотические стратегии; нетекстовые структуры), предоставляет теоретико-методологический инструментарий для деконструкции механизмов конструирования социальной реальности в СМИ. Настоящий параграф посвящен выявлению дискурсивных стратегий путем применения данной модели к эмпирическому материалу – корпусу новостных публикаций в социальной сети ВКонтакте, освещающих грузино-абхазский, грузино-южноосетинский и молдавско-приднестровский конфликты за период 2014-2024 гг. Целью анализа является выявление и системное описание конкретных дискурсивных практик, используемых на данной платформе для формирования устойчивых представлений о конфликтах, их участниках и роли России, а также проверка операциональности предложенной модели на реальном медийном контенте. Последовательно применяя уровни предложенной аналитической схемы, мы переходим от теоретического обоснования к практике исследования, начиная с анализа того, как исторический контекст репрезентируется в условиях специфических ограничений платформы ВКонтакте и как это конструирование поддерживает ключевые нарративы.

Первой группой стратегий в рамках предложенной модели медийного дискурса этнополитических конфликтов (Приложение 4) выступает *конструирование исторического дискурса*. Р. Водак²¹⁴ подчёркивает, что дискурс нельзя анализировать вне истории – он всегда укоренён в конкретном социально-историческом контексте. Согласно Р. Водак и Н. Фейерклафу²¹⁵ язык формирует коллективную память, а история используется для легитимации власти.

²¹⁴ Wodak, R., Busch, B. Approaches to media texts / R. Wodak, B. Busch // Handbook of Media Studies / ed. by J. Downing, D. McQuail, P. Schlesinger, E. Wartella. - Thousand Oaks ; London ; New Delhi : Sage, 2004. - P. 105-123.

²¹⁵ Wodak, R. Disorders of Discourse / R. Wodak. - London: Longman, 1996. - 200 p., Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. - 2nd ed. - Harlow : Longman, 2001. – P. 98-103.

Ключевым ограничением в реализации данной стратегии на платформе социальной сети ВКонтакте является формат новостного поста, объективно не приспособленный для развернутого освещения сложных и многовековых исторических взаимоотношений конфликтующих сторон. Вследствие этого, исторический дискурс в исследуемом корпусе представлен фрагментарно и реализуется преимущественно двумя путями: 1) акцентированием на событиях недавнего прошлого, обладающих высокой конфликтогенностью и узнаваемостью для целевой аудитории (например, война в Южной Осетии августа 2008 г. или грузино-абхазская война 1992-1993 гг.), и 2) опосредованной трансляцией прошлого через символы и знаки. Последний метод, будучи семиотической дискурсивной стратегией, позволяет компактно вписать исторический контекст в визуально-текстовое пространство поста. Ярким примером символической репрезентации исторической общности служит новость о российских миротворцах в Приднестровье, где неразрывность исторических связей России и региона имплицитно передается через изображение памятника В.И. Ленину на фоне здания Верховного Совета в Тирасполе (Приложение 5, рис. 6). Данный символ отсылает к советскому периоду как эпохе единого государства. Таким образом, ограниченность возможностей прямой исторической реконструкции в формате ВКонтакте компенсируется фокусировкой на ключевых событиях-триггерах и активным использованием семиотических стратегий (символов, фреймов), которые и становятся основным объектом анализа на следующем уровне дискурса.

Анализ стратегий фрейминга, прайминга и формирования повестки дня в новостных сообществах ВКонтакте, посвященных грузино-абхазскому, грузино-южноосетинскому и молдавско-приднестровскому конфликтам за период 2014-2024 гг., позволяет выявить устойчивые элементы репрезентации, направленные на легитимацию политической роли России и формирование специфического восприятия у целевой аудитории. Теоретической основой анализа выступают ключевые концепции дискурс-анализа: *фрейминг* (Э.

Гоффман²¹⁶, Р. Энтман²¹⁷), понимаемый как отбор и акцентирование определенных аспектов реальности для направления интерпретации; *прайминг* (С. Айенгар²¹⁸), трактуемый как влияние предшествующей информации на восприятие и оценку последующих событий; и *повестка дня* (М. Маккомбс, Д. Шоу²¹⁹), рассматриваемая как совокупность тем, которым СМИ придают значимость.

В процессе анализа было выявлено несколько доминирующих конструктов, систематически воспроизводимых в освещении всех трех конфликтов. Центральным и сквозным фреймом неизменно выступает «Россия как защитник и гарант стабильности». Данный фрейм проявляется через следующие устойчивые нарративы и семиотические маркеры: акцентирование роли России в прекращении вооруженной агрессии (прекращение войны в Южной Осетии в 2008 г. преподносится как решающее вмешательство России-«миротворца», спасителя осетинского и абхазского народов); подчеркивание военного сотрудничества и гарантий безопасности (детальное освещение подписания соглашений о модернизации вооруженных сил Абхазии, обсуждение планов создания пункта базирования ВМФ России в Абхазии в 2023 г., постоянные упоминания о роли российских миротворцев в Приднестровье как «единственного сдерживающего фактора», особенно после заявления лидера Приднестровья в 2017 г. о неизбежности войны в случае их вывода); репрезентация дипломатической поддержки и признания (освещение визитов высших российских лиц – визит В. Путина в Абхазию в 2017 г. подается как свидетельство стратегического партнерства; признание независимости Абхазии и Южной Осетии Россией в 2008 г. и Сирией в 2018 г. как укрепление международного статуса; признание Абхазией независимости

²¹⁶ Goffman, E. *Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates* / E. Goffman. - New York: Anchor Books, 1961. - 386 p.

²¹⁷ Entman, R. M. *Framing: Toward clarification of a fractured paradigm* // *Journal of Communication*. - 1993. - Vol. 43, No. 4. - P. 51-58.

²¹⁸ Iyengar, S. *Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues* / S. Iyengar. - Chicago: University of Chicago Press, 1991. - 206 p.

²¹⁹ McCombs, M. E., Shaw, D. L. *The Evolution of Agenda-Setting Research: Twenty-Five Years in the Marketplace of Ideas* / M. E. McCombs, D. L. Shaw // *Journal of Communication*. - 1993. - Vol. 43, No. 2. - P. 58-67.

ЛНР и ДНР в 2022 г. как акт солидарности); и нарратив о противодействии внешним угрозам (Россия изображается как щит против «международного давления» и «агрессии»). Интенсивность и конкретные проявления этого фрейма варьируются в зависимости от конфликта и периода: в Абхазии и Южной Осетии он тесно связан с памятью о войне 2008 г., в Приднестровье – с нарративом «украинской угрозы» (особенно после заявлений П. Порошенко в 2014 г. о запрете пропуска российских военных и А. Арестовича в 2022 г. о возможности захвата Приднестровья) и «экономической блокады» со стороны Молдавии (отмена льгот в 2024 г.), неизменно завершаясь риторикой зависимости от российской помощи и защиты, как в обращении приднестровских депутатов к России в 2024 г.

Неразрывно связанным с первым и его логическим обоснованием выступает фрейм «*Легитимность независимости / Воля народа*». Он строится на регулярном апеллировании к институту референдума как высшему выражению народного суверенитета. В дискурсе об Абхазии и Южной Осетии систематически упоминаются референдумы о независимости (1999, 2006, 2008 гг.), преподносимые как неоспоримое доказательство свободного волеизъявления населения, что используется для обоснования правомерности их статуса и критики любых попыток Грузии восстановить контроль («жители этих республик неоднократно высказывались за независимость»). Аналогично, в приднестровском контексте ключевую роль играет референдум 2006 года. Этот фрейм служит мощным инструментом легитимации, как отмечает Чой, часто использующим этическую риторiku для оправдания политических позиций²²⁰. Практика постоянного прайминга этих референдумов (например, в посте от 26.08.2017, где они упоминаются как «доказательство воли народа») формирует у аудитории устойчивое представление о легитимности статуса республик, предопределяя восприятие

²²⁰ Choi, J., Boyle, M. P., Keum, H., Shevy, M. D., McLeod, D. M., Shah, D. V., Pan, Z. Media, terrorism, and emotionality: Emotional differences in media content and public reactions to the September 11th terrorist attacks // Journal of Broadcasting & Electronic Media. - 2003. - Vol. 47, No. 3. - P. 309-327.

любых новых событий (международного непризнания, внутренних протестов) как несправедливого посягательства на законные права.

Третьим универсальным фреймом, формирующим контекст «осажденной крепости» и усиливающим первый, является *«Международное давление / Запад как дестабилизирующий фактор»*. Его практическая реализация предполагает: репрезентацию критики и санкций со стороны США, НАТО и ЕС (осуждение США военного соглашения Россия-Абхазия в 2018 г.; непризнание ЕС приднестровских паспортов; заявления НАТО о непризнании независимости республик; реакция ЕС на паспорта, выданные в Абхазии); изображение поддержки Западом прозападного курса Грузии и Молдавии как инструмента давления на республики и Россию («Запад пытается использовать Грузию для создания «второго фронта» против России»); и конструирование образа единой враждебной коалиции, стремящейся к изоляции республик и ослаблению российского влияния в регионе. Эффект этого фрейма, как и предсказывает теория «враждебного медиаэффекта»²²¹, заключается в том, что аудитория склонна воспринимать любые действия Запада как изначально предвзятые и враждебные, что активно используется для консолидации пророссийских настроений и усиления антизападных чувств. Подача заявлений грузинских политиков (например, премьер-министра Ираклия Гарибашвили о примирении) исключительно через призму скепсиса является ярким проявлением действия этого фрейма и упомянутого медиаэффекта.

Помимо универсальных фреймов, анализ выявляет специфичные конструкты, отражающие локальные особенности. Для Абхазии ключевым специфическим фреймом становится *«Внутренняя нестабильность»*, особенно ярко проявившаяся в 2024 году. Он выявляется через детальное освещение внутренних политических кризисов, таких как массовые протесты,

²²¹ Vallone, R. P., Ross, L., Lepper, M. R. The hostile media phenomenon: Biased perception and perceptions of media bias in coverage of the Beirut massacre // Journal of Personality and Social Psychology. - 1985. - Vol. 49 (3). - P. 577-585.

вызванные инвестиционным соглашением с Россией, требования отставки президента Аслана Бжании, его уход в отставку и назначение досрочных выборов. Этот фрейм репрезентирует Абхазию как уязвимое государство, где внутренние противоречия угрожают безопасности и развитию, косвенно усиливая аргумент о необходимости внешней опоры в лице России. Для Приднестровья критически важным является фрейм «Украинская угроза», формируемый с 2014 года (после заявления Порошенко о запрете пропуска российских военных) и резко усилившийся в 2022-2023 гг. на фоне общерегиональной напряженности. Он воплощается в репрезентации диверсий и терактов в регионе (подрыв антенн радицентра, атаки на военные объекты) с утверждениями о «украинском следе» (заявления президента Приднестровья), а также заявления украинских официальных лиц (А. Арестович) о возможности силовых действий. Этот фрейм напрямую работает на усиление фрейма «Россия-защитник». Фрейм «Экономическая блокада и дискриминация» также специфичен для Приднестровья, он достигает пика в 2024 году в связи с отменой льгот для приднестровских компаний и сообщениями о препятствиях для голосования русскоязычных граждан на выборах РФ, формируя тем самым образ Молдавии как проводника экономического «удушья» и русофобии. В контексте Южной Осетии более выражен фрейм «Грузия как агрессор», основанный на событиях 2008 года и периодических инцидентах на границе, постоянно актуализируемый через прайминг. Фрейм «Гуманитарная помощь» (например, освещение гуманитарных конвоев в Донбасс в 2014 году) присутствует во всех контекстах, но чаще как вспомогательный элемент для этической легитимации основной роли России, а не как самостоятельная доминанта повестки.

Анализ фреймов в освещении грузино-абхазского конфликта (например, «Россия как защитник») согласуется с концепцией дискурсивного

конструирования социальной реальности²²². Как отмечает И. В. Юрченко, медиадискурс формирует «социально разделяемые ментальные репрезентации»²²³, что объясняет устойчивость пророссийских нарративов в сообществах ВКонтакте. В отличие от её исследования, фокусирующегося на Юге России, настоящее исследование выявляет специфику фрейминга непризнанных государств, где акцент на «гуманитарной помощи» и «исторической справедливости» усиливает легитимацию их статуса.

Механизм прайминга выступает фундаментальным инструментом закрепления указанных фреймов и формирования устойчивых когнитивных схем у аудитории. Постоянная актуализация ключевых травматичных или знаковых событий прошлого создает мощный фильтр для восприятия текущих новостей. *Исторический прайминг* войны 1992-1993 гг. в Абхазии и особенно войны 2008 года в Южной Осетии является основой для интерпретации любых современных событий в регионе через призму прошлой агрессии и спасительной роли России. Сравнения, проводимые российскими политиками (например, Д. Медведевым в августе 2023 г., связавшим войну в Южной Осетии с боями на Украине), напрямую работают на этот вид прайминга, активируя схемы «жертва-агрессор-защитник». *Институциональный прайминг* постоянным упоминанием референдумов о независимости (как в Абхазии/ЮО, так и в Приднестровье в 2006 г.) формирует у аудитории восприятие их результатов как абсолютной и неизменной истины, легитимирующей текущий статус республик и делающей любые альтернативные сценарии немислимыми. *Событийный прайминг* такими эпизодами, как воссоединение Крыма с Россией в 2014 г., создал в Приднестровье волну ожиданий возможной аналогичной интеграции, которая, хотя и не реализовалась, продолжает влиять на восприятие отношений с Россией. Прайминг не только направляет внимание, но и задает

²²² Юрченко, И. В. Теория дискурса как методология конфликтологического анализа региональных этнополитических процессов / И. В. Юрченко // Социально-политические науки. - 2023. - Т. 13, № 1. - С. 15-20.

²²³ Там же. С. 17.

эмоциональную окраску, способствуя формированию чувств тревоги, недоверия к оппонентам и солидарности с позицией России.

Динамика *повестки дня* за десятилетие (2014-2024 гг.) демонстрирует гибкость в применении указанных фреймов, их адаптацию к изменяющемуся политическому контексту и региональным кризисам, при сохранении неизменного ядра – доминирования фрейма «Россия-защитник». В ходе анализа данной динамики было выделено несколько этапов. *Начальный этап (2014-2016 гг.)* прошел под знаком событий на Украине и в Крыму. Повестка была сфокусирована на укреплении образа России как победителя и защитника (юбилей победы 2008 г. в Южной Осетии/Абхазии, память о жертвах), признании независимости республик и формировании нарратива «украинской угрозы» для Приднестровья. Гуманитарный фрейм (помощь Донбассу) также активно использовался для этической легитимации. *Средний этап (2017-2021 гг.)* характеризовался относительной стагнацией в урегулировании конфликтов. В Абхазии и Южной Осетии акцент сместился на демонстрацию стратегического партнерства (визит Путина в Абхазию в 2017 г.) и обсуждение возможных интеграционных сценариев (референдумы о присоединении Южной Осетии к России). В Приднестровье на первый план вышли попытки диалога с Молдавией и обсуждение экономических трудностей, хотя фрейм «Российской защиты» (напр., заявление лидера о роли миротворцев в 2017 г.) оставался ключевым. Критика Запада продолжалась, но была менее острой. *Этап эскалации (2022-2023 гг.)* был обусловлен началом полномасштабных боевых действий на Украине. Повестка резко приобрела конфронтационный характер: усилился фрейм «Украинской угрозы» для Приднестровья (теракты, заявления Арестовича); фрейм «Международного давления» достиг максимума во всех контекстах (санкции, непризнание, поддержка Грузии/Молдавии Западом); актуализировался фрейм «Внутренней нестабильности» в Абхазии на фоне общей напряженности; признание Абхазией ЛНР/ДНР подчеркнуло солидарность. Фрейм «Россия-защитник» получил новое звучание в контексте

противостояния с «коллективным Западом». *Заключительный этап (2024 г.)* отмечен выходом на первый план внутренних и экономических вызовов: протесты в Абхазии из-за инвестиционного соглашения с Россией и последующая отставка президента Бжании ярко актуализировали фрейм «Внутренней нестабильности»; «Экономическая блокада» Приднестровья Молдавией (отмена льгот) и дискурс о русофобии выдвинули экономический аспект конфликта на передний план. Однако реакция на эти кризисы в медиадискурсе неизменно апеллирует к фрейму «Россия-защитник» (обращение приднестровских депутатов, ожидание российской реакции на протесты в Абхазии), подтверждая его центральную и стабилизирующую роль в предлагаемой нарративной конструкции.

Таким образом, комплексный анализ фрейминга, прайминга и динамики повестки дня в новостных сообществах ВКонтакте позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, выявлен устойчивый набор сквозных фреймов («Россия как защитник», «Легитимность независимости / Воля народа», «Международное давление / Запад как дестабилизирующий фактор»), систематически применяемых для освещения всех трех конфликтов, что свидетельствует о единой стратегической линии медиадискурса. Во-вторых, идентифицированы специфичные фреймы («Внутренняя нестабильность» для Абхазии, «Украинская угроза» и «Экономическая блокада/Дискриминация» для Приднестровья, «Грузия как агрессор» для Южной Осетии), отражающие локальные особенности и текущие вызовы. В-третьих, прайминг (исторический, институциональный, событийный) проявился как ключевой механизм закрепления нужных интерпретационных схем и эмоционального воздействия на аудиторию. В-четвертых, динамика повестки демонстрирует адаптацию применения этих фреймов к макрополитическому контексту (Крым, Украина-2022) и локальным кризисам (протесты в Абхазии-2024, блокада Приднестровья-2024), при неизменном ядре – доминировании и постоянном воспроизводстве образа России как незаменимого гаранта безопасности и легитимности непризнанных республик

перед лицом внешних угроз и внутренних потрясений. Этот дискурс, согласно теории Н. Фейерклафа²²⁴, активно конструирует властные отношения и социальную реальность, формируя у целевой аудитории ВКонтакте устойчивое восприятие России как единственной силы, способной обеспечить стабильность и защитить интересы союзных республик в условиях перманентного международного давления и внутренних вызовов, тем самым легитимируя ее политику в регионе.

Переходя к следующему уровню анализа в рамках предложенной модели медийного дискурса этнополитических конфликтов, мы исследуем конкретные лингвистические приемы и стратегии, используемые в новостных постах ВКонтакте для репрезентации событий вокруг Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья. Этот уровень поддерживает дискурсивные фреймы, выявленные ранее, и непосредственно формирует восприятие аудитории. Как подчеркивает Р. Водак, лингвистические выборы не нейтральны; они конструируют социальную реальность, легитимируют одни действия и делегитимируют другие, активно участвуя в борьбе за символическую власть²²⁵. Анализ выявил комплекс взаимосвязанных стратегий, применяемых с высокой степенью регулярности.

Эвфемизация и дисфемизация выступают фундаментальными инструментами управления восприятием. *Эвфемизмы* смягчают или маскируют действия, которые могут вызвать негативную реакцию или критику со стороны аудитории или международного сообщества. Классическим примером является замена термина «военные действия» на «принуждение к миру» при описании российской операции в Южной Осетии в 2008 году. Эта фраза имплицитно несет идею благородной цели (установление мира), снимая акцент с самого факта применения силы. В контексте Приднестровья эвфемизмом служит выражение «ситуация может

²²⁴ Fairclough, N. *Language and Power* / N. Fairclough. - 2nd ed. - Harlow : Longman, 2001. - 226 p.

²²⁵ Wodak, R., Busch, B. *Approaches to media texts* / R. Wodak, B. Busch // *Handbook of Media Studies* / ed. by J. Downing, D. McQuail, P. Schlesinger, E. Wartella. - Thousand Oaks ; London ; New Delhi : Sage, 2004. - P. 105-123.

выйти из-под контроля» для обозначения риска открытого вооруженного конфликта, а также термин «реализация мер по защите Приднестровья», заменяющий прямое указание на возможное военное вмешательство России. *Дисфемизмы*, напротив, используются для усиления негативных коннотаций действий оппонентов и создания их отталкивающего образа. Яркими примерами служат выражения в отношении стран НАТО: «принуждает Грузию вступить в военный конфликт» (подразумевая манипуляцию и агрессивность Запада); «режим Зеленского» (Украина, 16.03.2023 – указание на нелегитимность/авторитаризм); «грубое нарушение прав» (действия Молдавии, 08.11.2024). Широко применяются уничижительные номинации, такие как «русофобы» для критиков российской политики, напрямую формируя негативный образ противника через апелляцию к этнической или культурной враждебности. Эта стратегия напрямую связана с фреймом «Международное давление / Запад как дестабилизирующий фактор» и «Русофобия» (для Приднестровья), делегитимируя оппонентов.

Этнофолизация и поляризация языка служат ключевыми стратегиями создания образа «чужого» и усиления внутригрупповой солидарности. *Этнофолизация* проявляется в систематическом использовании этнически маркированной лексики для обозначения противника, часто в сочетании с негативными эпитетами: «грузинские войска» (08.08.2020), «грузинская агрессия» (08.08.2017), «грузинские радикалы» (05.10.2022), стремящиеся «отбить Абхазию и Южную Осетию». Такой язык активизирует негативные этнические стереотипы и формирует устойчивое представление о грузинской стороне как об извечном агрессоре и враге, что напрямую подпитывает фрейм «Грузия как агрессор». *Поляризация языка* конструирует жесткую бинарную оппозицию «мы» (Россия, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье – мирные, законные, защищающиеся) против «они» (Грузия, Молдавия, Украина, Запад – агрессивные, нелегитимные, дестабилизирующие). Это проявляется как в прямых противопоставлениях («Грузия начала операцию... с целью уничтожить... Южную Осетию» – 08.08.2017), так и в описании внутренней

ситуации у оппонентов: общество Молдавии изображается как «разделенное на два непримиримых лагеря» (04.11.2024), а жители непризнанных республик – как «заложники конфликтов». Эта стратегия визуализирует конфликт как противостояние добра и зла, усиливая эмоциональную вовлеченность аудитории на стороне «мы».

Метафоризация служит инструментом концептуализации абстрактных или сложных политических реалий в осязаемых, эмоционально заряженных образах, формируя глубинные когнитивные схемы восприятия²²⁶. Военные/Конфликтные метафоры доминируют: «отбитие под шумок» (возможность Грузии вернуть территории – создает образ коварства); «экономическая блокада» (Приднестровье, 28.02.2024 – ассоциация с военной осадой и жестокостью); «силовой захват» (действия Украины/Молдавии, 23.12.2024); «искусственные проблемы» (там же, 08.11.2024); «Киев хочет разжечь военные конфликты» (образ поджигателя). Метафоры Угрозы/Нестабильности: «Температура кипения» (уровень напряженности); «Дорога к мировой войне через Приднестровье» (апокалиптический образ потенциальной эскалации). Метафоры Нелегитимности/Несостоятельности: «Министры в песочнице» (неэффективность чиновников Украины и Молдовы – инфантилизация); «собачья свора» (хаотичная агрессия противников, 28.09.2022 – дегуманизация). Метафоры Легитимности/Порядка: «Цивилизованный развод» (возможное отделение Приднестровья – придание процессу законности и миролюбия); «Россия преподавала Канаде урок современной географии» (утверждение силы и превосходства России, 2017). Метафоры не просто описывают, они *формируют* понимание событий, направляя интерпретацию в нужное русло и связываясь с ключевыми фреймами («Украинская угроза», «Агрессор», «Россия-Защитник»).

Как показало исследование Родионовой и Балан, в постсоветских СМИ после 2010 г. доминирует нейтральный стиль освещения этнических

²²⁶ Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. - Chicago: University of Chicago Press, 1980. - 242 p.

конфликтов, что контрастирует с эмоциональной драматизацией 1990-х²²⁷. Однако в новостных сообществах «ВКонтакте» сохраняются элементы сенсационности (например, заголовки типа «Горькая абхазская правда»), что подчёркивает специфику соцсетей как пространства эмоционального вовлечения. Сенсационность, эмоциональные апелляции и сарказм активно используются для привлечения внимания, драматизации событий и усиления эмоционального воздействия на аудиторию, например, «Горькая абхазская правда» (12.12.2015 – намек на скрываемую трагедию); «Грузия резко отреагировала на визит Путина в Абхазию» (08.08.2017 – акцент на иррациональной агрессии); «Не виновная Молдавия» (13.12.2017 – игра слов, обвинение); «Незалежная» (Украина, 18.12.2021 – сарказм по поводу декларируемой независимости). Эмоциональные апелляции используются для описания Приднестровья как «лакомого куска» (вызывает чувства жадности и несправедливости по отношению к оппонентам). Сарказм и ирония служат инструментом критики и снижения легитимности оппонентов: «Запад готовит Молдавию к прогулке по антироссийским граблям» (намек на predetermined неудачу и глупость следования за Западом); используются ироничные номинации («Незалежная», «Не виновная»). Эти стратегии напрямую работают на прайминг, усиливая эмоциональную вовлеченность (тревогу, гнев, презрение) и закрепляя негативное восприятие противника.

Тональность и стиль новостных постов преимущественно сочетают официально-деловые элементы с пропагандистскими и эмоционально-оценочными вкраплениями. Формальные, юридически обоснованные формулировки («для защиты законности и конституционного порядка», «обеспечение безопасности граждан») используются для описания действий России и союзных республик, подчеркивая их легитимность и законность. Одновременно, при описании действий оппонентов и в эмоционально

²²⁷ Родионова, Е. В., Балан, К. А. Репрезентация этнического конфликта в средствах массовой информации в постсоветский период / Е. В. Родионова, К. А. Балан // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. - 2020. - № 2. - С. 519-534.

заряженных контекстах (особенно в заголовках, комментариях, описании угроз) тон резко сдвигается в сторону обвинительного, драматичного или саркастического, характерного для пропагандистского стиля. Эта двойственность позволяет одновременно апеллировать к разуму (через объективные формулировки) и эмоциям (через оценочность и драматизацию).

Тезис Родионовой и Балан²²⁸ о дисфемизации оппонентов («русофобы», «режим Зеленского») находит развитие в нашем материале: во ВКонтакте она сочетается с гиперболизацией («собачья свора») и сарказмом («незалежная»), что усиливает поляризацию. Однако если в традиционных СМИ эвфемизация действий России («миротворческая операция») носит сдерживающий характер, то в соцсетях она активно комбинируется с визуальной агрессией (фото техники, карты «горячих точек»). Хотя базовый набор лингвистических стратегий един для освещения всех трех конфликтов, наблюдаются и контекстные различия. В грузино-абхазском и грузино-южноосетинском конфликтах наиболее выражены этнофолизация (постоянная этническая маркировка грузинской стороны) и военные метафоры, связанные с памятью о войнах 1990-х и 2008 г. Поляризация («мы» - жертвы/защитники vs «они» - агрессоры) здесь особенно сильна. В молдавско-приднестровском конфликте, где этнический фактор выражен слабее, на первый план выходят метафоры экономического давления/блокады, дисфемизмы, направленные на Украину («режим Зеленского») и Молдавию («мафиозное государство»), а также сарказм. Стратегия конструирования «Украинской угрозы» (дисфемизмы, метафоры агрессии) уникальна для приднестровского контекста. Эвфемизация действий России и союзных республик, дисфемизация действий Запада и оппонентов, сенсационность и поляризация являются универсальными инструментами для всех трех конфликтов.

Таким образом, лингвистические стратегии в новостных сообществах ВКонтакте выступают не просто инструментами описания, а важными

²²⁸ Там же.

механизмами конструирования специфической версии реальности постсоветских конфликтов. Через эвфемизацию и дисфемизацию легитимируются одни действия и делегитимируются другие. Этнофолизация и поляризация языка создают четкие образы «своих» и «чужих», усиливая внутригрупповую солидарность и враждебность к оппонентам. Метафоры формируют глубинные когнитивные схемы восприятия сложных политических процессов. Сенсационность, эмоциональные апелляции и сарказм привлекают внимание, драматизируют события и закрепляют эмоциональное отношение. Официально-деловая тональность в сочетании с пропагандистскими и эмоциональными элементами формирует объективность при выражении четкой оценочной позиции. Эти стратегии находятся в тесной взаимосвязи и взаимном усилении с ранее выявленными дискурсивными фреймами («Россия-защитник», «Агрессор», «Международное давление» и др.) и механизмом прайминга, образуя комплексную систему медийного конструирования реальности, которая последовательно легитимирует роль России как гаранта стабильности и защитника интересов непризнанных республик, формируя соответствующее общественное мнение у целевой аудитории социальной сети. Как отмечает ван Дейк, такой дискурс является формой социального контроля, воспроизводящего существующие властные отношения²²⁹.

Семиотический уровень анализа представляет собой следующий, более глубокий слой в предложенной модели медийного дискурса этнополитических конфликтов, тесно интегрированный с лингвистическим, но обладающий своей спецификой. В то время как лингвистика фокусируется на структуре и функционировании языковых знаков (фонетика, морфология, синтаксис, семантика), семиотика в традициях Ф. де Соссюра и Ч.С. Пирса изучает любые знаковые системы — вербальные, визуальные, поведенческие — в их социальном и культурном контексте, исследуя, как знаки порождают смыслы

²²⁹ Dijk, T. A. van. Critical discourse analysis / T. A. van Dijk // The Handbook of Discourse Analysis / ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton. - Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2003. - P. 352-371.

и конструируют реальность. Язык, таким образом, выступает подсистемой более широкого семиозиса, а семиотический анализ позволяет выявить скрытые культурные коды, символы, мифы и нарративы, лежащие в основе явного содержания текста и формирующие глубинные структуры понимания у аудитории²³⁰. Этот уровень не только операционализирует, но и обогащает ранее выявленные дискурсивные фреймы и лингвистические стратегии, раскрывая механизмы их культурного закрепления и эмоционального воздействия. Анализ медиатекстов ВКонтакте о грузино-абхазском, грузино-южноосетинском и молдавско-приднестровском конфликтах отчетливо демонстрирует разделение на уровни смыслопорождения. На денотативном (буквальном, явном) уровне сообщаются конкретные факты: признание независимости Абхазии и Южной Осетии Россией в 2008 году, сокращение финансовой помощи, пограничные инциденты с Грузией, визиты российских политиков (например, В. Путина в Абхазию в 2017 г.), протесты в Абхазии в 2024 году, террористические акты в Приднестровье в 2022-2023 гг., экономические меры Молдавии (отмена льгот в 2024 г.), заявления политиков. Однако основную идеологическую нагрузку несет коннотативный (скрытый, культурно-оценочный) уровень, формирующий устойчивые интерпретации и образы: Абхазия и Южная Осетия предстают как благодарные, но стремящиеся к суверенитету младшие партнеры, чья независимость всецело зависит от России, причем даже их сопротивление (например, отказ от законов, облегчающих покупку недвижимости россиянами) подается в рамках отношений «старший брат – младший брат», где Россия как «старший» может проявлять «строгость»; этот образ подкрепляется романтизированными, но подчеркивающими зависимость культурными кодами, такими как поэтическое название Абхазии «Страна души», упоминания ее «волшебной природы» или мандаринов. Приднестровье репрезентируется как

²³⁰ Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. - М.: Изд-во МГУ, 1987. - С. 387-422., Эко, У. Vertigo. Круговорот образов, понятий, предметов / У. Эко. - М.: Слово, 2009. - 408 с.

неотъемлемая часть «Русского мира», форпост русской культуры и политики под постоянной угрозой, чей статус маркируется ключевыми знаками — референдумом 2006 года, присутствием русскоязычного населения, российских миротворцев — и нарративом «братского народа», подчеркивающим историко-культурную неразрывность с Россией. Грузия и Молдавия изображаются как слабые, несамостоятельные государства, «разрывающиеся» между пророссийскими и прозападными настроениями, что создает образ внутренней неопределенности, слабости и подверженности внешнему манипулированию, сводя их роль до «инструмента» в руках Запада. Россия же неизменно конструируется в образах «старшего брата», «защитника», «миротворца», «гаранта стабильности» и «источника легитимности», основанных на ключевых событиях (остановка «агрессии» Грузии в 2008 г., миротворческая миссия в Приднестровье с 1992 г.) и их постоянном воспроизводстве; как отмечает Джантеева, исторический дискурс в этнополитических коммуникациях используется для «артикуляции групповых интересов и обоснования политических амбиций»²³¹, что объясняет активное обращение к нарративам о «гаранте стабильности» в медиа. Запад (США, НАТО, ЕС) ассоциируется с агрессией, русофобией, дестабилизацией и стремлением создать «антироссийский пояс нестабильности» — метафору, четко обозначающую его как источник хаоса, — а его критика и санкции интерпретируются исключительно как враждебные действия по ослаблению России и ее союзников.

Семиотический анализ выявляет устойчивые культурные коды, структурирующие повествование и задающие его тональность. Центральным выступает *Патриотический код*, позиционирующий Россию как безусловно положительную силу, защитника и покровителя через фразы типа «Россия дала будущее Абхазии/Южной Осетии/Приднестровью», визуальное присутствие российских флагов на праздниках независимости союзных

²³¹ Джантеева, Д. С. Анализ историко-дискурсивных практик этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе / Д. С. Джантеева // Дискурс-Пи. - 2017. - Т. 14, № 2. - С. 85-92.

республик (Приложение 5, рис. 4,5) и постоянное подчеркивание роли российских миротворцев как гарантов мира, что напрямую коррелирует с фреймом «Россия как защитник». *Конфликтный код* пронизывает все тексты, создавая атмосферу перманентной угрозы и нестабильности через упоминания прошлых войн (1992-1993, 2008), пограничных инцидентов, террористических актов (Приднестровье), «экономической блокады», заявлений о «новых войнах» (параллели с Донбассом) и использование символов угрозы («горячая точка», «линия фронта между Россией и США» – 16.12.2017, «точка пересечения геополитических интересов» – 16.12.2017), формируя нарратив осажденной крепости с Россией в роли единственного щита и обслуживая фреймы «Угроза безопасности», «Международное давление», «Украинская угроза», «Агрессор»; постоянная актуализация прошлых конфликтов, соответствующая «тяготению к прошлому», создает основу для восприятия текущих событий через призму «исторической травмы». *Культурный код* (Локальная идентичность/Зависимость) используется для создания специфического, часто романтизированного образа непризнанных республик («Страна души» для Абхазии, упоминания уникальной природы, традиций вроде тостов за дружбу), который неизменно сопровождается акцентами на их уязвимости и зависимости от российской поддержки, подчеркивая отличие от «материнских» государств (Грузия, Молдавия) и обосновывая необходимость связи с Россией. *Код «Русского мира»* (особенно актуальный для Приднестровья) активно задействует знаки русской культурной и политической принадлежности — русский язык, памятники советской эпохи (например, памятник Ленину в Тирасполе), российских миротворцев, референдумы — конструируя Приднестровье как анклав России и усиливая фреймы «Российская защита» и «Русофобия/Дискриминация»; коннотативные смыслы, описанные Родионовой и Балан²³² для СМИ (например, образ России

²³² Родионова, Е. В., Балан, К. А. Репрезентация этнического конфликта в средствах массовой информации в постсоветский период / Е. В. Родионова, К. А. Балан // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. - 2020. - № 2. - С. 519-534.

как «защитника»), во ВКонтакте визуализируются через символы-маркеры (совместное использование флагов, памятники), создавая «семиотический ансамбль», где исторические коды («Русский мир») усиливают легитимность текущей политики.

Тексты строятся вокруг стержневых нарративов, структурирующих восприятие конфликта. *Нарратив Защиты и Зависимости* рисует Россию защитником (военным, политическим, гуманитарным) уязвимых республик (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье) от внешней агрессии (Грузия, Запад, Украина) и внутренней нестабильности, представляя республики зависимыми, но благодарными получателями защиты. *Нарратив Легитимности и Воли Народа* обосновывает независимость через референдумы (ключевой символ народного волеизъявления) и историческую правоту, противопоставляя их «нелегитимному» давлению Грузии/Молдавии и Запада, что визуализируется символами государственности (флаги республик на праздничных фото, Приложение 5, рис. 4,5). *Нарратив Внешней Угрозы и Нестабильности* воспроизводит знаки опасности: военную технику (Приложение 5, рис. 1, 2), «горячие точки», даты войн (особенно мощный символ трагедии и триумфа — 08.08.08 для Южной Осетии и Абхазии, аккумулирующий память о нападении Грузии и спасении Россией), сообщения о терактах в Приднестровье, создавая атмосферу перманентной опасности. *Нарратив «Русского мира»* (для Приднестровья) подчеркивает культурно-историческую общность с Россией через символы общего прошлого (памятники, советское наследие) и настоящего (миротворцы, язык), противопоставляя их «чужеродному» влиянию Молдавии и Украины.

Современный медиатекст в ВКонтакте представляет собой комплексный семиотический ансамбль, мультимедийный контент, где вербальный компонент взаимодействует с визуальным (фото, видео, инфографика) и интерактивным (ссылки, хэштеги) для усиления воздействия, причем статистика (83% постов с фото) подтверждает критическую важность визуализации. В большинстве случаев логика ее выбора понятна: если речь

идет о какой-то стране – представляют ее флаг, если приводятся слова политика – его фотографию. Однако есть и более сложные изображения, акцентирующие внимание на различных аспектах конфликта, способствуя конструированию определенных нарративов.

Например, военная составляющая конфликта передается через изображения, показывающие концентрацию военной техники и упоминания о потенциальных силовых решениях. Эти визуальные репрезентации подчеркивают атмосферу угрозы и опасности, заставляя общественность ощущать неуверенность и напряженность в регионе. Так, новость об эскалации приднестровского конфликта сопровождается изображением горящей техники (Приложение 5, рис. 1).

Фотография выстроенных в ряд военных передает атмосферу возрастающей угрозы. Она акцентирует внимание на возможных военных действиях. Зритель погружается в состояние тревоги, что усиливается средствами визуального фрейминга, способствующими более острому восприятию напряженности (Приложение 5, рис. 2).

Визуальные элементы, связанные с исторической памятью в Южной Осетии, такие как акции памяти с горящими свечами вокруг фотографий погибших, оказывают сильное эмоциональное воздействие. Они способствуют формированию коллективной идентичности и пробуждают чувство потери и скорби (Приложение 5, рис. 3).

Празднование независимости в Абхазии и Южной Осетии через образы радостных лиц и поднятых флагов создает позитивный контекст, усиливая гордость за обретенную независимость. Эти образы формируют повествование, укрепляющее национальную идентичность и легитимность государственности. На обоих фото присутствуют флаги Российской Федерации, что однозначно подчеркивает ее позитивную роль в деэскалации конфликта и стабилизации ситуации (Приложение 5, рис. 4,5).

Сравнительный анализ семиотических стратегий выявляет единство базовых кодов и нарративов (Защита, Зависимость, Легитимность, Внешняя

Угроза, Патриотизм России) при контекстной специфике символов: для Абхазии/Южной Осетии доминируют символы войн (1992-93, 2008), дата 08.08.08, флаги республик в паре с российским, образ «Страны души»/героического сопротивления с выраженным культурным кодом уникальности; для Приднестровья ключевыми являются символы «российских миротворцев» (защита/присутствие), «горячей точки», знаки «Русского мира» (язык, памятники), символы «экономической блокады», с выдвиганием нарратива «Русского мира» на первый план и актуальной визуализацией угрозы (теракты). Семиотический анализ раскрывает глубинные механизмы конструирования смысла в медиадискурсе постсоветских конфликтов. Через взаимодействие денотативных фактов и мощных коннотативных образов, активацию культурных кодов (Патриотический, Конфликтный, Культурный, «Русского мира»), использование ключевых символов (даты, флаги, миротворцы, «горячие точки») и построение стержневых нарративов (Защиты, Зависимости, Легитимности, Внешней Угрозы, «Русского мира») тексты ВКонтакте создают целостную, идеологически нагруженную картину мира, где Россия — «старший брат», защитник и гарант стабильности для уязвимых, но стремящихся к самостоятельности в русле ее интересов республик, противостоящих слабым марионеточным «материнским» государствам и агрессивному русофобскому Западу. Визуальные и мультимедийные элементы выступают активными семиотическими ресурсами, усиливающими эмоциональное воздействие (страх, гордость, скорбь) и визуально закрепляющими ключевые фреймы и нарративы, а весь комплексный семиозис, по Барту²³³, работает на уровне мифологий, натурализуя исторически обусловленные властные отношения и формируя у аудитории специфическое восприятие, соответствующее заданным дискурсивным

²³³ Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. - М. : Изд-во МГУ, 1987. - С. 387-422.

рамкам. Хотя Родионова и Балан²³⁴ фиксируют тенденцию к деэскалации эмоциональности в традиционных СМИ, наши данные свидетельствуют о доминировании конфликтогенных стратегий в социальных сетях, что объясняется спецификой платформы: алгоритмы ВКонтакте поощряют сенсационность, а анонимность допускает радикальную риторику, превращая соцсети в пространство ревитализации дискурса вражды, нивелируемого в печатных СМИ.

Подводя итог, отметим, что анализ дискурсивных стратегий в освещении этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в 2014-2024 гг. демонстрирует устойчивые тренды в медийном повествовании. Россия выступает в роли ключевого защитника и стабилизирующей силы, в то время как Запад изображается как источник угроз и напряжённости. Информационное конструирование конфликтов подкрепляется метафорической выразительностью и символическим наполнением, что способствует формированию устойчивых картин и усилению пророссийской ориентации в общественном мнении. Использование исторических и культурных связей с Россией позволяет углубить нарратив о наличии «русского мира», объединяющего конфликтные регионы. Темы нестабильности и угрозы, насыщенные этими символами, создают в восприятии аудитории явно выраженный образ геополитического противостояния.

2.3 Эффекты медиадискурса при освещении этнополитических конфликтов в онлайн-СМИ за 2014-2024 гг.

Современные исследования медиакоммуникаций все чаще обращаются к анализу медиаэффектов – изменений в знаниях, установках и поведении

²³⁴ Родионова, Е. В., Балан, К. А. Репрезентация этнического конфликта в средствах массовой информации в постсоветский период / Е. В. Родионова, К. А. Балан // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. - 2020. - № 2. – С. 519-534.

аудитории под влиянием информационного контента²³⁵. Социальные сети, будучи ключевой площадкой распространения новостей, не только трансформируют традиционные модели медиавоздействия, но и предоставляют исследователям уникальную возможность для их количественной оценки. В отличие от классических медиа, где измерение эффектов часто опирается на опросы и эксперименты, цифровые платформы, такие как «ВКонтакте», позволяют фиксировать непосредственные поведенческие реакции пользователей через систему встроенных метрик²³⁶.

Анализ пользовательской вовлечённости в социальных сетях активно разрабатывается в современных медиаисследованиях²³⁷²³⁸. В контексте политической коммуникации особое значение приобретают работы, посвящённые взаимодействию аудитории с официальными медиа.

Медиаэффекты в социальных сетях можно условно разделить на когнитивные (например, запоминание информации²³⁹), эмоциональные (выражение одобрения или осуждения через лайки/дизлайки)²⁴⁰ и поведенческие (репосты, комментарии, участие в дискуссиях)²⁴¹. Если первые два типа традиционно требуют качественных методов (интервью, контент-анализ), то последний – поведенческий – поддается точной квантификации благодаря данным платформ.

Для оценки отклика аудитории на новостные публикации применяется система количественных показателей, которые можно условно разделить на две основные группы. Первая группа характеризует *охват* и *видимость* контента, включая такие параметры как *уникальный охват* (количество

²³⁵ McQuail, D. Mass Communication Theory / D. McQuail. - 6th ed. - London: Sage, 2010.

²³⁶ Hootsuite Blog. The 21 Essential Social Media Metrics You Must Track for Success in 2024 // Hootsuite. - URL: <https://blog.hootsuite.com/social-media-metrics/> (дата обращения: 10.08.2025).

²³⁷ Кушнир, А., Кальин, А. Исследование активности аудитории в социальных сетях: Engagement Rate, тренды и паттерны поведения / А. Кушнир, А. Кальин // Popsters. - 2023. - URL: <https://popsters.ru/blog/post/issledovanie-aktivnosti-auditorii-socialnyh-setey> (дата обращения: 20.04.2025).

²³⁸ Чермит, Д. Тренды SMM: как изменилось поведение пользователей после 2022 года / Д. Чермит // VC.ru. - 2024. - URL: <https://vc.ru/smm/> (дата обращения: 20.04.2025).

²³⁹ Potter, W. J. Digital Media Effects / W. J. Potter. - Lanham : Rowman & Littlefield, 2021. - 253 p.

²⁴⁰ Попстерс. Анализ вовлеченности в социальных сетях: как измерить и улучшить показатели // Popsters. - URL: <https://popsters.ru/blog/post/63> (дата обращения: 20.04.2025).

²⁴¹ Там же.

пользователей, увидевших публикацию), который в свою очередь состоит из *подписного охвата* (показы материала подписчикам сообщества) и *вирусного охвата* (просмотры, полученные через репосты). Наряду с этим учитываются общие показы, отражающие суммарное количество отображений поста, включая повторные просмотры.

Вторая группа показателей оценивает *уровень вовлеченности аудитории*. Сюда относятся количественные данные о *лайках* как индикаторах положительной реакции, *комментариях*, отражающих дискуссионную активность пользователей, *репостах*, демонстрирующих степень распространения контента за пределы первоначальной аудитории, а также *сохранениях постов*, свидетельствующих о заинтересованности материалом, и кликах по встроенным ссылкам.

Особое значение имеет комплексный показатель вовлеченности (*Engagement Rate, ER*), который рассчитывается как соотношение суммы лайков, комментариев и репостов либо к охвату публикации, либо к количеству подписчиков сообщества (Формула (1)).

(1)

$$ER = \frac{\text{Лайки} + \text{Комментарии} + \text{Репосты}}{\text{Охват}} \times 100\%$$

Однако его применение имеет ограничения: долгосрочные исследования (как в нашем случае – с 2014 года) сталкиваются с невозможностью точно реконструировать динамику подписной базы. Это смещает фокус на абсолютные значения реакций и их корреляцию с просмотрами, что требует дополнения цифровых метрик качественным анализом смыслового наполнения дискуссий²⁴². В связи с этим основным показателем видимости в данном исследовании выступает количество просмотров, а уровень вовлеченности анализируется через абсолютные значения пользовательских реакций и их соотношение с охватом.

²⁴² Boyd, D., Crawford, K. Critical Questions for Big Data: Provocations for a Cultural, Technological, and Scholarly Phenomenon // Information, Communication, & Society. - 2012. - Vol. 15. - P. 662-679.

Предложенная система метрик позволяет количественно оценить как масштаб распространения новостных сообщений об этнополитических конфликтах, так и характер эмоционального и дискуссионного отклика аудитории. Такой подход представляется методологически обоснованным для изучения особенностей медиапотребления и формирования общественного мнения в цифровой среде российского сегмента социальных сетей.

В рамках данного исследования для анализа из 810 постов были отобраны те новостные сообщения, которые имели показатель вовлеченности более 1%. Их оказалось 70, и распределились они согласно Таблице 2.

Таблица 2 - Количество постов по каждому конфликту.

Название конфликта	РИА Новости	РБК	Новости RT на русском	Комсомольская правда - KP.RU	Всего
Грузино-югоосетинский конфликт	7	7	4	3	21
Грузино-абхазский конфликт	6	8	10	5	29
Молдавско-приднестровский конфликт	7	6	7	0	20
Всего	20	21	21	8	70

Результаты выявили ряд значимых закономерностей. Прежде всего, подтвердилось первоначальное наблюдение о неравномерном распределении внимания аудитории между тремя основными конфликтными зонами. Публикации, посвященные грузино-абхазскому противостоянию, составили абсолютное большинство в выборке – 41.4% (29 из 70 постов). На грузино-югоосетинский конфликт пришлось 30.0% материалов (21 пост), а на молдавско-приднестровский – 28.6% (20 постов). Это количественно подкрепляет тезис о наибольшем медийном резонансе абхазской проблематики в исследуемый период. Однако расчет среднего значения Engagement Rate по конфликтам внес важный нюанс: если грузино-абхазская тема лидирует по количеству «вирусных» публикаций (средний ER=1.55%), то максимальный *средний* уровень вовлеченности был зафиксирован для

публикаций о Южной Осетии (1.64%), несмотря на их меньшее общее число. Наименьший средний ER (1.38%) характерен для материалов по Приднестровью, что указывает на относительно более сдержанную реакцию аудитории в среднем по этому кейсу.

Таблица 3 - Распределение публикаций и средний ER по тематическим категориям.

Тематическая категория	Кол-во постов	Доля от выборки	Средний ER	Наиболее релевантный конфликт
Политический кризис в Абхазии 2024	22	31.4%	1.58%	Абхазия
Присоединение к России	15	21.4%	2.01%	Южная Осетия, Приднестровье
Сотрудничество с Россией	12	17.1%	1.46%	Все
Украинские события	8	11.4%	1.35%	Приднестровье, Абхазия
История	5	7.1%	1.36%	Южная Осетия, Абхазия
Отношения с Грузией/Молдовой	3	4.3%	1.18%	Приднестровье, Абхазия
Эскалация конфликта	3	4.3%	1.23%	Приднестровье, Абхазия
Российские миротворцы	2	2.9%	1.84%	Приднестровье
Признание независимости	1	1.4%	1.02%	Абхазия
Итого	70	100%	1.34%	

Группировка публикаций по тематическим категориям позволила выявить четкую иерархию пользовательского интереса, выраженную в показателях ER. Доминирующей по представленности категорией (31.4% выборки, 22 поста) стал «Политический кризис в Абхазии 2024», что подчеркивает высокую актуальность этой темы в завершающий период

исследования, со средним ER 1.58%. Однако ключевым выводом является то, что категория «Присоединение к России» (15 постов, 21.4% выборки), релевантная прежде всего для Южной Осетии и Приднестровья, продемонстрировала наивысший средний Engagement Rate – 2.01%, существенно превышая общий средний показатель по выборке (1.34%). Это служит статистическим подтверждением выдвинутого ранее тезиса о максимальной эмоциональной и политической заряженности именно вопросов изменения политического статуса непризнанных республик для российской интернет-аудитории. Тема «Российские миротворцы» (2 поста), хотя и представлена ограниченно, также показала результат выше среднего (1.84%). Категории «Сотрудничество с Россией» (12 постов, средний ER=1.46%), «История» (5 постов, 1.36%), «Украинские события» (8 постов, 1.35%), «Отношения с Грузией/Молдовой» (3 поста, 1.18%) и «Эскалация конфликта» (3 поста, 1.23%) располагались на более низких ступенях иерархии вовлеченности. Категория «Признание независимости» (1 пост) имела ER 1.02%.

Анализ распределения публикаций с высокой вовлеченностью по источникам выявил особенности роли различных СМИ в освещении конфликтов. Основными генераторами контента, вызвавшего активный отклик (ER>1%), выступили РБК и Новости RT на русском (по 30.0% от выборки, 21 пост каждый), а также РИА Новости (28.6%, 20 постов). При этом, что примечательно, издание "Комсомольская правда" (KP.RU), несмотря на значительно меньшее представительство в выборке (11.4%, 8 постов), продемонстрировало наивысший среди всех СМИ средний уровень вовлеченности (1.71%). Это может свидетельствовать об особенностях стиля изложения или специфике аудитории данного издания, обеспечивающих более высокую реактивность на публикации по этнополитической тематике. РИА Новости (средний ER=1.45%), РБК (1.41%) и RT (1.43%) – показали близкие значения средней вовлеченности, что говорит о сопоставимой

эффективности в генерации пользовательского отклика по исследуемой проблематике в рамках данной выборки.

Исследование временной динамики публикаций с высоким ER выявило устойчивую корреляцию всплесков пользовательской активности с ключевыми политическими событиями и историческими датами. Наиболее выраженные пики наблюдались: в марте-апреле 2022 года (максимальный ER=3.36%) на фоне активного обсуждения темы присоединения Южной Осетии к России (10 постов); в феврале 2022 – марте 2023 года в связи с увязыванием конфликтов с «Украинскими событиями» (8 постов, ER до 2.01%); в ноябре-декабре 2024 года в контексте освещения политического и энергетического кризиса в Абхазии (16 постов, ER до 3.87%); в феврале 2024 года вокруг тем сотрудничества и помощи России Приднестровью (5 постов, ER до 2.08%). Регулярные, хотя и менее выраженные всплески ER фиксировались в августе, в годовщины событий 2008 года. Эта синхронизация подтверждает роль медиа как катализатора общественного резонанса в ответ на значимые внешнеполитические и кризисные события.

В контексте данного исследования количественные показатели вовлечённости аудитории (лайки, комментарии, репосты) приобретают особое значение, выходящее за рамки простой фиксации популярности контента. Эти метрики могут служить косвенными индикаторами политических установок пользователей, что позволяет углубить теоретическую базу работы, интегрировав классические теории медиавоздействия с современными цифровыми поведенческими данными.

Теоретической основой для такого подхода служат несколько ключевых концепций. Во-первых, теория установления повестки дня²⁴³ предполагает, что СМИ влияют на восприятие значимости тех или иных тем. Уже выявленные различия в освещении этнополитических конфликтов разными изданиями (с преобладанием грузино-абхазской тематики) отражают первый

²⁴³ McCombs, M., Shaw, D. L. The Agenda-Setting Function of Mass Media / M. McCombs, D. L. Shaw // Public Opinion Quarterly. - 1972. - Vol. 36, No. 2. - P. 176-187.

уровень agenda-setting (установление повестки дня). Второй, атрибутивный уровень может быть исследован через анализ тональности и ключевых фреймов в публикациях, что позволит выявить, какие именно аспекты конфликтов подчеркиваются медиа. Во-вторых, теория культивации²⁴⁴ указывает на то, что постоянное потребление определённого медиаконтента формирует у аудитории устойчивые представления о политических процессах. Например, если RT на русском значительно чаще акцентирует внимание на грузино-абхазском конфликте, это может способствовать формированию у пользователей представления о его особой значимости. В-третьих, концепция эмоционального резонанса²⁴⁵ позволяет интерпретировать высокие показатели вовлечённости не только как свидетельство интереса, но и как индикатор эмоциональной реакции (гнева, солидарности, тревоги), что напрямую коррелирует с процессами формирования политических установок.

Выявленная иерархия пользовательского интереса к конфликтам, выраженная в количестве публикаций с высоким ER и абсолютных значениях реакций, напрямую свидетельствует об *эффекте установления повестки дня (Agenda-Setting первого уровня)*. Доминирование грузино-абхазской тематики (41.4% выборки) сигнализирует о ее приоритетности в медийном пространстве для аудитории. Однако ключевым индикатором глубины установочных и эмоциональных эффектов выступает уровень ER. Рекордно высокий средний Engagement Rate (2.01%) по теме «Присоединение к России» является не только показателем интереса, но и сильным индикатором эмоциональной вовлеченности и поддержки значительной частью аудитории идеи территориальной экспансии и пересмотра границ как инструмента решения этнополитических конфликтов. Это свидетельствует об успешной культивации медиадискурсом представления о легитимности и желательности

²⁴⁴ Gerbner, G., Gross, L., Morgan, M., Signorielli, N., Shanahan, J. Growing Up with Television: Cultivation Processes / G. Gerbner, L. Gross, M. Morgan, N. Signorielli, J. Shanahan // Media Effects: Advances in Theory and Research / ed. by J. Bryant, D. Zillmann. - 2nd ed. - Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 2002. - P. 43-67.

²⁴⁵ Berger, J., Milkman, K. L. Social Transmission, Emotion, and the Virality of Online Content / J. Berger, K. L. Milkman. - Cambridge, MA : Marketing Science Institute, 2010. - 52 p. - (MSI Working Paper Series ; Report No. 10-114).

таких действий. Напротив, относительно более низкий средний ER по Приднестровью (1.38%) и темам «Отношения с Грузией/Молдовой» (1.18%) или «Эскалация конфликта» (1.23%) указывает на их меньшую способность вызывать интенсивный отклик и формировать доминирующие установки в массовом сознании российской онлайн-аудитории.

Для установления связи между показателями вовлечённости и политическими установками аудитории необходимо учитывать специфику различных форм пользовательской активности. Лайки, например, могут служить индикатором одобрения или эмоционального отклика на контент. Комментарии предоставляют возможность выявить степень поляризации мнений, преобладающие аргументативные стратегии и дискурсивные рамки (например, поддержку или критику позиции РФ). Репосты, в свою очередь, отражают не только согласие с сообщением, но и желание распространить его в своей социальной сети, что можно рассматривать как форму социального доказательства. На основе этих данных была сформулирована следующая гипотеза: «Чем выше показатель вовлечённости (ER) публикаций, посвящённых определённому конфликту, тем сильнее аудитория склонна воспринимать его как ключевую проблему постсоветского пространства».

Проверка подобной гипотезы требует применения комплексных методов. Качественный контент-анализ и критический дискурс-анализ комментариев позволил выявить преобладающие нарративы и их связь с уровнем вовлечённости. Эмпирическим материалом стали комментарии к постам, имеющим наибольший показатель вовлечённости (ER): по 5 постов на каждый конфликт.

Лингвистический анализ комментариев под сообщениями о *грузино-абхазском конфликте* (всего 133 комментария) указывает на высокую частотность ключевых терминов «России» (17), «Грузии» (15), «там» (13), «всегда» (10) и «даже» (9).

Комментарии демонстрируют ярко выраженную геополитизацию восприятия конфликта. Обсуждение Абхазии редко ведётся в гуманитарном

ключе или с позиций международного права как самоцели. Вместо этого они рассматриваются преимущественно через призму национальных интересов России и стратегической безопасности. Упоминания военных баз и «безопасности на дальних подступах» подчеркивают восприятие этих территорий как буферной зоны или сферы влияния. Частотное употребление «России» и «Грузии» как антагонистов в дискуссии подтверждает эту бинарную оппозицию. Критика дотаций часто упирается в вопрос «а что Россия с этого имеет?», что отражает инструментальный подход к поддержке непризнанных республик, оцениваемый через стоимость/выгоду для российского бюджета и влияния.

Одним из наиболее устойчивых нарративов является представление о патерналистской роли России и экономической зависимости Абхазии (и других непризнанных республик). Комментаторы подчеркивают российские дотации, пенсии, строительство инфраструктуры, используя термины «содержанство», «дойка», «бесплатно». Это формирует образ несостоятельности и иждивенчества со стороны абхазских властей и населения («бичи долбаные, ленивые»), контрастирующий с риторикой о российском «восстановлении» и «поддержке». Слово «там» (13 раз) часто используется с оттенком дистанцирования и описания проблемной, «чужой» территории («там разруха», «там коммуналка копейки»), что усиливает восприятие Абхазии как обузы. Упоминание «даже» (9 раз) часто служит для усиления аргумента о неблагодарности или неэффективности вложений («даже на тех малопродуктивных участках»).

Обсуждение пронизано конкурирующими историческими нарративами и этническими стереотипами. Слово «всегда» (10 раз) активно используется для легитимации своей позиции: либо как «исторической принадлежности» Абхазии Грузии («всегда и было», «Абхазия - тоже Грузия»), либо как «исторической вражды» между грузинами и абхазами («давно и исторически»). Грузинофобия проявляется в стереотипах («воры и жулики», «гонор»). Абхазы, в свою очередь, описываются как зависимые и ленивые или,

наоборот, как гостеприимные, но пострадавшие. Коллективная память о войне активно мобилизуется обеими условными сторонами (грузинская – «оккупация», абхазская/пророссийская – «дорогой ценой заплатили», «кровь наших соотечественников»). Упоминание «России» как гаранта независимости Абхазии или оккупанта – ключевой пункт этого конфликта идентичностей.

Вопрос международного признания Абхазии является центральным. Комментаторы используют аргумент непризнанности для дискредитации ее суверенитета («шиты белыми нитками»), одновременно оспаривая и легитимность позиции Грузии и ООН. Обсуждение статуса колеблется между его полным отрицанием («Абхазия — это Россия»), признанием нынешней модели «независимости под протекторатом» как оптимальной и скепсисом относительно ее долгосрочности и ценности для самой России. Возникает дискурс торговли суверенитетом – идея, что независимость Абхазии является разменной монетой в отношениях с Россией.

Важным аспектом является внутренняя дискуссия среди россиян. Высказывается критика официальной политики поддержки непризнанных республик: от экономической нецелесообразности до сомнений в стратегической необходимости и моральных вопросов («пусть воюют сами»). Критика часто фокусируется на коррупции и неэффективном использовании дотаций как общероссийской проблеме, а не исключительно региональной. Обсуждение событий 2008 года также выявляет поляризацию в оценке роли России.

Высокая частотность слов «России» и «Грузии» абсолютно закономерно отражает их центральное положение в конфликте идентичностей и геополитическом противостоянии, составляющем ядро дискуссии. Слово «там» подчеркивает дистанцированность многих комментаторов от реалий Абхазии и Грузии, восприятие этих территорий как внешних, проблемных пространств («там разруха», «там коммуналка»). «Всегда» служит ключевым маркером для апелляции к историческим нарративам, используемым для

легитимации текущих позиций («всегда и было», «давно и исторически»). «Даже» часто усиливает аргументы о несостоятельности, неблагодарности или, наоборот, об исключительных усилиях, подчеркивая эмоциональную заряженность и поляризованность обсуждения.

Господство в комментариях геополитической рамки («буферная зона», «безопасность на дальних подступах»), инструментального подхода («что Россия имеет?», «содержанство»), нарративов экономической зависимости и этнических стереотипов демонстрирует, как медиадискурс способствует формированию у значительной части аудитории восприятия Абхазии не как равноправного субъекта или сообщества с собственной трагедией, а как объекта в большой геополитической игре, оцениваемого исключительно через призму издержек/выгод для РФ. Частотное употребление дистанцирующего «там» («там разруха») усиливает этот эффект. Подобное фреймирование снижает эмпатию к гуманитарным аспектам конфликта, фокусирует внимание на прагматике российских интересов и способствует восприятию Абхазии скорее как обузы, чем как партнера или объекта искренней солидарности. Поляризация в оценках (исторические нарративы, критика политики) указывает на конфликт интерпретаций, но общая рамка обсуждения задается геополитической и экономической логикой.

Следующая часть исследования посвящена комментариям относительно *грузино-югоосетинского конфликта*, всего их было выделено 230. Почти все посты, которые комментируют пользователи, так или иначе посвящены вопросу присоединения Южной Осетии к России. Лингвистический анализ выявил высокую частотность слов «России» (22), «польза» (14), «какая» (14), «надо» (13) и «там» (12).

Значительная часть комментаторов воспринимает возможное воссоединение Южной Осетии с Россией как акт восстановления исторической справедливости и исправления последствий распада СССР. Преобладает нарратив о «собрании земель» и «возвращении домой». Частое употребление слова «России» в контексте территориального роста отражает

восприятие государства как естественного центра притяжения для разделенных народов постсоветского пространства, что коррелирует с освещением конфликта СМИ, подчеркивающим исторические и культурные связи осетин с Россией. Идея единства осетинского народа в рамках России рассматривается как логичное разрешение искусственного разделения.

Многие комментаторы обосновывают поддержку присоединения стратегическими интересами России. Это проявляется в дискурсе о противодействии западному влиянию и укреплении позиций России в регионе. Вопрос «какая польза?», активно звучащий в дискуссиях, находит ответы у сторонников в контексте долгосрочных геополитических выгод: повышение доверия к России как защитнику соотечественников, усиление ее роли на международной арене, создание «союза нерушимого». Слово «надо» часто звучит как признание необходимости решительных действий в условиях сложной международной обстановки. Освещение СМИ конфликта через призму защиты граждан России и соотечественников от угроз находит отклик в комментариях о «людях, брошенных 30 лет назад».

Ключевым аргументом в поддержку присоединения выступает подчеркивание добровольного характера волеизъявления Южной Осетии. Комментаторы видят в этом акт свободного выбора народа, основанного на общности исторической судьбы, культурной близости и православной вере, что соответствует принципу права наций на самоопределение, последовательно поддерживаемому Россией. Риторика «братских народов», «добро пожаловать» (многочисленные примеры) отражает солидарность и готовность принять осетин как неотъемлемую часть многонационального российского народа. Этот аспект напрямую связан с освещением СМИ стремления жителей Южной Осетии к интеграции с Россией.

Наличие вопросов о практической пользе («какая польза простому россиянину?») и целесообразности именно в текущий момент («Сейчас не время») свидетельствует не о неприятии, а о здравомыслящем подходе части общества, стремящейся к взвешенной оценке последствий. Эти запросы

стимулируют важную дискуссию о путях интеграции и развитии новых территорий. Сторонники присоединения приводят контраргументы, указывая на ограниченность масштаба («50 тысяч человек»), потенциал развития региона (туризм, сельское хозяйство), уже существующую экономическую поддержку, которая при формальном вхождении может стать более эффективной, геополитическую значимость, выходящую за рамки сиюминутной экономической выгоды, морально-политическую важность поддержки лояльных народов в условиях внешнего давления. Слово «там» (12) в данном контексте может отражать не дистанцирование, а прагматичный учет специфики региона.

Значительный пласт комментариев выражает поддержку руководства страны в контексте укрепления позиций России. Присоединение рассматривается как закономерный шаг в русле последовательной политики по защите национальных интересов и соотечественников, свидетельство «возрождения России» и ее способности действовать суверенно. Критика отдельных скептических высказываний часто мотивируется стремлением защитить национальное достоинство и единство в непростой период, недопущением распространения деструктивных нарративов.

Доминирование в комментариях нарративов «воссоединения разделенного народа», «восстановления исторической справедливости», «защиты соотечественников» и «противостояния враждебному Западу» показывает, как медиадискурс эффективно мобилизует чувство национальной гордости и солидарности, формируя широкую общественную поддержку возможных шагов по интеграции Южной Осетии. Обсуждение носит более консолидированный характер по сравнению с другими кейсами, что указывает на успешное установление доминирующей интерпретации (фрейма) конфликта. Этот фрейм, подкрепляемый частыми упоминаниями «России» в контексте территориального роста и «пользы» в долгосрочной стратегии, легитимизирует идею изменения статус-кво и создает ощущение моральной правоты и исторической необходимости действий РФ. Прагматические

вопросы («какая польза?», «Сейчас не время») присутствуют, но тонут в общем потоке поддержки, что может свидетельствовать об эффективности медийного фрейма в маргинализации сомнений.

Анализ комментариев демонстрирует, что освещение российскими СМИ грузино-югоосетинского конфликта, сфокусированное на защите соотечественников, исторической справедливости и противостоянии внешнему давлению, находит значительный отклик в обществе. Доминирует позиция, поддерживающая возможное присоединение Южной Осетии к России, аргументированная исторической преемственностью и стремлением к воссоединению разделенного народа, геополитической необходимостью укрепления позиций России и противодействия недружественному влиянию в стратегически важном регионе, принципом добровольности и солидарности с народами, сделавшими цивилизационный выбор в пользу России и долгосрочной перспективой развития региона в составе РФ, несмотря на имеющиеся текущие вызовы.

Наконец, представим выводы по анализу комментариев, касающихся молдавско-приднестровского конфликта. Проведенный лингвистический анализ выявил высокую частотность слов «там» (21), «России» (20), «РФ» (12), «Приднестровье» (11), «где» (11). Лексический приоритет «России» и «РФ» в сочетании с местоимением «там» (указывающим на географическую дистанцию и «инородность» Приднестровья) показывает центральную роль России как основного актора в воспринимаемом пользователями конфликте. Как и в ряде комментариев относительно предыдущих двух конфликтов, комментарии в этом кейсе активно воспроизводят нарратив России как «защитника» русскоязычного населения, в данном случае Приднестровья, от притеснения или «геноцида» со стороны Молдовы. Это тот самый «русский мир», который во всех трех конфликтах выступает средством легитимизации поддержки Россией притесняемого русскоязычного населения. Молдавское государство («Молдова») упоминается значительно реже и преимущественно

в негативном ключе как источник угрозы или несправедливости, что отражает асимметричность восприятия конфликта через призму российских интересов.

Значительная часть дискуссии вращается вокруг правового статуса Приднестровья (Приднестровской Молдавской Республики, ПМР). Комментаторы разделились: одни используют непризнанность ПМР для обоснования того, что Россия не обязана помогать ей («сами выбрали независимость»), другие – для критики «двойных стандартов» Запада или даже для утверждения о его фактической принадлежности России. Эта путаница статусов («независимость» vs. «часть России») отражает внутреннее противоречие российской политики: де-факто поддержка независимости при де-юре непризнании, что порождает когнитивный диссонанс у аудитории. Вопрос «где» (11 раз) часто возникает именно в контексте логистики российской помощи, подчеркивая географическую изоляцию ПМР и ставя под сомнение практическую реализуемость нарратива «защиты».

Наряду с поддержкой идеи защиты, заметен сильный утилитарный и даже циничный взгляд на ситуацию. Звучат призывы не обременять Россию проблемами ПМР («пусть Россия их кормит», «Россия против... отказалась?»), «нам не хватает не людей, а земель», «население ПМР 365 тыс. человек, которые никому не нужны»). Критика потенциального расширения конфликта и новой мобилизации выражает усталость и опасения части общества относительно внешнеполитических амбиций руководства. Комментарии о внутренних проблемах России служат контраргументом против затратных внешних операций, подчеркивая приоритет внутреннего развития («А когда жизнь россиян станет приоритетом?»). Саркастические отсылки к «собираанию земель» и «новым регионам» напрямую связывают ситуацию вокруг ПМР с украинским контекстом.

Конфликт активно встраивается в более широкие исторические и идеологические рамки. Проводятся параллели с Чечней для критики российской политики (двойные стандарты в применении силы) или для ее оправдания (подавление сепаратизма). Упоминаются события на Украине как

контекст, оправдывающий действия России («денацификация», защита от НАТО) или, наоборот, демонстрирующий их негативные последствия и риски. Используется риторика «исконно русских земель», легитимирующая территориальные претензии. Эти аналогии служат для эмоциональной мобилизации аудитории и интеграции приднестровского сюжета в макронарратив о противостоянии России и коллективного Запада.

Комментарии демонстрируют высокую степень поляризации и агрессии. Дискуссии быстро переходят на личности, используются сарказм, ярлыки («ватник», «ципсо», «укроп» и откровенные угрозы). Это отражает общую токсичность онлайн-дискуссий на геополитические темы в Рунете и эффективность использования подобных методов для маргинализации альтернативных точек зрения. Наличие большого числа односложных, эмоционально заряженных реплик в поддержку действий РФ также характерно для скоординированной или эмоционально вовлеченной аудитории.

Высокая частотность дистанцирующих слов «там» и «где» в сочетании с прагматическими и циничными оценками («кому они нужны?», «нам не хватает не людей, а земель», «население... которое никому не нужны») свидетельствует о глубокой дистанцированности аудитории и восприятии Приднестровья как периферийной, проблемной и чужеродной территории. Путаница в правовом статусе Приднестровья и вопросы о логистике помощи («где?») подрывают эффективность официального нарратива «защиты русского мира» и демонстрируют ограниченную способность медиадискурса сформировать устойчивую общественную поддержку активных действий в этом направлении, особенно на фоне украинских событий и усталости от внешнеполитических затрат. Выраженная поляризация и агрессия в комментариях могут отражать как работу спирали молчания (подавление альтернативных точек зрения), так и углубление раскола в обществе по вопросам внешней политики и ресурсных приоритетов. Конфликт

воспринимается скорее как потенциальная дополнительная нагрузка и риск эскалации в нестабильном регионе, чем как зона искренней

Таким образом, пользовательские комментарии во ВКонтакте и усиливают ключевые элементы официального российского дискурса по приднестровскому вопросу, прежде всего нарратив «защиты», но одновременно демонстрируют и его уязвимости – географическую и логистическую оторванность объекта «защиты», внутренние противоречия в оценке его статуса, прагматические сомнения части населения в целесообразности новых обязательств и риски эскалации. Лингвистические данные («там», «где») подчеркивают восприятие Приднестровья как периферийной, но значимой в идеологическом плане точки на карте «русского мира», судьба которой, однако, вызывает неоднозначную реакцию в самом российском обществе.

Подводя итоги проведенному исследованию, нужно отметить, что оно выявило четкую иерархию пользовательского интереса к анализируемым конфликтам. Наибольший резонанс (подтверждаемый как высоким ER, так и активностью в комментариях) неизменно вызывают темы, связанные с прямым изменением политического статуса территорий (присоединение к России) и внутривнутриполитической нестабильностью в непризнанных республиках (особенно в Абхазии). Это свидетельствует о доминировании в общественном восприятии геополитической и статусно-ориентированной рамки, где конфликты оцениваются прежде всего через призму интересов, возможностей и рисков для России. Концепция «русского мира» и нарратив защиты соотечественников выступают ключевыми легитимирующими конструктами в пользовательских дискуссиях.

Количественные показатели вовлеченности (ER) и абсолютные значения реакций доказали свою ценность не только как индикаторы популярности контента, но и как косвенные маркеры политических установок аудитории. Высокий ER коррелирует с темами, обладающими значительной эмоциональной и идеологической заряженностью для российской интернет-

аудитории и активизирующими чувство солидарности, исторической справедливости, гнева или тревоги. Это подтверждает тезис о работе механизмов эмоционального резонанса²⁴⁶ в политической коммуникации.

Качественный анализ комментариев выявил глубокую поляризацию восприятия конфликтов. Так, в комментариях по грузино-абхазскому конфликту доминирует геополитическая рамка («буферная зона», «безопасность»), сильны исторические нарративы и этнические стереотипы. Восприятие Абхазии колеблется между образом «исконно русского пространства» и «экономической обузы». В обсуждении грузино-югоосетинского конфликта преобладает нарратив воссоединения («историческая справедливость», «разделенный народ»), тесно связанный с идеей усиления России и противостояния Западу. Обсуждение носит более консолидированный характер, хотя присутствуют прагматические вопросы о выгодах и сроках. В комментариях относительно молдавско-приднестровского конфликта наиболее выражены прагматизм, цинизм и усталость. Нарратив «защиты» русскоязычных сталкивается с вопросами о географической оторванности, финансовых затратах и логистической сложности. Конфликт активно встраивается в контекст событий на Украине, вызывая опасения эскалации. Лексика («там», «где») подчеркивает дистанцированность и восприятие Приднестровья как проблемной периферии «русского мира». Во всех кейсах Россия воспринимается как главный актер и референтная точка, даже в конфликтах, где ее прямое участие исторически или политически опосредовано. Вопрос «Что это дает России?» является сквозным.

Вывод по главе 2.

Проведенный анализ медийного освещения этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в российских СМИ (2014–2024

²⁴⁶ Berger, J., Milkman, K. L. Social Transmission, Emotion, and the Virality of Online Content / J. Berger, K. L. Milkman. - Cambridge, MA : Marketing Science Institute, 2010. - 52 p. - (MSI Working Paper Series ; Report No. 10-114).

гг.) позволил выявить ключевые закономерности, отражающие стратегии конструирования информационной повестки. Исследование показало, что освещение грузино-абхазского, грузино-южноосетинского и молдавско-приднестровского конфликтов подчинено не только хронологической динамике, но и более широким внешнеполитическим нарративам, связанным с позиционированием России как гаранта стабильности и защитника русскоязычного населения.

Во-первых, медийная активность в отношении каждого из конфликтов носит волнообразный характер, привязанный к ключевым историческим датам, эскалациям напряженности или политическим кризисам. Например, молдавско-приднестровский конфликт наиболее активно освещался в моменты обострений (взрывы 2022 г., съезд депутатов 2024 г.), тогда как грузино-абхазский и грузино-южноосетинский конфликты чаще упоминались в контексте годовщин военных действий 2008 года. Это свидетельствует о том, что российские СМИ используют исторические референции как инструмент легитимации текущей политики, подчеркивая преемственность и обоснованность действий России в регионе.

Во-вторых, тематический анализ выявил существенные различия в подаче трех конфликтов. Если в случае с Южной Осетией доминируют темы исторической общности с Россией и возможного присоединения, то в абхазском контексте акцент смещен на внутренние кризисы, что формирует образ республики как нестабильного образования, зависящего от российской поддержки. Приднестровский конфликт, в свою очередь, чаще увязывается с украинскими событиями, что позволяет встраивать его в более широкий нарратив о «защите Русского мира» и противостоянии с Западом. Таким образом, медиадискурс адаптируется под специфику каждого конфликта, но сохраняет общую логику обоснования российской вовлеченности.

В-третьих, несмотря на различия в тематике, ключевым объединяющим элементом является конструирование образа России как единственной силы, способной обеспечить стабильность в регионе. Это достигается через

акцентирование неспособности непризнанных республик к самостоятельному существованию (энергетические кризисы, террористические угрозы), а также через демонстрацию сдержанности официальной Москвы, которая формально дистанцируется от прямого участия в конфликтах, но подчеркивает свою роль миротворца. Подобная двойственность позволяет сохранять баланс между поддержкой сепаратистских образований и формальным соблюдением международно-правовых норм.

Таким образом, анализ показал, что освещение этнополитических конфликтов в российских СМИ служит важным инструментом мягкой силы, позволяющим не только формировать определенные представления у аудитории, но и легитимировать внешнеполитическую стратегию России на постсоветском пространстве. Различия в подаче трех кейсов демонстрируют гибкость медийных стратегий, однако их объединяет общая цель – утверждение роли России как ключевого актора, от которого зависит стабильность в регионе.

Исследование также демонстрирует, что пользовательская вовлеченность (измеряемая через показатели ER - Engagement Rate) служит важным индикатором политических установок, формирующихся под влиянием медиаповестки.

Наибольший резонанс у аудитории вызывают публикации, связанные с возможным изменением политического статуса непризнанных республик и внутренними кризисами в этих регионах. Это свидетельствует о доминировании геополитической рамки восприятия, где конфликты оцениваются прежде всего через призму интересов России. Примечательно, что тема присоединения Южной Осетии вызывает наиболее консолидированную поддержку, тогда как обсуждение приднестровского вопроса сопровождается выраженным прагматизмом и скепсисом относительно целесообразности расширения зоны ответственности России.

Важным выводом является подтверждение гипотезы о корреляции между уровнем вовлеченности (ER) и значимостью конфликта в

общественном восприятии. Однако исследование выявило и существенные нюансы: максимальные показатели ER не всегда соответствуют степени консолидации мнений. Например, приднестровская тематика при относительно высоком ER вызывает значительный скепсис, тогда как южноосетинский вопрос при меньших цифрах получает более единодушную поддержку.

Полученные данные позволяют сделать вывод о сложном характере медиавоздействия в цифровую эпоху. С одной стороны, сохраняется влияние традиционных механизмов (например, agenda-setting - установления повестки), когда СМИ определяют значимость тем и формируют устойчивые представления. С другой - интерактивная природа социальных сетей создает пространство для альтернативных интерпретаций, что особенно заметно в прагматичной критике приднестровского сюжета.

Заключение

Проведенный анализ феномена медиадискурса в контексте политических процессов выявил их фундаментальную роль как инструментов конструирования социальной реальности и осуществления власти в условиях информационной эпохи. Исходная задача заключалась в систематизации и критическом осмыслении многообразия теоретико-методологических подходов, выработанных политической наукой и смежными дисциплинами для изучения этих феноменов. Анализ выявил значительную эволюцию понятия «дискурс»: от лингвистической трактовки (Бенвенист) как речи/текста до сложной социальной практики, неразрывно связанной с властью и производством знания. Концепция Фуко стала поворотной, переосмыслив дискурс как систему, активно формирующую нормы, идентичности и «истину» через включение/исключение, и как поле борьбы за легитимацию идеологий.

Дальнейшее развитие подчеркнуло многомерность дискурса и потребность в междисциплинарности. Социо-коммуникативные подходы (Хабермас, Гоффман) акцентировали коммуникацию и перформативное конструирование ролей. Постмодернистская парадигма (Деррида, Лакло/Муфф, Батлер) оспорила стабильность смыслов, подчеркнув контингентность, нестабильность и политическую ангажированность дискурса в «играх языка». Критический дискурс-анализ (Фэйрклаф, ван Дейк, Водак) предложил синтетическую методологию для выявления скрытых идеологий и механизмов воспроизводства неравенства в медиатекстах.

Анализ существующих классификаций подходов подтвердил их ценность для первичной ориентации в сложном поле, но также выявил существенные ограничения. Классификации часто страдают статичностью, не всегда адекватно отражая динамику современных гибридных медиапространств или не в полной мере учитывая глубину взаимопроникновения власти, знания и коммуникации, столь ярко выраженную у М. Фуко и постмодернистов. В частности, попытки жестко

разграничить «критический анализ» и «постмодернизм» представляются искусственными, учитывая их общие корни в критике структур власти и внимании к языковой конституции реальности. Таким образом, сущность дискурса в политической науке предстает не как единая теория, а как поле исследовательских перспектив, объединенных пониманием того, что язык – это активная социальная сила. Дискурс – это динамичная, контекстуально обусловленная практика, где вербальные и невербальные знаки, институциональные рамки, властные отношения и исторические условия сплетаются воедино для производства смыслов, конструирования политических идентичностей (друзей/врагов, своих/чужих) и легитимации определенных политических порядков. Медиадискурс, как его доминирующая в современности специализированная форма, наследует эту фундаментальную сложность и политическую ангажированность. Однако он приобретает уникальные характеристики, обусловленные институциональной логикой медиа (отбор новостей, гейткипинг), их технологическими возможностями (мгновенность, глобальность, интерактивность цифровых платформ), ориентацией на массовую, гетерогенную аудиторию и неизбежной вовлеченностью в борьбу за внимание и интерпретационное доминирование. Именно эта гибридная природа медиадискурса, функционирующего на стыке информации, убеждения, развлечения и власти, делает его ключевым объектом для понимания механизмов формирования политической повестки дня, конструирования общественного мнения и динамики политических процессов в XXI веке, что и задает направление дальнейшему исследованию.

Исследование рассматривает постсоветские этнополитические конфликты как яркое проявление переплетения исторического наследия, социальных конструктов и медийных репрезентаций. Анализ выявил их многофакторную природу: они порождены распадом СССР, трансформацией, конкурирующим нациестроительством и вмешательством внешних акторов, а не «древними ненавистями». Ключевая особенность — укорененность в советском этнотерриториальном устройстве, где искусственные границы

стали линиями будущих разломов. Это наследие, усугубленное «коренизацией» и депортациями, создало структурные предпосылки, актуализированные в 1990-е. Этническая мобилизация здесь конструктивистская: этничность служит политическим ресурсом элит для достижения власти, легитимации требований и мобилизации населения, подпитываясь воспроизводимыми (в т.ч. через медиа) историческими обидами и мифологизированными нарративами.

Характерной чертой современных этнополитических конфликтов в регионе (2014-2024 гг.) является их высокая степень интернационализации и вовлеченность внешних сил. Геополитическое соперничество, особенно между Россией и Западом, превратило внутренние противоречия постсоветских государств в арену глобального противостояния. Поддержка конфликтующих сторон (военная, финансовая, дипломатическая, информационная) со стороны внешних игроков не только затягивает конфликты, но и существенно усложняет их урегулирование, подчиняя внутреннюю логику развития внешнеполитическим интересам. Не менее значима критическая роль медиадискурса, приобретающая в постмодернистских условиях гипертрофированные формы. Информационное пространство становится полем ожесточенной битвы нарративов, где конструируются образы «друга» и «врага», легитимируется насилие, размываются границы между фактом и интерпретацией, а зачастую и между реальностью и симулякром.

В контексте поставленной задачи классификации конфликтов по степени участия России, исследование позволило выделить три основные категории, отражающие эволюцию и текущее состояние конфликтного ландшафта:

1. Конфликты с прямым и активным участием России как стороны. Ярчайшим примером здесь является конфликт на Украине, переросший в полномасштабную Специальную военную операцию (СВО) после 2022 года. Россия выступает непосредственным военным и политическим участником, а

конфликт имеет фундаментальное значение для ее национальной безопасности и геополитического позиционирования. Его интенсивность, масштаб и глобальные последствия делают его доминирующим в региональной повестке.

2. Конфликты с косвенным или ограниченным участием России. В эту категорию попадают замороженные, но неразрешенные конфликты, где Россия выступает ключевым внешним гарантом и покровителем непризнанных или частично признанных образований, но не является прямой стороной военных действий в настоящее время. К ним относятся ситуации в Абхазии и Южной Осетии (где Россия обеспечивает безопасность и признала независимость), а также в Приднестровье (где размещен российский миротворческий контингент, а Москва выступает главным политическим и экономическим партнером). Участие России здесь выражается в военно-политической поддержке, дипломатическом прикрытии и экономической помощи, формируя *de facto* зоны ее особого влияния.

3. Конфликты без прямого участия России или с ее минимальным вовлечением. К этой категории относятся конфликты, где роль России сведена к миротворчеству, посредничеству или дистанцированному наблюдению. Примером может служить Нагорно-Карабахский конфликт: несмотря на историческую вовлеченность и размещение миротворцев после 2020 года, Россия не была прямой стороной эскалаций 2023 года, уступив влияние другим региональным игрокам. Сюда же можно отнести прошлые конфликты, где роль России была значительнее ранее (как в Таджикистане в 1990-е), но сейчас сведена к минимуму, или внутренние этнополитические конфликты в странах Центральной Азии (например, киргизско-узбекские), где Россия предпочитает не вмешиваться напрямую, ограничиваясь рамками ОДКБ или двусторонних отношений.

Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве в исследуемый период предстают как сложные, многоуровневые системы, где объективные факторы (исторические, территориальные, социально-

экономические) тесно переплетены с субъективными конструктами идентичности, активно конструируемыми и инструментализируемыми политическими акторами при мощном влиянии внешних сил и медийных стратегий. Их классификация по роли России отражает не только текущую расстановку сил, но и динамику российского внешнеполитического курса и его трансформацию под воздействием глобальных и региональных вызовов. Понимание этой специфики и классификационных рамок является необходимым фундаментом для последующего анализа роли медиадискурса в формировании восприятия и динамики этих конфликтов, что и составит предмет дальнейшего рассмотрения.

Переходя от сущностного анализа этнополитических конфликтов к механизмам их медийной репрезентации, отметим сложный арсенал форматов и дискурсивных стратегий, используемых онлайн-СМИ при освещении этих напряженных событий.

Ключевые дискурсивные стратегии функционируют на взаимосвязанных уровнях. На макроуровне историко-социальной контекстуализации доминирует конструирование исторических нарративов, где апелляция к «древним обидам», мифологизация прошлого и акцентирование ролей «жертв» и «агрессоров» служат для легитимации текущих позиций конфликтующих сторон, проявляясь в подборе исторических параллелей и мемориальной лексики. Этому сопутствует фрейминг через призму коллективной памяти, избирательно акцентирующий или замалчивающий события для формирования заданного контекста восприятия текущего конфликта, усиленный в онлайн-среде виральным распространением упрощенных исторических «карточек». На мезоуровне практик дискурса действуют стратегии отбора и структурирования информации, включая гейткипинг и атрибутивную повестку дня, которые определяют не только какие события попадают в поле освещения, но и какие их аспекты (атрибуты) выделяются как ключевые, будь то военные потери одной стороны или акценты на «героизме» или «жестокости», где алгоритмы

новостных агрегаторов выступают новыми цифровыми гейткенерами. Эффективность этих стратегий усиливается праймингом – активацией в сознании аудитории определенных ассоциаций и схем восприятия через предшествующее освещение или повторяющиеся ключевые слова, связывающие, например, одну из сторон с «экстремизмом» или «внешним управлением».

На микроуровне текста разворачиваются лингвистические стратегии, где поляризация языка через бинарные оппозиции «мы против них» или «цивилизация против варварства» усиливает межгрупповые границы и враждебность. Номинация и лексический выбор проявляются в эвфемизации (смягчении: «принуждение к миру» вместо «война») или дисфемизации (ожесточении: «бандеровцы», «террористы»), использовании этнофоллизмов и варьировании терминов для участников («боевики» против «ополченцев»). Мощным инструментом выступает метафоризация, концептуализирующая конфликт через образы «пожара войны», «шахматной игры» или «крестового похода», несущие скрытые оценки. Этноидентифицирующий «язык вражды» реализуется от прямых оскорблений до контекстуальных форм (указание этничности преступника) и метаконтекстуальных практик, воспроизводящих негативные стереотипы через систематическую атрибуцию. Знаковый уровень охватывает семиотические стратегии, использующие визуальные коды: отбор кадров (разрушения, страдания, победы), ракурс съемки, цветокоррекция и монтаж фотографий и видео передают эмоции и оценки, превращая «шоковые» изображения в инструменты мобилизации или демонизации. Сюда же относится символика и визуальные метафоры с национальной или религиозной атрибутикой, а также дискурсивный и презентативный символизм, вербализующий идеи через логику или апеллирующий к мифам и эмоциям для конструирования реальности.

Эмпирическое исследование освещения этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в российских онлайн-СМИ за период 2014-2024 гг. выявило комплекс условий и принципов, определяющих

дискурсивное конструирование этих событий. Анализ материалов четырех ключевых новостных пабликов «ВКонтакте» (РИА Новости, РБК, RT на русском, Комсомольская правда), посвященных грузино-абхазскому, грузино-южноосетинскому и молдавско-приднестровскому конфликтам, позволил установить, что их медийная репрезентация подчиняется четкой логике, обусловленной геополитическими интересами России и спецификой статуса этих «государств де-факто». Центральным принципом конструирования дискурса является позиционирование Российской Федерации как незаменимого гаранта стабильности и безопасности, что достигается через систематическую акцентуацию факторов нестабильности в регионах и минимизацию информации о возможностях урегулирования в рамках восстановления территориальной целостности Грузии или Молдовы. Этот нарратив реализуется через избирательную тематизацию, где доминируют сообщения о кризисах (особенно ярко проявившееся в освещении абхазского политического кризиса 2024 года, составившего 67% контента по этому конфликту), эскалациях напряженности и исторических вехах российской вовлеченности, прежде всего годовщинах признания независимости Абхазии и Южной Осетии в августе 2008 года.

Важной особенностью дискурсивного конструирования выступает его дифференциация в зависимости от региона. В абхазском контексте акцент смещен на оперативные кризисы и экономическую зависимость республики от российской помощи, что формирует образ несамостоятельного субъекта, чье выживание требует постоянного покровительства Москвы. Южноосетинский дискурс, напротив, фокусируется на исторических связях и перспективах интеграции с Россией, создавая нарратив культурно-политической общности. Приднестровский конфликт подается преимущественно через призму украинских событий и эскалаций, что позволяет встраивать локальную проблематику в рамки более широкого противостояния с Западом и легитимировать российское военное присутствие как сдерживающий фактор. Такая вариативность демонстрирует адаптацию ключевого принципа «Россия-

гарант» к конкретным контекстам при сохранении общей направленности на обоснование необходимости российского влияния.

Анализ дискурсивного конструирования этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье) в ведущих новостных сообществах социальной сети «ВКонтакте» за период 2014-2024 гг. позволил установить фундаментальные условия, выявить устойчивые особенности и определить основополагающие принципы, лежащие в основе их медийной репрезентации. В наибольшей степени проявился принцип стратегического фрейминга и прайминга. Анализ показал доминирование устойчивых, повторяющихся фреймов, которые жестко структурируют восприятие конфликтов аудиторией. Ведущую роль играет фрейм «Россия как защитник и гарант стабильности», конструируемый через нарративы о военной поддержке, миротворческой миссии, гуманитарных акциях, визитах высшего руководства и предоставлении гарантий безопасности. Этот фрейм служит смысловым стержнем всего дискурса. Ему активно противостоит и одновременно его легитимирует фрейм «Внешняя угроза», имеющий вариации «Международное давление/Западная угроза» и «Украинская угроза». Данный фрейм репрезентирует действия США, НАТО, ЕС и Украины как дестабилизирующие, агрессивные и продиктованные русофобией, направленные на подрыв суверенитета непризнанных республик и позиций России, и служит ключевым инструментом формирования антизападных настроений. Третий важный фрейм – «Внутренняя нестабильность/Уязвимость» – фокусируется на политических кризисах, экономических проблемах (таких как блокада или сырьевая зависимость) внутри самих непризнанных республик, подчеркивая их хрупкость и объективную необходимость внешней, прежде всего российской, поддержки.

Важной особенностью дискурса является его глубокая лингвистическая проработка, служащая инструментом усиления указанных фреймов. Это достигается через поляризацию и этнофолизацию, выраженную в использовании жестких бинарных оппозиций («мы» – Россия и союзники

против «они» – Запад, Грузия, Украина, Молдавия) и этнически маркированной лексики («грузинская агрессия», «украинская угроза»), что формирует образ врага и укрепляет групповую идентичность. Широко применяется метафоризация и эмоциональные апелляции: яркие метафоры («горячая точка», «экономическая блокада», «прогулка по граблям», «линия фронта»), сенсационные заголовки и драматизированный язык служат для упрощения сложных реалий, усиления драматизма и провокации сильных эмоций (тревоги, гнева, гордости). Стратегическое использование эвфемизмов и дисфемизмов позволяет смягчать описание действий «своей» стороны («принуждение к миру», «реализация мер по защите») и одновременно усиливать негативную коннотацию действий оппонентов («режим Зеленского», «грубое нарушение прав», «мафиозное государство»). Сарказм и ирония («Не виновная Молдавия», «прогулка по антироссийским граблям») используются как эффективные средства дискредитации позиций противников и критики западной политики.

Семиотический уровень анализа подтвердил, что лингвистические стратегии функционируют не изолированно, а в рамках более широких, культурно укорененных кодов и нарративов. Ключевыми культурными кодами выступают Патриотический код (Россия-защитник), Конфликтный код (постоянная угроза и нестабильность) и Культурный код (романтизация региона как «Страны души» или части «Русского мира»). Эти коды питают устойчивые нарративы: о защите и зависимости (непризнанных республик от России), о непрерывном конфликте и внешней угрозе, об исторической общности и справедливости стремления к независимости. Значимые символы – знаковые даты (08.08.08), образы российских миротворцев, национальные флаги, памятники, контрастные визуальные образы войны и празднования независимости – работают на визуальное и эмоциональное закрепление ключевых фреймов в сознании аудитории. Визуальные элементы новостных постов, присутствующие в подавляющем большинстве случаев, выступают не

просто иллюстрацией, а мощным эмоциональным катализатором и смысловым усилителем текстовых нарративов.

Переходя от анализа механизмов дискурсивного конструирования этнополитических конфликтов к оценке их реального воздействия на аудиторию, исследование выявило значимое и многослойное влияние медиадискурса на восприятие и интерпретацию этих сложных геополитических процессов в российском сегменте онлайн-СМИ за период 2014-2024 гг. Использование цифровых метрик социальной сети «ВКонтакте» (просмотры, лайки, комментарии, репосты) в сочетании с качественным контент-анализом пользовательских реакций предоставило уникальную эмпирическую базу для оценки медиаэффектов, выходящую за рамки традиционных опросов.

Количественный анализ вовлеченности аудитории (Engagement Rate, ER) на материале 70 наиболее релевантных новостных публикаций ($ER > 1\%$) выявил четкую иерархию пользовательского интереса к различным аспектам конфликтов. Наибольший резонанс неизменно вызывали темы, связанные с прямым изменением политического статуса непризнанных республик (присоединение к России) и их внутренней политической нестабильностью (особенно кризис в Абхазии 2024 г.) Это свидетельствует о том, что медиадискурс эффективно акцентирует внимание аудитории на вопросах, обладающих максимальной геополитической и статусной значимостью в контексте российских национальных интересов и концепции «русского мира», тем самым подтверждая действие механизмов установления повестки дня (agenda-setting) как на первом (выбор тем), так и на втором уровне (атрибуция значимости).

Качественный анализ смыслового наполнения пользовательских комментариев позволил глубже понять, *как* именно аудитория интерпретирует конфликты под влиянием медиадискурса, выявив как консенсусные, так и поляризованные паттерны восприятия. Лингвистический анализ подтвердил глубокое усвоение аудиторией ключевых дискурсивных фреймов,

выявленных ранее: концепция «русского мира» и нарратив России как «защитника» соотечественников выступают основными легитимирующими конструктами в обсуждениях. Сквозным вопросом, отражающим инструментализацию восприятия, стал прагматический запрос «Что это дает России?».

При этом анализ выявил существенные различия в нюансах восприятия каждого конфликта, обусловленные как спецификой самого конфликта, так и особенностями его освещения. В обсуждении грузино-абхазского конфликта доминировала геополитическая рамка, сильны были исторические нарративы и этнические стереотипы, обсуждение грузино-югоосетинского конфликта характеризовалось наибольшим консенсусом вокруг нарратива «воссоединения разделенного народа» и «восстановления исторической справедливости», тесно переплетенного с идеями усиления России и противостояния Западу, хотя присутствовали и прагматические вопросы о выгодах и сроках интеграции. Напротив, комментарии к постам о молдавско-приднестровском конфликте отличались наибольшим уровнем прагматизма, цинизма и усталости. Лексический анализ ярко показал восприятие Приднестровья как проблемной периферии «русского мира».

Таким образом, проведенное исследование комплексно обосновало и эмпирически подтвердило гипотезу о системном характере дискурсивного конструирования этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в российских онлайн-СМИ (2014-2024 гг.). Работа продемонстрировала, что этот процесс представляет собой не хаотичный набор медиапрактик, а целенаправленную, многоуровневую стратегию, глубоко укорененную в актуальном геополитическом контексте и подчиненную ключевому принципу легитимации роли России как незаменимого гаранта стабильности. Исследование выявило устойчивый набор взаимодополняющих дискурсивных механизмов: от избирательной тематизации и до тонкой лингвистической и семиотической проработки (патриотический, конфликтный, культурный коды, ключевые символы),

адаптированных к специфике платформы «ВКонтакте». Количественный и качественный анализ медиаэффектов убедительно показал, что данный дискурс не только успешно устанавливает иерархию значимости конфликтов для аудитории, но и активно формирует рамки их интерпретации, глубоко усваивая ключевые нарративы («русский мир», «защита соотечественников») и провоцируя сильные эмоциональные реакции, хотя и не нивелируя полностью прагматические сомнения и неоднозначность восприятия, особенно в отношении географически отдаленных зон конфликта. Научная новизна работы заключается в разработке комплексной методики, интегрирующей критический дискурс-анализ с цифровыми метриками вовлеченности для изучения медиаэффектов, а также в выявлении специфики региональной вариативности дискурсивных стратегий при сохранении их общей направленности на обоснование российского влияния. Полученные результаты вносят существенный вклад в понимание механизмов формирования политического восприятия в цифровую эпоху и имеют практическое значение для анализа информационной политики, медиавоздействия и динамики общественного мнения в условиях современных геополитических противостояний.

Список литературы

Монографии

1. Авксентьев, В.А. Этнополитические процессы на юге России: от локальных к блоковым конфликтам / В.А. Авксентьев [и др.] ; Российская акад. наук, Южный науч. центр, Ин-т социально-экономических и гуманитарных исслед. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 200 с.
2. Адлер, А. О нервическом характере / А. Адлер; под ред. Э. В. Соколова; пер. с нем. И. В. Стефанович. - СПб.: Университетская книга, 1997. - 388 с.
3. Аклаев, А. Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент / А. Р. Аклаев. - Москва : Дело, 2005. - 480 с.,
4. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Г. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. - М.: Кучково поле, 2016. - 416 с.
5. Анцупов, А. Я., Шипилов, А. И. Конфликтология / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. - М.: ЮНИТИ, 2004. - 551 с.
6. Арутюнова, А. Г. Арт-рынок в XXI веке: пространство художественного эксперимента / А. Г. Арутюнова. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. - 232 с.
7. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 363 с.
8. Ачкасов, В. А., Абалян, А. И., Андреев, А. А., Никифоров, А. А. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст / В. А. Ачкасов, А. И. Абалян, А. А. Андреев, А. А. Никифоров. - СПб.: Изд-во РХГА, 2021. - 638 с.

9. Ачкасов В.А., Абалян А.И., Единова М.С., Никифоров А.А. Единство в многообразии: сравнительный анализ моделей этнофедерализма / В.А. Ачкасов, А.И. Абалян, М.С. Единова, А.А. Никифоров ; отв. ред. В.А. Ачкасов. – СПб.: Изд-во РХГА, 2024. – 400 с.
10. Ачкасова В.А. Политическая мобилизация в этнических конфликтах / В.А. Ачкасова // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2016. – № 5. – С. 39–47.
11. Барбашин, М. Ю. Современные социологические подходы в изучении этничности / М. Ю. Барбашин // Социально-гуманитарные знания. - 2005. - № 4. - С. 167-181.
12. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. - М. : Изд-во МГУ, 1987. - С. 387-422.
13. Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. - М., 2003. - 512 с.
14. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. -Москва, 1994. - С. 384-391.
15. Батлер, Дж. Психика власти: теории субъекции / Дж. Батлер; пер. Завена Баблюяна. - СПб.: Алетейя, 2002. - 168 с.
16. Бейтсон, Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Г. Бейтсон; пер. с англ. - М.: Смысл, 2000. - 476 с.
17. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; под ред. Ю. С. Степанова. - М.: Прогресс, 1974. - 446 с.
18. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. А. В. Качалова ; под ред. Л. Данковой. - М. : Постум, 2018. - 240 с.
19. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр; пер. с франц. С. Н. Зенкина. - М., 2001. - 177 с.

20. Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер; пер. с англ. И. Борисовой. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. - 408 с.
21. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. - М.: Международные отношения, 2005. - 256 с.
22. Ван Дейк, Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк ; пер. с англ. - М. : ЛИБРОКОМ, 2013. - 344 с.
23. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. - М.: Прогресс, 1989. - 307 с.
24. Ванханен Т. Этнические конфликты. Их биологические корни в этническом фаворитизме / Т. Ванханен ; пер. с англ. – М. : Кучково поле, 2014. – 288 с.
25. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. - М.: Просвещение, 1990. – 808 с.
26. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. - М.: АСТ, 2023. - 320 с.
27. Гальперин, И. Р. Опыт систематизации выразительных средств / И. Р. Гальперин. - М.: Либроком, 2016. - 375 с.
28. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют / Т.Р. Гарр ; пер. с англ. В. Анурин. – СПб. : Питер, 2005. – 460 с.
29. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. Г. Г. Шпета ; послесл. М. Ф. Быковой ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М. : Наука, 2000. — 495 с.
30. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер; пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. - М.: Прогресс, 1991. - 319 с.
31. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс; пер. с англ. А.

Гутермана // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. - М.: Мысль, 1991. - Т. 2. - С. 3-545.

32. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.

33. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман ; пер. с англ. А. Д. Ковалева. - Москва : Канон-пресс-Ц ; Кучково поле, 2000. - 302 с.

34. Греймас, А. Ж., Курте, Ж. Семиотика. Объяснительный словарь / А. Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика. - М., 1983. - С. 483-550.

35. Глухова, А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика : теоретико-методологический анализ / А.В. Глухова. – 2-е изд. – М. : URSS, 2010. – 277 с. – ISBN 978-5-397-01375-8.

36. Глухова, А.В., Рахманин, В.С. Политическая конфликтология : учебное пособие / А. Глухова, В. Рахманин. - Воронеж : Изд-во ВГУ, 2002. - 295 с.

37. Глухова, А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ) / А. В. Глухова. - 2-е изд. - М.: ЛИБРОКОМ, 2010. - 280 с.

38. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития / М.Н. Грачев. – М. : Прометей, 2004. – 328 с.

39. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р. Дарендорф ; пер. с нем. Л.Ю. Пантиной. – М. : РОССПЭН, 2002. – 284 с.

40. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон; пер. с англ. Д. Ю. Кралечкина. - М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. - 808 с.

41. Деррида, Ж. О грамматиологии / Ж. Деррида; пер. и вступ. ст. Н Автономой. – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
42. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида ; пер. с фр. А. Гараджи, В. Лапицкого, С. Фокина ; сост. и общ. ред. В. Лапицкого. - СПб. : Академический проект, 2000. - 432 с.
43. Деррида, Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / Ж. Деррида; пер. Б. Скуратова. - М.: Logos-altera; Esse homo, 2006. - 254 с.
44. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. - М.: Наука, 2008. - 234 с.
45. Дюркгейм, Э. Курс социальной науки / Э. Дюркгейм // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. - М.: Канон, 1995. - С. 167-198.
46. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм; пер. с фр. и послесл. А. Б. Гофмана. - М.: Наука, 1991.
47. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / М. Р. Желтухина. - Москва, 2004. - 44 с.
48. Желтухина, М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о специфике речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография / М.Р. Желтухина. – М.: ИЯЗРАН; Волгоград: ВФМУПК, 2004. – 656 с.
49. Зиммель, Г. Избранное: в 2 т. Т. 2: Созерцание жизни / Г. Зиммель. - М.: Юрист, 1996. - 607 с.
50. Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / Г. Зиммель ; сост. С.Я. Левит. – М. ; СПб. : Университетская книга : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 416 с.

51. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени: монография / О.С. Иссерс ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. – 2-е изд., испр. – Москва : ЛЕНАНД, 2014. – 262 с.
52. Йоргенсен, М. В., Филлипс, Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс; пер. с англ. - 2-е изд., испр. - Харьков: Гуманитарный центр, 2008. - 352 с.
53. Кант, И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6 / И. Кант. - М., 1996. – 742 с.
54. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. - М.: Гнозис, 2004. - 390 с.
55. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс ; пер. с англ. Н.М. Тылевич. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 591 с.
56. Кожемякин, Е. А. Медиадискурс как система культурно обусловленных стратегий : автореф. дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Е. А. Кожемякин. - Белгород, 2010. - 39 с.
57. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер; пер. с англ. О. А. Назаровой. - М.: Идея-Пресс, 2000. - 208 с.
58. Козырев, Г. И. Политическая конфликтология / Г. И. Козырев. - М.: ИД «ФОРУМ», 2008. - 432 с.
59. Конт, О. Общий обзор позитивизма / О. Конт; пер. с франц. И. А. Шапиро. - 2-е изд. - М.: ЛИБРОКОМ, 2011. - 296 с.
60. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. - М.: Гардарики, 2005. - 287 с.
61. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. - М.: РГГУ, 1995. - С. 144-238.

62. Лабуш, Н.С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: новая революция, экстремизм / Н.С. Лабуш, А.С. Пую. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2019. — 340 с.
63. Лангер, С. Философия в новом ключе: исследование символики разума, ритуала и искусства / С. Лангер; пер. с англ. - М.: Республика, 2000. - 287 с.
64. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. - М.: Наука, 1985. - 399 с.
65. Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / А. Лейпхарт; пер. с англ. Б. И. Макаренко. - М.: Аспект Пресс, 1997. - 290 с.
66. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.
67. Липсет, С. М. Консенсус и конфликт: Очерки по политической социологии. Реферат / С. М. Липсет; РАН. ИНИОН. - М., 1987. - 33 с.
68. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Сочинения: в 3 т. Т. 3. - М.: Мысль, 1988. - С. 137-405.
69. Лотман, Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. - СПб. : Искусство-СПБ, 2010. - 704 с.
70. Луман Н. Общество общества. II. Медиа коммуникации / Н. Луман ; пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. – М. : Логос, 2005. – 280 с.
71. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. - М.: Гнозис, 2003. - 280 с.
72. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа. Внешнее расширение человека / Г.М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Николаева ; заключ. ст. М. Вавилова. – 2-е изд. – М. : Гиперборея : Кучково поле, 2007. – 464 с.

73. Манн М. Темная сторона демократии / М. Манн ; пер. с англ. Д. Сливняк, М. Сливняк, В. Туз. – СПб. : Питер, 2023. – 896 с.
74. Маркс, К., Энгельс, Ф. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собрание сочинений. Т. 13. - М.: Политиздат, 1959. - 771 с.
75. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. - Ростов н/Д: Феникс, 2010. - 562 с.
76. Метц, К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино / К. Метц; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. - 2-е изд. - СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2013. - 334 с.
77. Никитин, А. И. Миротворческие операции: концепции и практика / А. И. Никитин. - М.: МОНФ, 2000. - 188 с.
78. Никовская, Л.И., Михайленок, О.М., Тимофеева, Л.Н. [и др.] Социально-политические конфликты: теоретические представления и практики урегулирования : монография / отв. ред. Л.И. Никовская, О.М. Михайленок ; предисл. О.М. Михайленок ; ФНИСЦ РАН. – М. : ФНИСЦ РАН, 2024. – 460 с.
79. Оруэлл, Дж. Лев и Единорог / Дж. Оруэлл // Эссе, статьи, рецензии. - М. : Московская школа политических исследований, 2003. - С. 341-356.
80. Парсонс, Т. Социальная структура и социальное действие / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. - М., 1996. – 880 с.
81. Парето, В. Социалистические системы / В. Парето. - М.: РИОР, 2024. - 716 с.
82. Пивовар, Е. И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк / Е. И. Пивовар. - СПб. : Алетейя, 2010. - 400 с.
83. Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс. - М.: Логос, 2000. - 412 с.

84. Розанов, В. В. Среди художников / В. В. Розанов. - СПб., 1914. - 499 с.
85. Саид, Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. В. Саид; пер. с англ. А. В. Говорунова. - СПб., 2006. - 639 с.
86. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса; пер. с франц. и португ. - М.: Прогресс, 1999. - С. 14-53.
87. Сикевич, З. В. Социология и психология этнических отношений / З. В. Сикевич. - СПб.: Лань, 2022. - 276 с.
88. Сорокин, П. А. Социология революции / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. - М.: Политиздат, 1992. - С. 266-294.
89. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. - М.: Прогресс, 1977. - 695 с.
90. Социальные сети: Власть, коммуникация и стратегии поведения / под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Аспект Пресс, 2025. – 322 с
91. Степанов, В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации: монография / В.Н. Степанов. – СПб.: Розамира, 2008. – 268 с.
92. Спенсер, Г. Основания социологии / Г. Спенсер // Тексты по истории социологии XIX-XX вв. - М., 1994. – 508 с.
93. Теннис, Ф. Общность и общество / Ф. Теннис. - СПб.: Владимир Даль, 2002. - 452 с.
94. Тилли, Ч. От мобилизации к революции / Ч. Тилли; пер. с англ. Д. Карасева. - М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. - 432 с.
95. Тишков, В. А. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе / В. А. Тишков. - М.: Росинформагротех, 2010. - 264 с.

96. Тишков, В. А., Шабаев, Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности / В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев. - М.: Изд-во МГУ, 2011. - 376 с.
97. Уайтхед, А. Н. Символизм, его смысл и воздействие / А. Н. Уайтхед. - Томск: Водолей, 1999. - 64 с.
98. Уткин, А. И. Большая восьмёрка: цена вхождения / А. И. Уткин. - М. : Алгоритм, 2006. - 480 с.
99. Фрейд, З. Я и Оно / З. Фрейд. - М.: Эксмо, 2014. - 864 с.
100. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. - СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. - 416 с.
101. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. - М., 1996. - С. 47-96.
102. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия : в 2 т. Т. 1: Рациональность действия и социальная рационализация ; Т. 2: К критике функционалистского разума / Ю. Хабермас ; пер. с нем. А. К. Судакова. - Москва : Весь Мир, 2022. - 880 с.
103. Хайдеггер, М. Что зовется мышлением? / М. Хайдеггер; пер. Э. Сагетдинова. - М.: Академический проект, 2007. - 352 с.
104. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. С. Н. Зенкина. - М.: Новое издательство, 2007. - 348 с.
105. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. - М.: АСТ, 2003. - 603 с.
106. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум ; пер. с англ. А.А. Васильева. – СПб. : Алетейя, 1998. – 305 с.
107. Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991) / Э. Хобсбаум. - М.: Независимая Газета, 2004. - 632 с.
108. Чернейко, Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. - 2-е изд. - М.: УРСС, 2010. - 272 с.

109. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. - М., 2004. – 324 с.

110. Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика / Г. Шлее ; пер. с англ. и нем. С.В. Соколовского ; программа сотрудничества ЕС и России (Тасис). – М. : Deutsch-Russischer Austausch, 2004. – 200 с.

111. Эко, У. Vertigo. Круговорот образов, понятий, предметов / У. Эко. - М.: Слово, 2009. - 408 с.

112. Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам / В. А. Авксентьев [и др.]. - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. - 202 с.

113. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг; сост. А. Руткевич. - М.: Renaissance, 1991. - 304 с.

114. Язык вражды против общества / сост. А. Верховский. - М.: Центр «Сова», 2007. - 259 с.

Статьи из научных изданий

115. Авксентьев, В.А. Этнические конфликты: проблемы идентификации в контексте научно-экспертной деятельности / В.А. Авксентьев // Этнические проблемы современности. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2012. – Вып. 17. – С. 6–23.

116. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. - С. 411-412.

117. Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем / В.А. Ачкасов // ПОЛИТЕКС. – 2013. – Т. 9, № 2. – С. 41–61.

118. Ачкасова, В.А. Медиатизированный конфликт: концепт и факторы актуализации // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения: Сб. мат. Междунар. научн. форума (9–12 ноября 2020 г.): в 2 т. Т. 2 / Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ. СПб.: Медиапир, 2020. С. 33.

119. Барбашин, М. Ю. Современные социологические подходы в изучении этничности / М. Ю. Барбашин // Социально-гуманитарные знания. - 2005. - № 4. - С. 167-181.

120. Батуренко, С. А. Теория конфликта и проблема социального порядка / С. А. Батуренко // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. - 2013. - № 3. - С. 111-120.

121. Бабченко, М. С. Эволюция приднестровской идентичности в условиях неурегулированного конфликта с Республикой Молдова // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 56–66.

122. Батюта, Е.А. Медиарепрезентации социального конфликта сквозь призму «иллюзорной демократии» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. — 2016. — Т. 11, № 2. — С. 32-40.

123. Баязитова, Р. Ф. Языковые и этнические конфликты на постсоветском пространстве в интернет-коммуникации / Р. Ф. Баязитова // Социолингвистика. - 2021. - № 2 (6). - С. 145-163.

124. Будко, Д. А. Нарративные стратегии визуализации в пабликах глав регионов (на примере социальной сети ВКонтакте) / Д. А. Будко, Е. А. Калашникова // Социальные и гуманитарные знания. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 130-143.

125. Бурыкин, И.А. Информационное сопровождение социальных конфликтов в средствах массовой информации (на примере сирийского конфликта) // Коммуникология: электронный научный журнал. — 2019. — Т. 4, № 2. — С. 90-97.

126. Вартанова Е.Л. К вопросу о субъектности конфликта в медиакommunikационной среде / Е.Л. Вартанова. // Меди@льманах. — 2021. — № 3 (104). — С. 8-18.

127. Вартанова Е. Л., Асланов И. А, Гладкова А.А., Дунас Д. В. Социальный конфликт в отечественных медиаисследованиях: эмпирический анализ дискурса научных журналов (2014—2021) //

Вопросы теории и практики журналистики. — 2022. — Т. 11, № 3. — С. 429-452.

128. Вартанова Е.Л., Дунас Д.В., Гладкова А.А. Медиаконфликтология как поле междисциплинарного анализа социальных конфликтов // Вопросы теории и практики журналистики. — 2023. — Т. 12, № 4. — С. 601–618.

129. Володенков С.В. Политические коммуникации как инструмент конструирования современной социально-политической реальности / С.В. Володенков, Д.И. Чулков // Русская политология. — 2018. — № 4 (9). — С. 3–8.

130. Гаврилов, А. А. Лингвистические средства воздействия СМИ на общественное сознание / А. А. Гаврилов // ОНВ. - 2013. - № 1 (115). - С. 99-103.

131. Гольбрайх, В.Б. Социальные медиа в локальных экологических конфликтах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2019. — Т. 12, № 4. — С. 368-384.

132. Грачев, С.И. Роль «новых медиа» в современных конфликтах // Вестник Московского государственного областного университета — 2018. — № 4. — С. 33-40.

133. Данкова, Н. С. Стратегия эмоционализации как средство репрезентации судебной власти в российских и английских печатных СМИ / Н. С. Данкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. - 2016. - № 4 (40). - С. 102-114.

134. Джантеева, Д. С. Анализ историко-дискурсивных практик этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе / Д. С. Джантеева // Дискурс-Пи. - 2017. - Т. 14, № 2. - С. 85-92.

135. Дробижева Л.М. Этнические конфликты / Л.М. Дробижева // Социальные конфликты в меняющемся российском обществе

(детерминация, развитие, разрешение) // Полис. – 1994. – № 2. – С. 98–117.

136. Дробижева Л.М. Этнополитические конфликты. Причины и типология (конец 80–х – начало 90–х гг.) / Л.М. Дробижева // Россия сегодня: трудные поиски свободы / отв. ред. Л.Ф. Шевцова. – М. : ИМЭПИ РАН, 1993. – С. 240–242.

137. Жданова, И. И. Коммуникативные стратегии толерантного газетного дискурса русскоязычных зарубежных СМИ / И. И. Жданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2013. - № 3. - С. 71-74.

138. Зазаева, Н. Б. Роль СМИ в формировании межэтнической толерантности в современной России / Н. Б. Зазаева // Вестник Поволжского института управления. - 2013. - № 5 (38). - С. 61-67.

139. Залегдинова А.Р. Основные стратегии и тактики в общественно-политическом дискуссионном ток-шоу (на материале русского и английского языков) / А.Р. Залегдинова // Филология и культура. Philology and Culture. – 2012. – № 29. – С. 47–50.

140. Заставенко, В.А. Коммуникативное пространство конфликта: теоретический анализ // Конфликтология — 2021. — № 4. — С. 81-95.

141. Зиммель, Г. Человек как враг / Г. Зиммель // Социологический журнал. - 1994. - № 2. - С. 114-119.

142. Зиновьева, Е.С. Роль социальных медиа в современных международных конфликтах: существующие научные подходы и перспективные направления исследований // Национальная безопасность — 2016. — № 3. — С. 358-368.

143. Иванова, Л.Ю. Взаимодействие смысловых позиций в международном медиадискурсе российско-германских и российско-британских отношений // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4. — С. 60-66.

144. Казанцев, А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы»// Полис. Политические исследования. — 2008. — №2. — С.122-135.

145. Коробкова, О. С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект / О. С. Коробкова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. - 2009. - С. 200-205.

146. Колосов, В. А., Заяц, Д. В. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. 2001. № 1. С. 88–122.

147. Кривошлыкова, Л. В. К определению понятия «Дискурс» / Л. В. Кривошлыкова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. - 2010. - № 3. – С. 42-47.

148. Круглова, Л. А., Щепилова, Г. Г. Российские телеканалы и социальные медиа в условиях трансформации медиаполя / Л. А. Круглова, Г. Г. Щепилова // Вестник Томского государственного университета. Филология. - 2024. - № 87. - С. 255-272.

149. Кутейба, А. Особенности отражения сирийского военного противостояния в медиа Сирии, России и стран Запада // Коммуникология. — 2018. — Т. 6, № 5. — С. 120-132.

150. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. - М.: РГГУ, 1995. - С. 144-238.

151. Лукина, М.М. Конфликт в повестке дня российских информационных агентств: исследование в контексте конструктивной журналистики // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2021. — № 5. — С. 27-50.

152. Лавренов, С. Я., Губарь, А. И. Уникальность российской миротворческой миссии на Днестре / С. Я. Лавренов, А. И. Губарь // Обозреватель - Observer. - 2022. - № 11-12 (394–395).

153. Лапкин, В. В., Пантин, В. И. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов / В. В. Лапкин, В. И. Пантин // *Мировая экономика и международные отношения*. - 2016. - Т. 60, № 12. - С. 92-103.
154. Лукьянова, Г. В. Особенности формирования повестки дня в мессенджере Telegram / Г. В. Лукьянова, А. Ю. Соловьев // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 90-97.
155. Лукьянова, Н. А. Коммуникативно-семиотические стратегии конструирования социальной реальности / Н. А. Лукьянова // *Известия ТПУ*. - 2009. - № 6. - С. 138-143.
156. Мавлетова, А.М., Лебедев, Д.В. Исследования медиа-фреймов: обзор основных методологических подходов // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. — 2017. — Т. 2, № 3. — С. 79–102.
157. Малкова, В. К. Этнические темы в российском информационном пространстве / В. К. Малкова // *Коммуникология*. - 2014. - № 3. - С. 110-117.
158. Манойло, А. В. Информационная война и новая политическая реальность (II) / А.В. Манойло // *Российский социально-гуманитарный журнал*. – 2021. – № 2. – С. 110–148.
159. Манойло, А. В. Информационно-психологическая война в вооружённом конфликте в Южной Осетии / А.В. Манойло // *Власть*. – 2009. – № 9. – С. 81–85.
160. Мансуров, Т. З. Интеграционные процессы между Россией и Абхазией: особенности и противоречия развития / Т. З. Мансуров // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. - 2018. - № 2. - С. 125-137.
161. Маркедонов, С. М. Постсоветские де-факто государства: траектории борьбы за суверенитет / С. М. Маркедонов // *Мировая экономика и международные отношения*. - 2021. - Т. 65, № 12. - С. 79-89.

162. Маркедонов, С. М. Постсоветское пространство: распад или сохранение? / С. М. Маркедонов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. - 2017. - № 2 (8). – С. 9-16.
163. Марьянчик, В. А. Событие как элемент аксиологической структуры медиа-политического текста / В. А. Марьянчик // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. - 2009. - № 3. - С. 54-58.
164. Морозова, С. С. Особенности политической коммуникации в виртуальных сообществах в условиях глобальных вызовов и рисков / С. С. Морозова, Д. А. Будко, И. А. Бабюк // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 230-243.
165. Моска, Г. Правящий класс / Г. Моска // Социология власти. - 2012. - № 1. - С. 217-232.
166. Мухаметшин, Ф. М., Степанов, В. П. Приднестровье сегодня: к вопросу о региональной безопасности / Ф. М. Мухаметшин, В. П. Степанов // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2020. - № 1 (86). - С. 53-59.
167. Новгородов, Е. А. Видеоигры в российских федеральных СМИ: трансформация дискурса / Е. А. Новгородов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2025. – № 4. – С. 120–137.
168. Осипов, А. Г. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс / А. Г. Осипов // Расизм в языке социальных наук / под ред. В. Воронкова, А. Г. Осипова, О. В. Карпенко. - СПб.: ЦНСИ, 2002. - С. 45-69.
169. Парето, В. О применении социологических теорий / В. Парето // Социс. - 1995. - № 10. - С. 137-145.
170. Пильгун, М.А. Семантическая репрезентация и восприятие сетевой агрессии: Городские цифровые коммуникации // Медиалингвистика. — 2020. — Т. 7, № 4. — С. 462-489.

171. Плотникова, С. Н. Концептуальные основания конструирования дискурсивных стратегий / С. Н. Плотникова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. - 2018. - № 3 (31). - С. 78-86.
172. Празаускас, А. СНГ как постколониальное пространство / А. Празаускас // Независимая газета. - 1992, 7 февраля. - С. 5.
173. Приёмы информационной войны в современных СМИ (на примере политического конфликта России и Украины в 2014-2015 гг.) // Дискурс-Пи. — 2016. — № 1. — С. 18-26.
174. Пчегатлук, С.К. Отражение политических событий в российских и украинских сми: социологический аспект // Теория и практика общественного развития. — 2018. — № 5. — С. 16-20.
175. Родионова, Е. В., Балан, К. А. Репрезентация этнического конфликта в средствах массовой информации в постсоветский период / Е. В. Родионова, К. А. Балан // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. - 2020. - № 2. - С. 519-534.
176. Русакова, О. Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса / О. Ф. Русакова // Антиномии. - 2007. - № 7. - С. 5-34.
177. Русакова, О. Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций / О. Ф. Русакова // Аналитика культурологии. - 2008. - № 11. - С. 190-205.
178. Русакова, О. Ф., Курильченко, С. С. Политический медиадискурс: вопросы теоретико-методологического и регионального анализа / О. Ф. Русакова, С. С. Курильченко // Дискурс-Пи. - 2019. - № 4 (37). - С. 28-48.
179. Савинова, А.А. Политический медиадискурс в эскалации этнического конфликта в Косово // Коммуникология: электронный научный журнал. — 2020. — Т. 5, № 1. — С. 45-59.

180. Семенов, И.С. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы "большой теории" / И.С. Семенов, В.В. Лапкин, В.И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 69–94.
181. Сикевич, З. В. О соотношении этнического и социального / З. В. Сикевич // Журнал социологии и социальной антропологии. - 1999. - Т. 2, № 2. - С. 71-81.
182. Силаев, Н. Ю. Напрасные войны: работает ли модель Тилли на постсоветском пространстве? / Н. Ю. Силаев, И. В. Болгова // Сравнительная политика. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 133-154.
183. Смирнова, О.В. Исследования медиа и журналистики в контексте конфликтологии: Системно-теоретические аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. — 2021. — Т. 10, № 1. — С. 5-21.
184. Смирнова, О.В., Лазутина, Г.В., Денисова, И.Н. Международные конфликты в контексте ценностных отношений общества: Особенности участия СМИ // Меди@льманах. — 2021. — № 3 (104). — С. 32-40.
185. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ : [сборник] / гл. науч. ред. О. Ф. Русакова. - Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2006. - 209 с.
186. Солганик, Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиа́текст» / Г. Я. Солганик // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. - 2005. - № 2. - С. 7-15.
187. Соловьев, А. Ю. Теория установления повестки дня в условиях фрагментации современного медиапространства (на примере мессенджера Telegram) / А. Ю. Соловьев, Г. В. Лукьянова // Политические институты в современном мире: коллапс или перезагрузка? : Сборник материалов по итогам Всероссийской научной

конференции, Санкт-Петербург, 12–13 октября 2023 года. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2023. – С. 313-315.

188. Суздальцев, А. И. Постсоветское пространство: единство и многообразие / А. И. Суздальцев // Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут всё изменить / отв. ред. и рук. кол. С. А. Караганов. - М. : АСТ ; Русь-Олимп, 2008. - С. 384-410.

189. Сулина, О. В. Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства / О. В. Сулина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 217-222.

190. Сычев, А. А., Жадунова, Н. В., Коваль, Е. А. Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере республики Мордовия) / А. А. Сычев, Н. В. Жадунова, Е. А. Коваль // Регионология. - 2018. - № 4 (105). - С. 798-815.

191. Тишков, В. А. О культурном многообразии / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. - 2005. - № 1. - С. 3-22.

192. Тишков, В.А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить / В.А. Тишков // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. – М. : Политическая энциклопедия, 2016. – С. 7–18.

193. Тишков, В.А. Что есть Россия и российский народ / В.А. Тишков // Pro et Contra. – 2007. – Т. 11, № 3. – С. 21–41.

194. Фирстова, Л. А. Стратегическое и тактическое целеполагание в рамках телепублицистического дискурса / Л. А. Фирстова // Известия ВГПУ. - 2008. - № 2. - С. 29-32.

195. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. - 2005. - № 2-3 (40-41). - С. 8-27.

196. Харыбин, А. Мягкая сила и гибридная война как элементы стратегии России в геополитических конфликтах / А. Харыбин // Наука Красноярья. - 2015. - № 6. - С. 70-79.

197. Цараева, М. Р., Реунова, О. И. Эвфемизмы как лингвистическое явление (на материале современного английского языка) / М. Р. Цараева, О. И. Реунова // Некоторые проблемы германской филологии : межвуз. сб. науч. тр. / Пятигорск : ПГЛУ, 2000. - С. 31-39.
198. Цурикова, Л. В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности / Л. В. Цурикова // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2007. - № 4. - С. 98-108.
199. Чернейко, Л. О. Термин "дискурс": поиски означаемого / Л. О. Чернейко // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. - 2006. - № 2. – С. 34-41.
200. Чудинов, С. И., Казначеев, Д. А. Развитие идеологического дискурса исламистских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» / С. И. Чудинов, Д. А. Казначеев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2025. – № 6. – С. 152–177
201. Чумиков, А.Н. Конфликтные коммуникации в медийном поле // Коммуникология. — 2021. — Т. 9, № 2. — С. 125-142.
202. Шевченко, А. В. Атональность международно-политического дискурса: "дурная парресия" в парадоксальной коммуникации / А. В. Шевченко // Право и современные государства. – 2022. – № 4. – С. 48-58.
203. Шевчук, Н. В. Роль российского миротворчества в процессе приднестровского урегулирования / Н. В. Шевчук // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. - 2023. - № 2. - С. 228-240.
204. Этингер, Я. Я. Межнациональные конфликты в СНГ и международный опыт / Я. Я. Этингер // Свободная мысль. - 1993. - № 3. - С. 87-95.
205. Юри У. Этнические конфликты: что можно сделать? // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993. С. 77.

206. Якова, Т.С. Массмедиа и конфликты: медиагеографические исследования // Вопросы теории и практики журналистики. — 2021. — Т. 10, № 4. — С. 680-697.

207. Юрченко, И. В. Теория дискурса как методология конфликтологического анализа региональных этнополитических процессов / И. В. Юрченко // Социально-политические науки. - 2023. - Т. 13, № 1. - С. 15-20.

Электронные ресурсы

208. «ЕС призывает Турцию признать геноцид армян» // Русская служба BBC. - 2005. - 28 сентября. - URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_4290000/4290524.stm (дата обращения: 10.08.2025).

209. Гладилин, А. В. «Язык вражды» как коммуникация / А. В. Гладилин // Современные исследования социальных проблем. - 2012. - № 11. - URL: <http://ej.soc-journal.ru> (дата обращения: 10.08.2025).

210. Казаков А.А. Атрибутивные повестки дня и фреймы «Российской газеты» и «Новой газеты» в контексте методов воздействия на аудиторию (на примере освещения конфликта на юго-востоке Украины) / А.А. Казаков. // Медиаскоп. — 2015. — № 2. — URL: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/596> (дата обращения: 10.08.2025).

211. Кушнир, А., Кальин, А. Исследование активности аудитории в социальных сетях: Engagement Rate, тренды и паттерны поведения / А. Кушнир, А. Кальин // Popsters. - 2023. - URL: <https://popsters.ru/blog/post/issledovanie-aktivnosti-auditorii-socialnyh-setey> (дата обращения: 20.04.2025).

212. Федеральные СМИ // Рейтинги Медиалогии. - URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/14045/#internet> (дата обращения: 00.00.2024).

213. Попстерс. Анализ вовлеченности в социальных сетях: как измерить и улучшить показатели // Popsters. - URL: <https://popsters.ru/blog/post/63> (дата обращения: 20.04.2025).

214. Пшеничников, И.Б. Мягкая сила России: духовное измерение [Электронный ресурс] / И.Б. Пшеничников. — URL: <http://riss.ru/analitycs/6830/> (дата обращения: 07.08.2025).

215. Чермит, Д. Тренды SMM: как изменилось поведение пользователей после 2022 года / Д. Чермит // VC.ru. - 2024. - URL: <https://vc.ru/smm/> (дата обращения: 20.04.2025).

216. Gall C. Conflict In The Balkans: In Kosovo // «The New York Times». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nytimes.com/1999/03/23/world/conflict-balkans-kosovo-top-ethnic-albanian-rebel-asks-nato-start-strikes.html> (дата обращения: 07.08.2025).

217. Hootsuite Blog. The 21 Essential Social Media Metrics You Must Track for Success in 2024 // Hootsuite. - URL: <https://blog.hootsuite.com/social-media-metrics/> (дата обращения: 10.08.2025).

218. We Are Social ; DataReportal. Digital 2024: Global Overview Report / We Are Social ; DataReportal. - 2024. - URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 07.08.2025).

Источники на иностранных языках

219. Aday, S. Chasing the bad news: An analysis of 2005 Iraq and Afghanistan war coverage on NBC and Fox News Channel // Journal of Communication. - 2010. - Vol. 60, No. 1. - P. 144-164.

220. Al Ghazzi, O. «Citizen Journalism» in the Syrian Uprising: Problematizing Western Narratives in a Local Context / O. Al Ghazzi // Communication Theory. - 2014. - Vol. 24, No. 4. - P. 435-454.

221. Allan, K., Burrige, K. Euphemism & Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon / K. Allan, K. Burrige. - Oxford: Oxford University Press, 1991. - 263 p.

222. Altybayeva, Ж. Methodology for studying conflicts. Specific features of studying conflicts in the post-Soviet space // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. - 2024. - Vol. 147, No. 2. - P. 116–126.

223. Ambrosio, T., Lange, W. D. The architecture of annexation? Russia's bilateral agreements with South Ossetia and Abkhazia // Nationalities Papers. - 2016. - Vol. 44. - P. 673-693.

224. Ansoff, H. I. Corporate Strategy: An Analytic Approach to Business Policy for Growth and Expansion / H. I. Ansoff. - New York : McGraw-Hill, 1965. - 241 p.

225. Analysing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text / ed. by R. Wodak, J. E. Richardson. - New York : Routledge, 2013. - 338 p.

226. Aslund, A. To be or not to be a state? The alignment behaviours of Abkhazia and South Ossetia with Russia // Australian and New Zealand Journal of European Studies. - 2024. - P. 19-28.

227. Avraham, E., First, A. Combining the representation approach with the framing concept: Television news coverage of the Arab population in Israel during conflict // Journalism. - 2010. - Vol. 11, No. 4. - P. 481-499.

228. Belkania, B. et al. The «Common Social and Economic Space» Agreement Between Abkhazia and Russia: A Path to Russia? // Caucasus Survey. - 2023. - P. 63-69.

229. Bell, A., Garrett, P. Approaches to media discourse / A. Bell, P. Garrett. - Oxford: Blackwell Publishers, 1998. - 287 p.

230. Berger, J., Milkman, K. L. Social Transmission, Emotion, and the Virality of Online Content / J. Berger, K. L. Milkman. - Cambridge, MA : Marketing Science Institute, 2010. - 52 p. - (MSI Working Paper Series ; Report No. 10-114).

231. Borah, P. Conceptual issues in framing theory: A systematic examination of a decade's literature // *Journal of Communication*. - 2011. - Vol. 61, No. 2. - P. 246–263.

232. Boulding, K. *Conflict and defense: A General theory* / K. Boulding. - N.Y.: St. Martins press, 1988. - 289 p.

233. Boyd, D., Crawford, K. Critical Questions for Big Data: Provocations for a Cultural, Technological, and Scholarly Phenomenon // *Information, Communication, & Society*. - 2012. - Vol. 15. - P. 662-679.

234. Brubaker, R. *Trans: Gender and Race in an Age of Unsettled Identities* / R. Brubaker. - Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2016. - 236 p.

235. Burscher, B., Odijk, D., Vliegthart, R., De Rijke, M., De Vreese, C. H. Teaching the computer to code frames in news: Comparing two supervised machine learning approaches to frame analysis // *Communication Methods and Measures*. - 2014. - Vol. 8, No. 3. - P. 190-206.

236. Choi, J., Boyle, M. P., Keum, H., Shevy, M. D., McLeod, D. M., Shah, D. V., Pan, Z. Media, terrorism, and emotionality: Emotional differences in media content and public reactions to the September 11th terrorist attacks // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. - 2003. - Vol. 47, No. 3. - P. 309-327.

237. Choi, J., Yang, M., Chang, J. J. C. Elaboration of the hostile media phenomenon: The roles of involvement, media skepticism, congruency of perceived media influence, and perceived opinion climate // *Communication Research*. - 2009. - Vol. 36 (1). - P. 54-75.

238. Cornell, S. E. *Autonomy and Conflict: Ethnoterritoriality and Separatism in the South Caucasus — Cases in Georgia* / S. E. Cornell. - Uppsala : Uppsala University, Department of Peace and Conflict Research, 2002. - 248 p.

239. Cornell, S. E. *Small Nations and Great Powers: A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus* / S. E. Cornell. - Richmond: Curzon Press, 2001. - 480 p.
240. Coupland, J. Past the 'perfect kind of age'? Styling selves and relationships in over-50s dating advertisements // *Journal of Communication*. - 2000. - Vol. 50, No. 3. - P. 9-30.
241. David, C. C., Atun, J. M., Fille, E., Monterola, C. Finding frames: Comparing two methods of frame analysis // *Communication Methods and Measures*. - 2011. - Vol. 5, No. 4. - P. 329-351.
242. Dahrendorf, R. *Class and Class Conflict in Industrial Society* / R. Dahrendorf. - Stanford, CA : Stanford University Press, 1959. - 336 p.
243. De Vreese, C. H. News framing: Theory and typology // *Information Design Journal & Document Design*. - 2005. - Vol. 13, No. 1. - P. 51-62.
244. De Vreese, C. H., Peter, J., Semetko, H. A. Framing politics at the launch of the Euro: A cross-national comparative study of frames in the news // *Political communication*. - 2001. - Vol. 18, No. 2. - P. 107-122.
245. Dijk, T. A. van. *Critical discourse analysis* / T. A. van Dijk // *The Handbook of Discourse Analysis* / ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton. - Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2003. - P. 352-371. - 872 p.
246. Dijk, T. A. van. *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach* / T. A. van Dijk. - Cambridge : Cambridge University Press, 2008. - 267 p.
247. Dijk, T. A. van. *Ideology: A Multidisciplinary Approach* / T. A. van Dijk. - London ; Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 1998. - 374 p.
248. Dijk, T. A. van. *The Analysis of News as Discourse* / T. A. van Dijk // *News Analysis: Case Studies of International and National News in the Press* / ed. by T. A. van Dijk. - Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1988. - P. 1-30.

249. Dijk, T. A. van, Kintsch, W. *Strategies of Discourse Comprehension* / T. A. van Dijk, W. Kintsch. - New York: Academic Press, 1983. - 423 p.
250. Dirikx, A., Gelders, D. *To frame is to explain: A deductive frame-analysis of Dutch and French climate change coverage during the annual UN Conferences of the Parties // Public understanding of Science.* - 2010. - Vol. 19, No. 6. - P. 732–742.
251. Druckman, J. N. *Media matter: How newspapers and television news cover campaigns and influence voters // Political Communication.* - 2005. - Vol. 22, No. 4. - P. 463-481.
252. Easton, D. *A Framework for Political Analysis* / D. Easton. - Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1965. - 143 p.
253. Easton, D. *The Analysis of Political Structure* / D. Easton. - New York; London: Routledge, 1990. - 336 p.
254. Entman, R. M. *Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // Journal of Communication.* - 1993. - Vol. 43, No. 4. - P. 51-58.
255. Entman, R. M., Matthes, J., Pellicano, L. *Nature, sources, and effects of news framing // In The handbook of journalism studies / Ed. by Wahl-Jorgensen K., Hanitzsch T.* - 2009. - P. 175-190.
256. Entman, R. *Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and U.S. Foreign Policy* / R. Entman. - Chicago: University of Chicago Press, 2004. - 240 p.
257. *Ethnic Conflict In World Politics* / B. Harff, T. R. Gurr. - 2nd ed. - Hachette Book Group, 2018. - 250 p.
258. Evera, S. van. *Hypotheses on Nationalism and War* / S. Van Evera // *International Security.* - 1994. - Vol. 18, No. 4. - P. 5-39.
259. Fairclough, N. *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. - London: Routledge, 2003. - 270 p.
260. Fairclough, N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language* / N. Fairclough. - 2nd ed. - London : Routledge, 2010. - 608 p.

261. Fairclough, N. *Language and Power* / N. Fairclough. - 2nd ed. - Harlow : Longman, 2001. - 226 p.
262. Fairclough, N. *Media Discourse* / N. Fairclough. - London : Arnold, 1995. - 214 p.
263. Fowler, R. *Language in the news: Discourse and ideology in the press* / R. Fowler. - London: Routledge, 1991. - 254 p.
264. Galtung, J. *Human rights in another key* / J. Galtung. - London: Policy press, 1994. - 184 p.
265. Galtung, J. *Peace Journalism: What, Why, Who, How, When, Where* // Workshop "What are Journalists For?". - Transcend, 1998.
266. Gee, J. P. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method* / J. P. Gee. - New York; London: Routledge, 2005. - 176 p.
267. Gerbner, G., Gross, L., Morgan, M., Signorielli, N., Shanahan, J. *Growing Up with Television: Cultivation Processes* / G. Gerbner, L. Gross, M. Morgan, N. Signorielli, J. Shanahan // *Media Effects: Advances in Theory and Research* / ed. by J. Bryant, D. Zillmann. - 2nd ed. - Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 2002. - P. 43-67.
268. Goffman, E. *Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates* / E. Goffman. - New York: Anchor Books, 1961. - 386 p.
269. Gurr, T. R. *Peoples Versus States: Minorities at Risk in the New Century* / T. R. Gurr. - Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 2000. - 448 p.
270. Gurr, T. R. *Why Men Rebel* / T. R. Gurr. - Princeton, NJ : Princeton University Press (for the Center of International Studies, Princeton University), 1970. - 421 p.
271. Habermas, J. *Die nachholende Revolution* / J. Habermas. - Frankfurt: Suhrkamp, 1990. - 180 S.
272. Halliday, M. A. K. *Text as Semantic Choice in Social Contexts* / M. A. K. Halliday // *Linguistic Studies of Text and Discourse. Collected*

Works of M. A. K. Halliday. Vol. 2 / ed. by J. J. Webster. - London : A & C Black, 2006. - P. 176-225. - 301 p.

273. Halliday, M. A. K. Towards a Language-Based Theory of Learning / M. A. K. Halliday // *Linguistics and Education*. - 1993. - Vol. 5, No. 2. - P. 93-116.

274. Horowitz, D. *Ethnic Groups in Conflict* / D. Horowitz. - Berkeley: University of California Press, 1985. - 697 p.

275. Horowitz, D. L. Democracy in Divided Societies // *Journal of Democracy*. - 1993. - Vol. 4 (4). - P. 18-38.

276. Hughes, J., Sasse, G. *Ethnicity and Territory in the Former Soviet Union: Regions in Conflict* / J. Hughes, G. Sasse. - London: Frank Cass, 2002. - 256 p.

277. Ibrahim, A. *The Rohingyas: Inside Myanmar's Genocide* / A. Ibrahim. - Oxford : Oxford University Press, 2018. - 239 p.

278. Iyengar, S. *Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues* / S. Iyengar. - Chicago: University of Chicago Press, 1991. - 206 p.

279. Iyengar, S., Peters, M. D., Kinder, D. R. Experimental Demonstrations of the "Not-So-Minimal" Consequences of Television News Programs // *The American Political Science Review*. - 1982. - Vol. 76 (4). - P. 848-858.

280. Jenkins, H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide* / H. Jenkins. - New York : NYU Press, 2006. - 308 p.

281. Kampf, Z. News-Media and Terrorism: Changing Relationship, Changing Definitions / Z. Kampf // *Sociology Compass*. - 2014. - Vol. 8, No. 1. - P. 1-9.

282. Kellermann, K. *Communication: Inherently Strategic and Primarily Automatic* / K. Kellermann // *Communication Monographs*. - 1992. - Vol. 59. - P. 288-300.

283. Kelman, H. C. Evaluating the contributions of interactive problem solving to the resolution of ethnonational conflicts // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. - 2008. - Vol. 14.
284. Kelman, H. C. Looking Back at My Work on Conflict Resolution in the Middle East // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. - 2010. - Vol. 16 (4). - P. 361-387.
285. Kolstø, P. Biting the hand that feeds them? Abkhazia–Russia client–patron relations // *Post-Soviet Affairs*. - 2020. - Vol. 36. - P. 140-158.
286. Laclau, E., Mouffe, Ch. *Hegemony and Socialist Strategy* / E. Laclau, Ch. Mouffe. - London: Verso, 1985. – 197 p.
287. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. - Chicago: University of Chicago Press, 1980. - 242 p.
288. Lapidus, G. W. Asymmetrical Federalism and State Breakdown in Russia // *Post-soviet Affairs*. - 1999. - Vol. 15. - P. 74-82.
289. Lasswell, H. D. *The Structure and Function of Communication in Society* // *The Communication of Ideas* / Ed. L. Bryson. - New York: Institute for Religious and Social Studies, 1948. - 117 p.
290. Lijphart, A. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration* / A. Lijphart. - New Haven: Yale University Press, 1977. - 280 p.
291. Livingston, S. *Clarifying The CNN Effect: An Examination of Media Effects According to Type of Military Intervention* / S. Livingston. - Cambridge, MA : Harvard University, Shorenstein Center on Media, Politics and Public Policy, 1997. - 18 p.
292. Livingston, S. *The Terrorism Spectacle* / S. Livingston. - New York : Routledge, 1994. - 221 p.
293. Makhortykh, M., Sydorova, M. *Social Media and Visual Framing of the Conflict in Eastern Ukraine* / M. Makhortykh, M. Sydorova // *Media, War & Conflict*. - 2017. - Vol. 10, No. 3. - P. 359-381.

294. McCombs, M., Shaw, D. L. The Agenda-Setting Function of Mass Media / M. McCombs, D. L. Shaw // *Public Opinion Quarterly*. - 1972. - Vol. 36, No. 2. - P. 176-187.
295. McCombs, M. E., Shaw, D. L. The Evolution of Agenda-Setting Research: Twenty-Five Years in the Marketplace of Ideas / M. E. McCombs, D. L. Shaw // *Journal of Communication*. - 1993. - Vol. 43, No. 2. - P. 58-67.
296. McQuail, D. *Mass Communication Theory* / D. McQuail. - 6th ed. - London: Sage, 2010.
297. Montgomery, M. *Discourse of broadcast news* / M. Montgomery. - London; New York: Routledge, 2007. - 265 p.
298. Montgomery, M. *Language, Media & Culture: The key concepts* / M. Montgomery. - London: Routledge, 2018. - 163 p.
299. Nye, J. S. *The Powers to Lead* / J. S. Nye. - New York: Oxford University Press, 2008. - 240 p.
300. Pêcheux, M. *Analyse automatique du discours* / M. Pêcheux. - Paris, 1969. - 139 p.
301. Potter, W. J. *Digital Media Effects* / W. J. Potter. - Lanham : Rowman & Littlefield, 2021. - 253 p.
302. Rodionova, E. V., Balan, K. A. Representation of Ethnic Conflict in the Media in the Post-Soviet Period // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. - 2020. - Vol. 65, iss. 2. - P. 519–534.
303. Roeder, P. G., Rothchild, D. S. Sustainable peace: power and democracy after civil wars / P. G. Roeder, D. S. Rothchild. - 2005. - 383 p.
304. Rothchild, J. *Ethnopolitics: A Conceptual Framework* / J. Rothchild. - New York : Columbia University Press, 1981. - 290 p.
305. Said, E. *Covering Islam: How the Media and the Experts Determine How We See the Rest of the World* / E. Said. - New York : Random House, 1997. - 288 p.
306. Sakwa, R. *Russia Against the Rest: The Post-Cold War Crisis of World Order* / R. Sakwa. - 2017. - 388 p.

307. Scheufele, D. A. Framing as a Theory of Media Effects // *Journal of Communication*. - 1999. - Vol. 49 (1). - P. 103-119.
308. Scheufele, D. A., Tewksbury, D. Framing, Agenda Setting, and Priming: The Evolution of Three Media Effects Models // *Journal of Communication*. - 2007. - Vol. 57 (1). - P. 9-20.
309. Schlee, G. Identities on the move: clanship and pastoralism in northern Kenya / G. Schlee. - Manchester : Manchester University Press ; New York : St. Martin's Press, 1989. - 218 p.
310. Shaw, D. L., Martin, S. E. The Function of Mass Media Agenda Setting / D. L. Shaw, S. E. Martin // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. - 1992. - Vol. 69, No. 4. - P. 902-920.
311. Shoemaker, P. J., Vos, T. P. Gatekeeping Theory / P. J. Shoemaker, T. P. Vos. - New York: Routledge, 2009. - 184 p.
312. Singer, J. B. The political j-blogger: "Normalizing" a new media form to fit old norms and practices // *Journalism*. - 2005. - Vol. 6. - P. 173-198.
313. Smelser, N. J. Theory of Collective Behavior / N. J. Smelser. - New York: Free Press, 1965. - 436 p.
314. Snyder, J., Rubin, B. (eds.). Post-Soviet Political Order: Conflict and State-Building / J. Snyder, B. Rubin. - London: Routledge, 1998. - 232 p.
315. Stempel, G. H. Gatekeeping: The mix of topics and the selection of stories // *Journalism Quarterly*. - 1985. - Vol. 62. - P. 791-796.
316. *Theorising Media and Conflict* / eds. P. Budka, B. Brauchler. - New York : Berghahn, 2020. - 350 p.
317. Trouillot, M.-R. Silencing the Past: Power and the Production of History / M.-R. Trouillot. - Boston: Beacon Press, 1995. - 206 p.
318. Vallone, R. P., Ross, L., Lepper, M. R. The hostile media phenomenon: Biased perception and perceptions of media bias in coverage of the Beirut massacre // *Journal of Personality and Social Psychology*. - 1985. - Vol. 49 (3). - P. 577-585.

319. White, D. M. The "Gate Keeper": A Case Study in the Selection of News / D. M. White // *Journalism Quarterly*. - 1950. - Vol. 27, No. 4. - P. 383-390.

320. Wodak, R. *Disorders of Discourse* / R. Wodak. - London: Longman, 1996. - 200 p.

321. Wodak, R., Busch, B. *Approaches to media texts* / R. Wodak, B. Busch // *Handbook of Media Studies* / ed. by J. Downing, D. McQuail, P. Schlesinger, E. Wartella. - Thousand Oaks ; London ; New Delhi : Sage, 2004. - P. 105-123.

Приложение 1.

Таблица 1. Основные подходы к пониманию дискурса (по Русаковой О. Ф.)²⁴⁷

Название подхода	Авторы и последователи	Особенности
Кратологический	М. Фуко	<ul style="list-style-type: none"> • Дискурс функционирует как инструмент власти. • Дискурс играет решающую роль в определении социальных норм и ценностей, устанавливая границы приемлемого и неприемлемого поведения. • Дискурс не нейтрален или объективен, а скорее переплетен с отношениями власти и служит интересам доминирующих групп.
Лингвистический	К. Леви-Стросс, Э. Бенвенист, М. Пеше, А. Греймас, П. Серио, Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик	<ul style="list-style-type: none"> • Дискурс формируется в речевой деятельности и выражает знания. • Язык изучается в контексте общения, акцентируется внимание на том, как языковые элементы взаимосвязаны в тексте и контексте.
Семиотический	Р. Барт, Ж. Бодрийяр, У. Эко	<ul style="list-style-type: none"> • Объекты и виды дискурса рассматриваются как знаки, как язык, посредством которого передается значение. • Знак состоит из двух компонентов: означающего (формы) и означаемого (содержания). • Значение знака зависит от контекста его использования • Значения знаков не статичны; они могут изменяться со временем и в зависимости от контекста.
Социально-коммуникативный	М. Фуко, Ю. Хабермас и И. Гоффман	<ul style="list-style-type: none"> • Акцентирует внимание на взаимодействии между участниками коммуникации и социальными контекстами, в которых эта коммуникация происходит. • Дискурс рассматривается как взаимодействие между говорящими и слушающими. Важно учитывать, как участники коммуникации влияют друг на друга, как они реагируют на

²⁴⁷ Русакова, О. Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса / О. Ф. Русакова // Антиномии. - 2007. - № 7. - С. 5-34.

		<p>высказывания и как создаются смысловые значения в процессе общения.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Участники дискурса занимают определенные социальные роли, которые влияют на их высказывания и восприятие
Постмодернистский	Э. Лакло, Ш. Муфф, Ж. Деррида и Д. Батлер	<ul style="list-style-type: none"> • Постмодернизм подчеркивает важность различных голосов и точек зрения. Он признает, что разные группы имеют свои уникальные дискурсивные практики, и эти практики могут конфликтовать друг с другом. • Смысл всегда контекстуален и зависит от конкретных условий, в которых он возникает. • Все социальные и политические идентичности конструируются посредством дискурса.
Критический дискурс-анализ	Н. Фэйрклаф, Т. А. ван Дейк и Р. Водак.	<ul style="list-style-type: none"> • Язык рассматривается как социальная практика, которая отражает и усиливает различия во власти в обществе. • Цель анализа - раскрыть способы, с помощью которых язык используется для построения и поддержания социальных иерархий, маргинализации определенных групп и легитимизации доминирующих идеологий. • Различные дискурсы пересекаются и влияют друг на друга (интердискурсивность).

Таблица 2. Основные подходы к пониманию медиадискурса (авторская классификация)

Название подхода	Авторы и последователи	Особенности
Классический	Лассуэлл Г.	Определяющим фактором в медиадискурсе является интенция коммуникатора.
Лингвистический	М. Монтгомери А. Белл, Р. Фауле, Н. Фэйерклаф, Т. ван Дейка, Т. Г. Добросклонская, Г. Я. Солганик, и др.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Фокусируется на анализе языка и языковых структур, используемых в медиа. 2. На восприятие и интерпретацию информации влияют выбор слов, семантические поля, метафоры и риторические средства. 3. Медиадискурс представляет собой механизм обновления информации при помощи разнообразных коммуникационных средств в рамках такого социального института, как медиа.
Социально-когнитивный	Теун А. Ван Дейк, Дж. Г. Джексон и Д. Л. Брок:	<ol style="list-style-type: none"> 1. Анализируются культурные, экономические и политические контексты, которые влияют на медиадискурс. 2. Исследуется, как через медиа создается и поддерживается определенная картина мира, включая стереотипы и социальные нормы. 3. Дискурс играет важную роль в выражении и воспроизводстве идеологий.
Критический дискурс-анализ	Теун А. Ван Дейк, Н. Фэйерклаф, Р. Водак.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сосредоточен на взаимосвязи между языком, властью и социальными структурами. 2. Дискурсивные практики СМИ фактически конституируют реальность в процессе коммуникации. 3. Язык является мощным инструментом, который может формировать общественное мнение, укреплять доминирующие идеологии и увековечивать неравенство. 4. Критический дискурсивный анализ стремится раскрыть глубинные смыслы, дискурсы и риторические стратегии, используемые в медиатекстах, чтобы повлиять на то, как события формулируются и интерпретируются аудиторией.

Таблица 3. Сравнительные характеристики дискурса и медиадискурса.

Характеристика	Дискурс (общее)	Медиадискурс (особенное)
Коммуникативное поле	Любое социальное взаимодействие	Пространство СМИ (традиционные и цифровые)
Аудитория	Может быть любой (диадная, групповая и т.д.)	Массовая, анонимная, гетерогенная
Основная функция	Конструирование смысла и социальной реальности	Информирование, интерпретация, конструирование реальности, воздействие
Каналы	Разнообразные (речь, текст, жесты и т.д.)	Опосредованные медиатехнологиями (ТВ, пресса, интернет)
Скорость/Динамика	Может варьироваться	Высокая скорость производства и распространения
Интенциональность	Присутствует, но не всегда явная	Выраженная интенция воздействия/убеждения
Публичность	Не обязательна	Сущностная характеристика
Структура	Многоуровневая (слоистая)	Многоуровневая + гипертекстуальность, интерактивность (особенно в новых медиа)
Контекст	Социокультурный, исторический, ситуативный	Медийный контекст, информационная повестка, технологические платформы
Власть/Идеология	Ключевой аспект (Фуко, КДА)	Центральный аспект, инструмент легитимации/критики, поле идеологической борьбы
Парадигма	Разнообразные	Доминирование постмодернистской парадигмы (множественность, симуляция, гиперреальность, деконструкция)

Таблица 3. Авторская модель анализа дискурсивных стратегий в освещении этнополитических конфликтов в СМИ:

Группа анализируемых стратегий	Примеры стратегий	Описание стратегий
1. Исторический фон. Факторы вражды.	Стратегии исторического дискурса.	Анализ исторических нарративов, коллективной памяти, мифов и символов, используемых для объяснения истоков конфликта.
2. Стратегии, связанные с отбором информации, выбором событий и их отдельных аспектов для освещения.	Повестка дня	Определение «важности» тем и событий (Маккомбс и Шоу)
	Атрибутивная повестка	Акцентирование отдельных атрибутов события для формирования отношения
	Прайминг	Активация в сознании аудитории определенных стереотипов и схем для интерпретации новых событий (Айенгар, Питерс, Киндер)
	Фрейминг,	Контекстуализация события через эпизодические (конкретный инцидент) или тематические (системные причины) рамки (Айенгар, Гоффман)
3. Лингвистические стратегии.	Поляризация	Создание бинарных оппозиций («мы/они», «добро/зло»)
	Метафоризация	Использование концептуальных метафор для упрощения сложных явлений (например, «этническая чистка»)
	Этнофолизация	Использование уничижительных этнических прозвищ
	Эвфемизация и дисфемизация	Смягчение или, наоборот, ужесточение формулировок для манипуляции восприятием
	Язык вражды	Коммуникация, разжигающая ненависть на разных уровнях: текстуальном, контекстуальном и метаконтекстуальном (Сычѳв, Коваль, Жадунова)
4. Семиотические стратегии.	Сконструированные образы и символы	Анализ знаков, символов и метафор для выявления скрытых посланий. Использование «дискурсивного символизма» (языковое конструирование) и «презентативного символизма» (мифы, эмоции) для

		создания социокультурной реальности (Лукьянова, Пирс, Барт, Эко).
5. Стратегии, включающие в себя нетекстовые структуры и обрамляющие конструкции.	Заголовки, фотографии и пр.	Анализ визуального контента (фотографий) и элементов оформления (заголовки, подписи), которые формируют визуальную повестку дня, придают аутентичность, вызывают эмоции и могут манипулировать восприятием события, дополняя или противореча текстовому сообщению (Уилкс, Энтман).

Рисунок 1 - Фотография к новости от 28.09.2022 в новостном сообществе «Комсомольская правда» ВКонтакте. Источник: https://vk.com/club15722194?w=wall-15722194_6859253

Рисунок 2 - Фотография к новости от 16.05.2023 в новостном сообществе РБК ВКонтакте. Источник: https://vk.com/club25232578?w=wall-25232578_14364133

Рисунок 3 - Фотография к новости от 08.08.2019 в новостном сообществе РИА Новости ВКонтакте. Источник: https://vk.com/wall-15755094_26043367

Рисунки 4 и 5 - Фотографии к новости от 26.08.2017 в новостном сообществе Комсомольская правда ВКонтакте. Источник: https://vk.com/wall-15722194_2647698

Рисунок 6 - Фотография к новости от 02.05.2023 в новостном сообществе РБК ВКонтакте.
Источник: https://vk.com/club25232578?w=wall-25232578_14291061